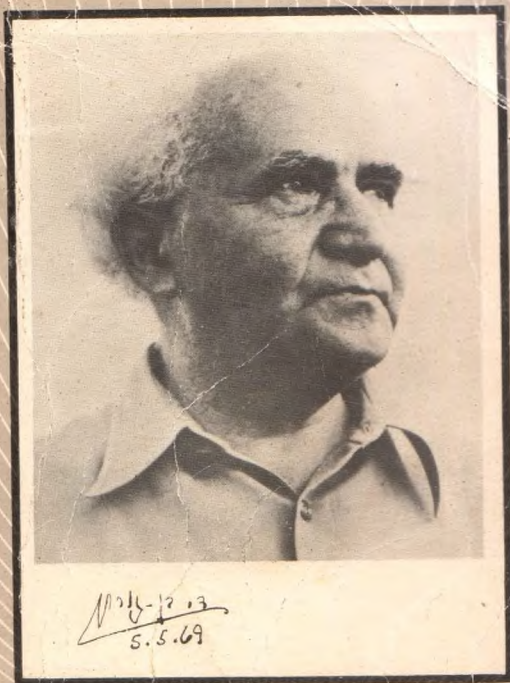

МИХАЭЛЬ БАР-ЗОХАР
БЕН-ГУРИОН

106

МИХАЭЛЬ БАР-ЗОХАР

БЕН-ГУРИОН

מיחאֵל בר-זוּחַ

בֵּן-גּוּרִיּוֹן

זוּחַ לְאוֹר בְּסִיּוּעַ:

ד דוד בן-גוריון

МИХАЭЛЬ БАР-ЗОХАР

Бен-Гурион

Биография

Книга II

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1985

Printed in Israel

מ. בר-זהר

בן-גוריון
ביוגרפיה

Перевела с иврита *Сима Векслер*
Под общей редакцией *Якова Цура*

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.
אגף להיבנות השכלה ואמנות, הפחי לספריות
הספרייה הגורית ע"ש ש. פזנר

70118/2

©

All rights reserved.

כל הזכויות שמורות

לקפריית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

СОДЕРЖАНИЕ

16. Государство для евреев	7
17. Образ вождя как воина	21
18. Великие годы	26
19. Глас, вопиющий в пустыне	60
20. "Гиблое дело"	75
21. Ветер войны	94
22. Операция "Кадеш"	126
23. Третье царство Израильское	156
24. Золотой век	182
25. Образ вождя как государственного деятеля и человека	215
26. "Дело Лавона"	229
27. Буря	256
28. Закат	282
Голос безмолвия	287

16. ГОСУДАРСТВО ДЛЯ ЕВРЕЕВ

”Все́му свое время и время всякой вещи под небом”, — сказано у Экклесиаста. С наступлением осени Бен-Гурион ощущал, что подошло время неизбежного противоборства с Палмахом.

Долго откладывал Бен-Гурион роспуск штаба Палмаха. И в период необъявленной войны, и в первые месяцы после провозглашения государства Палмах был острием штыка Армии Обороны Израиля и Бен-Гурион воздерживался от столкновения с ним.

Бен-Гурион постепенно ограничивал полномочия штаба Палмаха и отключал от него часть подразделений, находившихся в его ведении, но все еще воздерживался от последнего шага.

В августе 1948 года Игал Алон, командир Палмаха, был назначен командующим Южного фронта. Тем самым было сведено на нет большинство функций штаба Палмаха. Он уже не служил оперативным штабом. У него оставалось лишь три сферы деятельности: кадры, военная подготовка, общее образование бойцов. Существование такого штаба с обрезанными крыльями Игал Алон считал ”временным тактическим компромиссом со стороны Бен-Гуриона”, чем-то вроде ”короткой остановки по пути к роспуску”. Он был прав.

17 сентября 1948 года произошло убийство Бернадотта, а затем в течение нескольких дней были разгромлены отколовшиеся организации. Бен-Гурион решил воспользоваться этой возможностью также для того, чтобы положить конец обособленности Палмаха. 21 сентября он вызвал к себе начальника генштаба, Игаэля Ядина, и руководителей Палмаха для выяснения вопроса.

29 сентября Старик сообщил Генеральному штабу, что решил распустить штаб Палмаха и составил соответствующую директиву для начальника генштаба. Тем не менее он решил выждать подходящий момент для осуществления этой директивы. Удобный момент представился, когда правительство постановило начать военные действия против Египта. Накануне возобновления боев 7 октября Яков Дори направил штабу Палмаха специальное письмо, составленное согласно указаниям Бен-Гуриона. В этом письме начальник генштаба разъяснял, почему нет более никакой нужды в существовании отдельного штаба Палмаха и объявлял, что отныне бригады Палмаха будут непосредственно подчинены генштабу Армии Оборона Израиля.

В этот момент в действие неожиданно вступила та самая партия, которая до тех пор так рьяно отрицала свою связь с Палмахом — партия Мапам. Руководители Мапам решили выступить против решения о роспуске Палмаха. Однако они сделали это не на государственном форуме — не на заседании правительства или Государственного совета, но на... заседании правления Гистадрута. Ицхак Бен-Ахарон обратился к Гистадруту с призывом "потребовать от министра обороны, чтобы тот не вводил в силу указаний о роспуске штаба Палмаха".

И вот буквально в те самые часы, когда силы Армии Оборона Израиля готовились к прорыву линий обороны египетской армии, руководители рабочих партий, собравшиеся в зале заседаний правления Гистадрута, вели дебаты по вопросу о судьбе штаба Палмаха. В этих дебатах участвовали также начальник генштаба, командир Палмаха и даже Игал Алон, которому надлежало командовать операцией в Негеве. Дебаты были бурные и неприятные. Оба лагеря — Мапай и Мапам — возводили друг на друга тяжкие обвинения. Бен-Гурион определил действия Мапам, как "угрозу для целостности государства, самую серьезную опасность со времени создания государства".

Все члены Мапай, за исключением одного, сплотились вокруг Бен-Гуриона, отвечая на яростные атаки со стороны руководителей Мапам.

Спор длился несколько дней подряд. В конце концов большинством в 16 голосов против 8 была принята резолюция Мапай, утверждавшая предложенное Бен-Гурионом мероприятие.

Штаб Палмаха выполнил приказ и заявил о своем роспуске. Ни Палмах, ни Мапам не предприняли никаких шагов против власти государства.

Но у руководителей Мапам и командиров Палмаха остался на душе тяжелый осадок. Они видели в Бен-Гурионе врага, разрушившего прекрасное здание, в строительство которого вложила столько сил халуцианская молодежь Эрец-Исраэль. В своей "Книге о Палмахе" Игал Алон назвал Бен-Гуриона "ликвидатором". Подобно тому, как члены Эцела никогда не простили Бен-Гуриону историю "Альталены", так и ветераны Палмаха не простили ему роспуск своего штаба.

Следует рассматривать ликвидацию Эцела, Лехи и Палмаха как разные стороны одной медали — все это были необходимые шаги на пути создания единой государственной армии.

Другой лидер, быть может, не торопился бы так с проведением в жизнь этих болезненных операций. Он бы, вероятно, повременил с ликвидацией обособленных армий до окончания войны. Бен-Гурион предпочел сделать это при грохоте боя. Ему было ясно, что по окончании войны, когда в Эрец воцарится мир, будет гораздо труднее сломать установившиеся рамки, распустить организации, которые закалились в огне войны, проявили себя в боях и внесли свой вклад в победу. Он понимал, что осуществлять столь коренную и болезненную ломку можно лишь в атмосфере кризиса, когда враг стоит у ворот, когда необходимо сплотить ряды и нет возможности втягиваться в беспощадную внутреннюю борьбу.

Конечной целью Бен-Гуриона был роспуск всего

Палмаха — а не только его штаба.

В конце войны были распущены также палмаховские бригады, несмотря на предыдущие обещания Старика, что этого не случится. Окончательный роспуск Палмаха вызвал гневную реакцию у его командиров. В послевоенные годы большая часть их оставила Цахал и разошлась по домам. Офицеры, не состоявшие в Палмахе, но бывшие сторонниками Мапам, также ушли из армии. Их уход серьезно понизил уровень боеспособности Армии Оборона Израиля в первые годы после Войны за Независимость.

Двадцать лет спустя один из руководителей Мапам Меир Яари признал, что офицеры ушли из армии в соответствии с директивой партии. "Оглядываясь назад, — писал он, — я сомневаюсь в том, было ли в тогдашней военной обстановке оправданным совместное постановление Ахдут ха-авода и Мапам о демонстративной отставке офицеров-членов партии".

15 октября, согласно намеченному плану, автоколонна с продовольствием вышла в направлении Негева — и египтяне точно выполнили роль, "предназначенную" им Израилем. Они атаковали колонну на глазах наблюдателей ООН. Два грузовика были повреждены и загорелись. Армия Оборона Израиля немедленно вступила в дело. Началась операция "Эсер макот".

Это была первая операция Израиля, носившая ярко выраженный наступательный характер. В ней участвовали силы в масштабе дивизии. Операция началась авиационным ударом по аэродрому Эль-Ариш. Затем ночью подразделения Цахала вторглись в расположение египетских войск, вонзившись клиньями между египетскими частями; египтяне хорошо окопались и воевали упорно и мужественно. Во время операции "Эсер макот" произошли самые жестокие и кровопролитные бои за всю историю Войны за Независимость — рукопашные бои за овладение командными высотами, когда в ход пускались не только

винтовки, но и ножи, кулаки, даже зубы.

Семь раз штурмовали подразделения Цахала "чудо-вище" — крепость Ирак-Сувейдан и семь раз атаки их были отбиты и они откатывались назад. Однако разгром египтян начался именно в районе береговой полосы. Как только египтяне почувствовали, что силы Цахала вот-вот прорвутся к морю и их войска окажутся под угрозой полного окружения, они начали поспешно отступать.

Отступление египетских частей продолжалось и после прекращения боев. Через несколько дней после вступления в силу нового прекращения огня египтяне завершили свое бегство на юг и Цахал занял всю Прибрежную равнину, включая Ашдод и Ашкелон.

Панически отступая из прибрежной полосы, египтяне оставили отрезанным один участок своего фронта — и сильная египетская бригада оказалась окруженной в районе, прозванном "Фалуджийский мешок".

19 октября, когда бои еще были в полном разгаре, собрался Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, потребовавший немедленного прекращения огня. Бен-Гурион задержал ответ Израиля, чтобы выиграть еще сутки-двое и завершить выполнение поставленной задачи. Первая оттяжка была получена за счет созыва заседания правительства лишь на следующий день после резолюции Совета Безопасности — 20 октября. Израиль выиграл одну ночь — но это была важная ночь. В жестоком бою, когда каждый шаг давался с трудом, были захвачены командные высоты Хуликат и освобождено главное негевское шоссе. После восьми месяцев блокады Негев воссоединился с остальной территорией государства.

В предутренние часы, еще до рассвета, бойцы Палмаха прорвались в Беер-Шеву и отвоевали ее у врага. Взятие Беер-Шевы вызвало многочисленные отклики в Эрец и во всем мире. Беер-Шева, известная миру по Библии, была столицей арабского Негева, символом египетского владычества в этом районе. Ее падение увеличило престиж Израиля и усилило процесс демо-

рализации в египетской армии.

Огонь был прекращен.

Операция "Эсер макот" длилась шесть дней. По существу, военные действия продолжались и после того, как в силу вступила резолюция о прекращении огня. Через семнадцать дней был сломлен, наконец, и Ирак-Сувейдан; однако "Фалуджийский мешок" еще держался. Героическое сопротивление египтян в Фалудже вызвало уважение Бен-Гуриона, который назвал "Фалуджийский мешок" "египетским Тобруком". Египтяне продержались в "Фалуджийском" мешке вплоть до заключения перемирия.

Победа Армии Обороны Израиля в Негеве нашла горячий отклик за границей.

Когда операция на юге успешно завершилась, Бен-Гурион обратил взоры на север. Командующий Северным военным округом Моше Кармел получил разрешение действовать. И на этот раз имелся предлог для начала сражения: нарушение прекращения огня Армией спасения Каукджи. Кармел прекрасно провел всю молниеносную операцию: в течение шестидесяти часов его войска освободили всю центральную Галилею, вторглись в Ливан, захватив там 14 деревень и остановившись у берегов реки Литани. Теперь вся Галилея и изрядная часть Ливана были в руках Цахала.

Радостные вести из Галилеи застали Бен-Гуриона в Беер-Шеве, которую он посетил впервые после ее освобождения. Вести эти придали ему большую уверенность в себе и еще более усилили его стремление, окрепшее в нем за последние месяцы — освободить всю страну. Тут же на месте наметил он следующий шаг. "Теперь, после того, как более или менее разберемся, какова реакция мира, надо заняться треугольником — давление на Дженин, Туббас и Туль-Карем. Если дойдем до Шхема — Рамалла падет сама".

Однако Бен-Гурион не хотел действовать, не оценив внешнеполитического положения. "Я просил Реувена (Шилоаха) телеграфировать Эвену о случившемся и запросить у него оценку ситуации в Па-

риже”.

Из Парижа пришли неприятные сообщения. Представители Англии и Китая внесли проект решительной резолюции, требовавшей отступления Израиля до линий, занимаемых им на 14 октября.

Резолюция Совета Безопасности охладила пыл Бен-Гуриона; план операции в ”треугольнике” был отложен. Тем временем новый представитель ООН на Ближнем Востоке Ральф Банч потребовал от Израиля отхода с занимаемых им в Негеве позиций и отступления из Беер-Шевы, куда должен быть назначен египетский губернатор. Англия требовала, чтобы Негев был передан Трансиордании, Советский Союз поддержал предложение о возвращении к границам 29 ноября. Соединенные Штаты Америки настаивали на переговорах между Израилем и арабами о территориальном компромиссе. Бен-Гурион вел себя по отношению к ООН осторожно, но отказывался уступить даже сантиметр занятой территории Негева.

Принцип своей политики Старик разъяснил на закрытом заседании генштаба. ”Говорят, что война — это продолжение политики иными средствами. Это не всегда верно. Наша война была в начале самозащитой против попытки уничтожить нас. Но со времени первого прекращения огня в наших военных действиях есть нечто от политического акта. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций должна была обсуждать вопрос о Негеве и Галилее, и необходимо было изменить факты, с тем, чтобы судьба Негева и Галилеи не зависела исключительно от этих дебатов. Операция в Негеве повлекла за собой операцию в Галилее, ибо когда Негев оказался в наших руках, появилась политическая опасность для Галилеи. Есть еще один объект — Иерусалим. Галилею мы сокрушили военной силой и почти решили вопрос с политической точки зрения; в Негеве решать будет в значительной мере, если не полностью, военное положение. В судьбе Старого города решать будет не военная сила, а политико-религиозные факторы, и представится

ли нам возможность действовать на других территориях — будет зависеть от разных обстоятельств”.

16 ноября Совет Безопасности постановил, что Израиль и его арабские противники должны начать переговоры о заключении перемирия. Египет заявил, что он отказывается вести переговоры с Израилем. Бен-Гурион был убежден, что Египет хочет выйти из войны, но потребуется еще один поединок с ним, чтобы сломить его нежелание вести переговоры.

На исходе декабря Бен-Гурион распорядился начать последнюю операцию против Египта — операцию “Хорев” (так иногда именуется в Библии гора Синай, где была дарована еврейскому народу Тора. — *Прим. пер.*).

Операция “Хорев” преследовала далеко идущие цели: на первой стадии изгнание египтян из израильской части Негева, на второй стадии — окружение сектора Газы и уничтожение находящихся в нем египетских войск.

Для проведения операции были снова выделены крупные силы — пять бригад под командованием Игала Алона.

К началу операции в Негеве бушевали сильные ливни, песчаные бури и студёные ветры. После ожесточенных боев, 27 декабря была взята Уджа эль-Хафир. На следующий день войска Армии Обороны Израиля пересекли государственную границу и вошли в Синай, в ту же ночь был взят Умм-Катеф. На следующий день Цахал овладел Абу-Агейлой. Оттуда главные силы двинулись на север и захватили восточный аэродром Эль-Ариша. Несмотря на упорное сопротивление египтян, было похоже, что их силы сломлены. Кажется, оставалось лишь протянуть руку, чтоб взять Эль-Ариш, а это означало окружение всех египетских армий, сосредоточенных в секторе Газы и на северо-востоке Синая. Эхо этой войны произвело потрясение и в самом Египте. 28 декабря группой фанатиков, принадлежавших к “Мусульманским братьям” в Каире

был убит премьер-министр Нукраши-паша. Казалось что ничто уже не может предотвратить окончательное политическое и военное поражение Египта.

Но 31 декабря все вдруг перевернулось вверх дном. В конфликт вмешался тот единственный фактор, которого опасался Бен-Гурион, та страна, которую Бен-Гурион считал "невидимым" врагом Израиля — Англия.

В тот день Бен-Гурион отправился в Тверию — искупаться в лечебных горячих источниках. Там ему вдруг сообщили, что представитель США Макдоналд передал израильскому правительству послание, в котором сообщалось, что Англия, исходя из своего оборонительного пакта с Египтом, двинет свои силы против Израиля, если израильская армия не прекратит продвигаться в глубь территории Египта. "Следует ли отдать Цахалу приказ о возвращении на свою территорию?" — спрашивал Шарет во время срочного телефонного разговора.

Бен-Гурион распорядился, чтобы армия отступила из Синая.

Немедленное решение Бен-Гуриона отвести войска Цахала из Синая показывает, насколько обеспокоило его известие о возможном вмешательстве Англии.

Тем временем кризис разрастался, и события быстро следовали одно за другим.

Одиннадцатого января Макдоналд самолично явился в Тверию. Бен-Гурион принял его в маленькой комнатке, примыкавшей к залу гостиницы "Галей Киннерет". Американский представитель зачитал послание от самого президента Трумэна:

1. Американское правительство получило достоверные сообщения, что вооруженные силы Израиля вторглись на египетскую территорию...

2. Мое правительство получило официальное заявление от британского правительства о том, что оно весьма озабочено сложившимся положением, и что если израильские вооруженные силы не оставят территорию Египта, британское правительство будет

считать себя обязанным действовать в соответствии с договором от 1936 года, заключенным между Англией и Египтом...

3. Правительство Соединенных Штатов Америки, исходя из того факта, что оно первым признало Израиль, а также из того обстоятельства, что оно поддерживает просьбу израильского правительства о приеме Израиля как миролюбивого государства в члены Организации Объединенных Наций, желает, ввиду своей глубокой озабоченности создавшимся положением, обратить внимание правительства Израиля на серьезную опасность, которой Временное правительство Израиля подвергает мир на Ближнем Востоке своими необдуманными действиями, а также на то, что они могут привести к пересмотру позиции США в вопросе о вступлении Израиля в ООН и вызовут тем самым необходимость заново пересмотреть отношения между Соединенными Штатами Америки и Израилем...

4. Нам представляется, что в доказательство мирных намерений правительства Израиля и ради предотвращения дальнейшего углубления конфликта необходимо, как минимум — немедленно вывести израильские вооруженные силы с территории Египта...

Письмо президента Соединенных Штатов Америки носило весьма серьезный характер. Бен-Гурион выразил свое огорчение по поводу "сурового" тона послания. "Есть ли необходимость могущественной державе обращаться в таком тоне к маленькому слабому государству?"

Макдоналд в неофициальном порядке тоже признал, что был ошеломлен резким тоном послания президента. "По-видимому, на президента оказывали сильное давление", — заметил дипломат.

Коснувшись существа требований американского президента, глава правительства Израиля сказал: "Вследствие освобождения Негева наша армия перешла границу в рамках маневра, однако она уже получила распоряжение вернуться назад".

Египет заявил, что в случае прекращения огня он будет готов начать переговоры о перемирии с представителями Израиля. Седьмого января бои в Негеве прекратились.

В ходе операции "Хорев" удалось лишь частично достичь поставленных целей, и наряду с победами на счету Цахала было и несколько поражений. "Фалуджийский мешок" так и не был вскрыт, сектор Газы и сама Газа не были взяты, египетская армия не была изгнана из Эрец-Исраэль.

Англия не отказалась от мысли продемонстрировать свое присутствие в районе и в последние часы битвы неожиданно появилась на арене. Во второй половине дня самолеты "Спидфайр" с опознавательными знаками британских военно-воздушных сил появились над перекрестком шоссе Рафиях — Эль-Ариш — видимо, чтобы удостовериться в отступлении частей Армии Обороны Израиля из Синая. По британским самолетам был открыт зенитный огонь и израильские военные самолеты ринулись им наперерез. Три английских самолета были сбиты. Через несколько часов над позициями израильских войск снова неожиданно появились английские самолеты. Истребители израильских ВВС вновь вылетели им навстречу и на этот раз сбили два самолета. Несколько сбитых самолетов упало на территории Израиля, несколько — на территории Египта. Игал Алон, не колеблясь, приказал перетащить обломки британских самолетов на израильскую территорию.

Известия о происшедшем встревожили Бен-Гуриона, усилив его опасения перед возможностью столкновения с Великобританией.

Однако этого не случилось. Наоборот — президент США на этот раз резко осудил Англию за то, что она направила свои самолеты непосредственно в зону военных действий и послала туда войска. И так, до столкновения с Англией дело не дошло.

"Удивительно прекрасный день, — записал Старик в дневнике, приехав 8 января 1949 года в Тверию. —

Неужели сегодня кончилась война?”

13 января в "Отель де Роз" на острове Родос начались переговоры о перемирии. Египет вышел из войны. И взоры Старика вновь обратились на восток.

Бен-Гурион все еще склонялся к мысли, что необходимо дать еще одно сражение на Восточном фронте — в "треугольнике" и в Иерусалиме. При этом в душе Старика боролись два противоречивых стремления: с одной стороны, потребность в мире, с другой — ощущение, что без войны он не достигнет некоторых из тех жизненно важных целей, которые поставил перед собой — отхода иракской армии от существующей линии фронта, опасной для Израиля ввиду ее чрезвычайной близости к Средиземному морю в районе Нетании и Хадеры; освобождения дороги на Иерусалим — Латрунского шоссе и железной дороги; а также прохода на гору Скопус в Иерусалиме; ослабления британского влияния в Палестине.

Выбирая между двумя альтернативами — мирным урегулированием и войной, — Бен-Гурион пришел к выводу, что откажется от военной альтернативы только при одном условии: если добьется подлинного мира с Трансиорданией.

В таком духе Бен-Гурион и дал указания Моше Даяну, когда в продолжение ноября — декабря выяснилось, что ничем не примечательные контакты, установившиеся в Иерусалиме у молодого израильского офицера с арабским полковником Абдаллой Эль-Телем перерастают в государственные переговоры. Тель был уполномочен эмиром вести переговоры о перемирии в разных секторах, однако Бен-Гурион приказал Даяну в категорической форме заявить иорданцам, что Израиль заинтересован не в обсуждении условий временного перемирия, но только и исключительно — мирного урегулирования.

В течение января Моше Даян и Элияху Сассон несколько раз тайно встречались с эмиром Абдаллой

в его дворце. В этих беседах эмир выразил готовность пойти на мирное урегулирование с Израилем. Среди прочего обсуждался вопрос об открытии в Газе порта, который предоставил бы Трансиордании выход в Средиземное море. Абдалла решительно отверг предложение о том, чтобы Израилю был передан район Умм-Рашраш, то есть Эйлат.

Пока продолжались эти секретные переговоры с Абдаллой, израильская делегация на острове Родос заключила с Египтом соглашение о перемирии. Сектор Газы оставался в руках египтян; Египет признавал международную границу по Негеву границей Израиля.

Когда в конце февраля было подписано соглашение с Египтом, Бен-Гурион почувствовал, что пришло время установить еще несколько "фактов" в Восточном секторе. Он приказал провести военную операцию по захвату Эйлата. Операция была названа "Увда" ("факт"), и она действительно установила новый факт в духе лучших бенгурионовских традиций. Две бригады — "Голани" и "Негев" тайно выступили по разным дорогам в направлении Красного моря. Десятого марта обе бригады без боев подошли к Умм-Рашраш. Рядом с двумя жалкими хижинами, стоявшими на берегу живописного Эйлатского залива солдаты Палмаха подняли самодельное, раскрашенное от руки знамя.

Так, применив военную силу, Бен-Гурион достиг того, что не соглашался добром отдать ему Абдалла. На следующий день Старик записал в дневнике: "Это было самое важное событие за последние месяцы, если не за всю эту освободительную и наступательную войну... Пришла ли очередь "северного треугольника"?"

Бен-Гурион отказался от намерения захватить "северный треугольник" из-за дипломатических успехов: иракская армия решила передать свои позиции Арабскому легиону и вернуться на родину. Моше Даян сообщил эмиру Абдалле, что Израиль согласится на эту перемену только при условии, если линия

фронта будет изменена. Иорданцы согласились, согласились они и на включение всех железнодорожных путей на Иерусалим в территорию государства Израиль.

Третьего апреля на острове Родос было подписано соглашение о перемирии с Трансиорданией. Десятью днями ранее было заключено также соглашение о перемирии с Ливаном. Соглашение с Сирией было подписано 20 июля. Ирак решительно отказался подписывать соглашение с Израилем.

Завершилась Война за Независимость. На приеме для писателей и деятелей искусства, собравшихся в доме Бен-Гуриона, Хаим Гури, любимый поэт бойцов Палмаха, спросил Старика: "Почему не освобождена вся Эрец?"

Старик ответил: "Была опасность осложнения отношений с большинством враждебно настроенных арабов, которая привела бы или к Дир-Ясину и изгнанию массы арабов, или к тому, чтобы на территории государства Израиль оказался миллион арабов. Была, кроме того, угроза осложнений в ООН и в отношениях с великими державами, а также опасность, что лопнет государственная казна".

Бен-Гурион прибавил: "Мы и так освободили очень большую территорию, гораздо большую, чем думали. У нас теперь хватит работы на два-три поколения. А что будет дальше — посмотрим потом".

Так он сказал. Нам думается, что если б он с полной откровенностью раскрыл свои чувства, то признал бы, что он сам больше всех мечтал об освобождении Эрец-Израэль, но внешние условия, давление со стороны великих держав и ООН, опасения, вызванные намерениями англичан, острые внутренние проблемы, необходимость строить и восстанавливать разрушенное, принимать массовую алию — все это остановило его. Реалист снова взял верх над мечтателем, государственный деятель — над завоевателем.

17. ОБРАЗ ВОЖДЯ КАК ВОИНА

В траншеях разбомбленной Хулды Бен-Гурион появился в каске; в Беер-Шеве — в шинели и военной шапке; в Эйн-Геди — в мундире цвета хаки, куфие, обмотанной вокруг шеи, с пистолетом на ремне; в Эйлате — в зимнем военном обмундировании: берете, защитного цвета гимнастерке и галстукке, с полевым биноклем в руках.

Старик любил носить военный мундир. В этом находило выражение и его положение главнокомандующего, и ощущение неразрывной связи с солдатами, которыми он командовал. Не только в одежде, но и в своих речах, в частых посещениях фронтов, в том, как он навязывал свои решения генштабу и в том, с какой кровной заинтересованностью относился к ходу военных операций, Бен-Гурион проявлял себя как яркий военный деятель. Быть может, соединение этих черт военачальника и национального вождя, способность вселять в свой народ силу и уверенность в победе, беспредельное упорство и всеобъемлющий политический кругозор — все это сообщало его фигуре в те роковые дни поразительное сходство с Черчиллем. Подобно Черчиллю, Бен-Гурион привел свой народ от отчаянного положения на грани национальной катастрофы через грозные испытания к полной победе.

В молодом государстве Израиль Бен-Гурион видел прямое продолжение предшествующих израильских царств. Ему хотелось вычеркнуть период галута из истории еврейского народа и снова начать его летоисчисление с того места, где оно было прервано, с последних героических деяний народа Израиля на его земле, когда он воевал за свою независимость против могущественных держав. Не случайно называл он

основанное им государство ”в о с с т а н о в л е н н о е государство Израиль” (подчеркнуто автором). Не случайно именно в дни Войны за Независимость стал он вставлять в свои речи и статьи длинные цитаты из Библии. Это обращение к Писанию, опора на слова пророков и строки библейских книг не были искусственными для него. Бен-Гурион ощущал полное духовное слияние основанного им Израиля с Израилем, павшим под ударами врага. Для него было так же естественно пользоваться библейским языком, с его красочными образами и эпитетами, рассказывая о героических деяниях обновленного Израиля, как для авторов Библии — в повествованиях о сражениях Израиля, некогда существовавшего.

Из реальных фактов 1948 года сложились и окрепли основополагающие принципы, характерные для военной политики Бен-Гуриона, вплоть до его смертного часа. Первое правило: Армия Оборона Израиля должна быть настолько сильна, чтобы, если, не приведет Бог, придется ей воевать со всеми арабскими армиями сразу, она могла победить их. И второе правило: никогда не ввязывать Цахал в войну против европейской, американской, русской и тому подобных армий.

Руководя ходом войны, Бен-Гурион продолжал применять еще один принцип, который уже давно стал его отличительным признаком: установление фактов, не поддающихся изменению. В разгар боев он изо всех сил ускорял появление зачатков будущих поселений на земле Эрец — в Галилее, в Негеве, в Иерусалимском коридоре. Он непрестанно понукал работников, ответственных за поселенчество, и руководителей халуцианского движения, побуждая их скорее заполнить вакуум, образовавшийся в результате бегства арабов с обширных территорий, и укреплять слабые точки в районах еврейского заселения.

Вместе с тем он признавал, что Израиль должен стремиться к установлению отношений взаимопонимания и мира с арабскими странами. ”Какова наша действительность?” — с таким вопросом обратился

он к командирам Цахала на совещании высшего командного состава, состоявшемся в конце 1948 года. "Мы нанесли арабам удар. Скоро ли они забудут его? Семьсот тысяч человек разбили тридцать миллионов; забудут ли они это оскорбление? Следует полагать, что у них есть чувство чести. Будем действовать мирными средствами, но ведь для мира нужны две стороны".

Бен-Гурион опасался, что у арабов появится какой-нибудь сильный вождь типа Мустафы Кемалья Ататюрка, который сумеет объединить арабов на борьбу против Израиля.

Арабский Ататюрк еще не появился во времена Бен-Гуриона. Однако арабский лидер, который пытается сплотить весь арабский мир против Израиля, уже обдумывал свои революционные идеи в траншеях Фалуджи — это был Гамаль Абдель Насер.

Однажды в 1940 году Бен-Гурион поехал на машине в Хайфу. На заднем сиденье той же машины, замирая от сознания того, что сам Бен-Гурион пригласил его ехать вместе, сидел семнадцатилетний юноша. Бен-Гурион долго молчал, погруженный в свои думы. Вдруг он обратился к юноше и сказал: "Послушай, Троцкий не был политиком! В Брест-Литовске он сказал: "Ни мира, ни войны". Это неправильно. Надо было сказать: "Война", со всеми ее опасностями, или "Мир", пусть связанный с отступлением. Ленин сказал "Мир". Троцкий не был русским — он был еврей. Он не был политиком, не понимал Советской России".

Это происшествие врезалось в память юноши. Уже возмужав и лучше узнав Бен-Гуриона, став одним из его ближайших помощников, Шимон Перес продолжал видеть в том случайном высказывании Бен-Гуриона ключ к пониманию его личности. В его характере доминировали две основные черты: во-первых, нестандартный подход к действительности. "Все поразились мудрой формулировке Троцкого "ни мира, ни войны". И вот находится человек, который не

принимает общепринятого мнения, даже если все единодушны в его поддержке. Во-вторых, в тех словах Бен-Гуриона ярко выразилась его вера в четкость позиции, в принятие однозначных решений со всеми вытекающими последствиями. Слова его указывали на смелость при подсчете шансов на успех и риска”.

Способность принимать решения была, действительно, наиболее характерной чертой в личности Бен-Гуриона как военачальника. Он умел рубить, принимать решения, чреватые роковыми последствиями, и не раз они бывали болезненными и непопулярными. В них была смелость, доходившая до лихости, как, например, в случае с операцией ”Эсер макот”. Другие же его решения свидетельствовали о склонности к сугубой осторожности, например, отступление из Синая.

Для такого ярко выраженного активиста, как Бен-Гурион, распоряжение об отступлении было тяжелее любого решения о наступлении или захвате какой-нибудь территории. Но, подобно Ленину в истории с Брест-Литовским миром, Бен-Гурион умел принимать трудные решения, даже если они вступали в неразрешимые противоречия с его стремлениями и замыслами.

Он понимал, что в войне неизбежны жертвы. Но если солдаты погибали в мирные дни — на учениях или в результате несчастных случаев — он бывал потрясен и бушевал как никогда. Во время первых маневров Армии Оборона Израиля после Войны за Независимость он собственными глазами видел, как в Галилее погибли при неудачном приземлении двое парашютистов. Бен-Гурион пришел в ужас. ”В первый раз я вижу человека, погибающего на моих глазах”, — сказал он Игаэлю Ядину, который прибыл вместе с ним на место катастрофы и переносил тела убитых в свой джип. ”Я был смертельно угнетен этим несчастьем”, — записал Бен-Гурион. Иосеф Авидар добавляет: ”В тот вечер я не узнал Бен-Гуриона. Он постарел лет на десять. Это был для него страшный

удар. Два человека! В войне мы потеряли шесть тысяч, но смерть этих двоих была ненужной”.

Свою жгучую боль о воинах, погибших в дни войны, он выражал лишь в письмах — искренних, проникнутых чувством любви и скорби, письмах, которые посылал осиротевшим родителям солдат, павших в боях за Израиль. В этих письмах обнажается его чувствительная, столь человеческая душа, скрытая за броней твердости и резкости. В разгар Войны за Независимость он писал отцу, потерявшему сына: ”Эти родители, с которыми мне не довелось познакомиться лично — число их уже измеряется сотнями и тысячами. Их потеря и скорбь сопровождают каждого из нас до последнего дня. С тех пор, как разразилась война и начались осады и великие битвы и каждый еврейский дом в мире радовался победам, завоеваниям и независимости, в моем доме не было веселья, потому что еще до всего до этого я представлял себе наших дорогих сыновей, самых любимых и прекрасных, которые не раздумывая, так героически и просто пожертвовали жизнью за свободу своей родины и народа... И даже в дни великих достижений — а в этом году были в жизни нашего народа поистине великие дни — не переставало мое сердце сжиматься от боли за пролитую кровь наших дорогих детей.

Я знал, что на этот раз их кровь прольется не напрасно, и что если стоит из-за чего-нибудь умирать — то это самая достойная причина. Но тяжело, и горько, и печально, что надо проливать эту кровь и что до времени обрывается их прекрасная, славная жизнь”.

18. ВЕЛИКИЕ ГОДЫ

Завершилась Война за Независимость.

Бен-Гуриону не терпелось дождаться ее официального окончания и подписания соглашений о перемирии. Не успели смолкнуть звуки боя, как он уже перенес центр своего внимания с поля битвы на новую цель, которая воспламеняла его воображение и подхлестывала его кипучую энергию. Одним внезапным поворотом руля он резко изменил направление; теперь он отдавал все свои силы ради достижения той цели, на пути к которой все его предыдущие успехи были лишь промежуточными остановками — собиранию рассеянных по свету еврейских общин.

Находились люди среди видных руководителей Мапай и министров — главным образом, из умеренного лагеря — которые опасались, что неограниченная алия приведет к краху государства. С логической точки зрения они были правы. Как сможет государство, насчитывающее 700 000 жителей, принимать из года в год сотни тысяч репатриантов? Однако Бен-Гурион не обращал внимания на доводы своих коллег. Почти в одиночку он навязал товарищам по партии, правительству, Еврейскому Агентству самое важное решение из всех принятых после основания государства — открыть ворота Эрец перед массовой алией.

”Может быть, единственное дело, которое я сделал после войны — это то, что я навязал и правительству, и правлению Еврейского Агентства, несмотря на их весомые и отнюдь не безосновательные возражения, прием большой алии без каких бы то ни было денежных, финансовых расчетов. Если эта алия будет успешной — это не будет моей заслугой. Алия осуществляется в силу исторических причин, из-за нужды, притеснений, надежды — а в ее устройстве и заботах о ней принимают

участие тысячи людей. Но если она провалится и приведет к краху государство — а это многие утверждали, и не без основания, — буду виноват только я”.

Задача, поставленная Бен-Гурионом, была такова: за четыре года удвоить население страны.

Массовая алия превратилась в великолепную и увлекательную эпопею. Поток новых репатриантов хлынул в страну еще в разгар боев Войны за Независимость. Более 100 000 евреев репатрировались между 14 мая и 31 декабря 1948 года; и страна, воевавшая за свою жизнь, нашла в себе силы позаботиться о них, об их жилье и трудоустройстве. В 1949 году наплыв репатриантов был еще больше: в Эрец прибыло 239 576 олим; в 1950 — 170 249; в 1951 — 175 095; в течение четырех лет прибыло 585 748 репатриантов, что вместе с естественным приростом населения увеличило численность евреев в Израиле на 120%. Задача, поставленная Бен-Гурионом — удвоение еврейского населения Эрец за четыре года — была полностью выполнена.

Все эти сотни тысяч людей надо было расселить,строить, приучить к новому образу жизни, обучить различным специальностям, превратить в единый народ с общим языком и культурой. Сначала репатриантов селили в оставленных англичанами военных лагерях, в брошенных арабами домах, сараях, деревнях. Потом появились жалкие палатки, парусиновые и жестяные бараки, пыльным цветом расцвели по всему Израилю временные лагеря. Зимой начались проливные дожди, холодные ветры, снег — и в лагерях олим пошла наводнения и болезни, летом жители этих временных пристанищ страдали от безжалостно палящего солнца. В отдельные периоды до двухсот тысяч человек размещалось в палатках, и случалось, что в одной палатке жило по две семьи. Страна покрылась множеством лагерей, построенных из чего попало, жилыми кварталами, обитатели которых проживали в невероятной скученности, спешно построенными уродливыми городишками.

Государственная казна была пуста, израильское пра-

вительство предпринимало отчаянные усилия раздобыть ссуды, кредиты, субсидии от иностранных правительств, пожертвования от евреев диаспоры. Снова и снова опорожнялась казна и на государственных складах не оставалось запасов основных продуктов питания. Не раз жизнь всего ишува зависела от корабля с пшеницей или мукой, задержка которого на пару суток могла привести к голоду.

На уже устроенное население были наложены тяжелейшие налоги. Был установлен режим строжайшей экономии, индивидуальные потребности граждан были сведены до минимума, предельно ограничены государственные расходы иностранной валюты. Нехватка жизненно важных продуктов и товаров, естественно, вызвала появление черного рынка, который процветал повсюду. Бен-Гурион мобилизовал на борьбу с черным рынком службу безопасности, полицию, общественных и государственных деятелей и самолично возглавил борьбу с этим бедствием.

Впоследствии он утверждал, что четыре первых года существования государства были "самыми великими годами в нашей истории со времен победы Хасмонеев над греками — за 2113 лет до возрождения государства в наши дни".

Но "великие годы" принесли Бен-Гуриону и горькие разочарования.

Выборы состоялись 25 января 1949 года. Мапай получила в Кнесете 46 мест из 120. Мапам, борováшаяся с ней за гегемонию над народными массами, получила всего 19 мест, в то время, как фронт религиозных партий добился 16, а движение Херут — 14 мест. Общие сионисты сумели послать в Кнесет всего 7 депутатов, а Прогрессивная партия — пять. Но мечта Бен-Гуриона о создании широкой коалиции быстро разлетелась в прах. Общие сионисты отказались войти в правительство. Еще большую боль причинил ему отказ Мапам, вытекавший, главным образом, из ее жесткого политического курса, просоветского до слепоты, и ее резкой критики политики, проводимой Мапай. Та самая яр-

ко халуцианская партия, бывшая, казалось бы, естественной союзницей Мапай, отказалась принимать участие в самом величайшем историческом деле, за которое принимался еврейский народ: абсорбция алии, включение новых репатриантов в жизнь страны, строительство Армии Оборона Израиля.

Так Бен-Гурион был вынужден править с помощью узкой коалиции Мапай, фронта религиозных партий и Прогрессивной партии. Это была неустойчивая коалиция, которая то и дело рассыпалась и, наконец, в 1951 году пришлось распустить Кнесет всего через два года после его учреждения и устроить новые выборы. И в Кнесете второго созыва случались многочисленные правительственные кризисы. Когда оглядываешься назад, бросается в глаза причудливая ирония тогдашней ситуации — союзниками Бен-Гуриона в деле халуцианского строительства были религиозные партии и общие сионисты, тогда как его прежние товарищи Табенкин, Бен-Ахарон, Галили и более молодые сподвижники Алон, Кармел и другие заперлись в рамках движения "Киббуц ха-меухад"; да и руководители Ха-шомер ха-цаир — Яри, Хазан, Бентов, члены их киббуцов, все их халуцианское движение уклонялось от всякой ответственности за дело созидания государства Израиль.

Чтобы собрать все силы для строительства государства, Бен-Гурион стремился достичь мира с соседними странами. Когда пришел к нему раз Моше Даян, бывший военным комендантом Иерусалима, и потребовал, чтобы Цахал начал действия против Иорданского легиона с тем, чтобы осуществить право Израиля на свободное движение по Латрунскому шоссе и к горе Скопус в Иерусалиме, Старик отказал. "Нам сейчас необходимо сосредоточиться на мирных задачах", — сказал он Даяну.

Бен-Гурион не бросил Цахал в новую войну за Иерусалим. Но неожиданно Иерусалим стал объектом дипломатических сражений — борьбы за интернационализацию города.

В конце 1949 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций решила обсудить вопрос о

введении в Иерусалиме статуса международного города. 5 декабря Моше Шарет позвонил Бен-Гуриону из Нью-Йорка и сообщил, что предложение об интернационализации города, вероятно, будет принято большинством голосов. Тщетно пытались Шарет и Эвен убедить дружественно настроенные к Израилю государства поддержать израильское предложение о международном контроле над святыми местами Иерусалима. Делегация Израиля в ООН направила Бен-Гуриону телеграмму, где говорилось: "У нашего предложения относительно Иерусалима есть шанс получить лишь один голос — голос израильской делегации". В тот момент Старик сидел у себя в кабинете и читал Библию. Секретарь сообщил ему о содержании телеграммы: "...нашему предложению гарантирован лишь голос израильского представителя". Бен-Гурион бросил взгляд на раскрытую перед ним Библию и произнес: "Да, но это — решающий голос!" — он попросил так и сформулировать ответную телеграмму: "По-моему, в данном случае довольно одного этого голоса".

9 декабря на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций было проведено голосование. Проект резолюции о введении в Иерусалиме статуса международного города был принят 38 голосами против 14 при 7 воздержавшихся. Эта резолюция поставила Израиль в тяжелое положение: если Израиль никак не отреагирует, — это означает, что он согласен с решением ООН. И Бен-Гурион снова поступил в соответствии со своей обычной системой — устанавливать факты, не подлежащие изменению.

На следующий день после голосования в ООН Бен-Гурион пришел на заседание правительства с предложением: немедленно перенести столицу в Иерусалим!

На заседании правительства начался бурный спор и обнаружилось серьезные разногласия. Большинство министров поддерживало Бен-Гуриона, но некоторые колебались. В телеграмме, пришедшей из Нью-Йорка, Моше Шарет заявлял о своей отставке с поста министра иностранных дел. Бен-Гурион не рассказал членам пра-

вительства о реакции Шарета, но в ответной телеграмме заявил Шарету, что не принимает его отставки.

13 декабря в пять часов вечера Бен-Гурион появился на заседании Кнесета. Он объявил, что во время боев Войны за Независимость, когда Иерусалим был в кольце блокады, государство было вынуждено во временном порядке сделать местом пребывания правительства Тель-Авив. "Но у государства Израиль была и будет лишь одна столица — вечный Иерусалим... С тех пор, как окончились бои, — продолжал Старик, — мы осуществляем перевод правительства в Иерусалим... Теперь не осталось уже никаких препятствий для возвращения Кнесета в Иерусалим, и мы предлагаем вам вынести решение по этому вопросу".

В мире решение Израиля вызвало настоящую ярость. Франция поспешила внести на рассмотрение комитета по правовым вопросам Организации Объединенных Наций проект резолюции, осуждающей Израиль. В Ватикане поднялась буря, католические страны выражали решительный протест. Но ничего не произошло.

Через считанные дни после решения Кнесета грузовики, нагруженные мебелью, документацией, конторским оборудованием и прочим, стали перевозить имущество различных правительственных министерств в столицу.

Лишь два министерства остались в Тель-Авиве: министерство обороны — по причинам безопасности, чтобы быть подальше от границы, и министерство иностранных дел, из-за опасения Шарета, что иностранные дипломаты откажутся ехать в Иерусалим. Шарет вернулся из ООН через несколько дней после постановления Кнесета. На заседании фракции Мапай в Кнесете он резко отозвался о принятом решении. Еще долгое время продолжал министр иностранных дел оставлять свое министерство в Тель-Авиве. Лишь под давлением разгневанного Бен-Гуриона в 1953 году он все-таки перевел свое министерство в Иерусалим.

Почему я думал, что мы сумеем это сделать? — говорил Старик много лет спустя. — "Прежде всего я

знал, что у нас есть союзник. И союзник этот — Трансиордания. Если им можно оставаться в Иерусалиме, то почему нам нельзя? Трансиордания не позволит, чтоб ее выгнали из Иерусалима. А тогда никто не посмеет выгнать нас. Я знал, что ничего плохого с нами не случится. Я был уверен, что все это (предостережения ООН) лишь разговоры, которым не стоит придавать значения”.

Вероятно, одинаковая позиция по отношению к интернационализации Иерусалима и сблизила Иорданию с Израилем — настолько, что в тот день, когда Кнесет постановил перевести столицу в Иерусалим, на секретной встрече в Аммане был сформулирован текст иорданско-израильского документа, который чрезвычайно похож на черновой набросок мирного договора.

Первые беседы с королем Иордании вели Моше Даян и Реувен Шилоах. На более позднем этапе с ним встречались также Вальтер Эйтан и Иехошафат Гаркави. 13 декабря был составлен черновой проект соглашения, который Шилоах и король Абдалла подписали своими инициалами.

Соглашение базировалось, в основном, на границах перемирия. Первая глава его касалась вопроса, наиболее дорогого сердцу короля Абдаллы — выхода Иордании в Средиземное море. Эту проблему стороны собирались разрешить, построив иорданский порт в районе Газы и создав ”коридор”, который соединит Газу с иорданским королевством.

В особом параграфе, посвященном Мертвому морю, Иордания соглашалась передать Израилю дорогу, проходящую по северному берегу моря вплоть до территории, находящейся под суверенитетом Израиля. Во второй главе решался вопрос о разделе Иерусалима: Израилю передавался еврейский квартал Старого города и проход, ведущий оттуда к Стене Плача, а также подход к горе Скопус. Израиль соглашался соединить дорогу на Бет-Лехем ”непрерывной полосой” с арабской частью Иерусалима. В последнем параграфе договора в общих чертах говорилось об изменениях пограничной линии между двумя государствами.

Соглашение это оказалось недолговечным. Еще в тот момент, когда он подписывал его, король Абдалла предупредил своих гостей, что "он не вполне хозяин положения и что договор должен быть утвержден британским комиссаром в Иордании Кэркбрайтом". И действительно, когда Даян и Шилоах пришли на следующую встречу, король оповестил их о том, что договор следует рассматривать как несуществующий, так как Великобритания возражает против него.

И с израильской стороны не все были согласны с намеченным договором. Бен-Гурион резко выступил против идеи иорданского "коридора", который пере режет территорию Израиля. Однако он был готов предоставить Абдалле выход в море путем создания свободного района в Хайфе или Яфо.

В октябре 1950 года возобновились контакты с целью подписания мирного договора, они продолжались и в начале 1951 года. Немалые трудности встретились в связи с урегулированием проблем, связанных с соглашением об иорданско-израильском перемирии, которые были своего рода предварительным условием для мира. Личное письмо, которое Абдалла направил Бен-Гуриону через Шилоаха, также не разрешило всех этих сложностей. Шилоах встретился и с премьер-министром Иордании Самиром Рефай, но их переговоры не принесли никаких существенных результатов.

На этой стадии и стали закрадываться в сердце Бен-Гуриона сомнения относительно истинных шансов подписания мирного договора с Иорданией. Он пришел к выводу, что Иордания и Израиль не заключат мир, пока не будет на то благословения Великобритании. "Легион — это, фактически, английская армия, а Абдалла находится на содержании у британского правительства", — сказал как-то Старик своим помощникам.

И вдруг 20 июля 1951 года Абдалла был убит у входа в мечеть ал-Акса мусульманским фанатиком, приверженцем иерусалимского муфтия.

Это убийство стало символом всех тех потрясений, которые раздирали арабский мир и отчасти вытекали из палестинской проблемы. За несколько дней до того в Аммане был убит Риад Сулх, ливанский государственный деятель, также склонявшийся к миру с Израилем; Сирия вступила в полосу длительной неустойчивости. В Египте шло брожение, которое должно было через год привести к военному перевороту. После нескольких лет относительного спокойствия, представлявшихся наблюдателям периодом, удобным для мирного урегулирования, арабский Ближний Восток оказался втянут в водоворот насильственных перемен и надежды на мир стали снова таять.

История отношений между английским правительством и Давидом Бен-Гурионом — это от начала до конца явление совершенно особое. В течение большей части лет британского мандата в Палестине Бен-Гурион был незначительной, почти неизвестной фигурой для мандатных властей в самой Палестине и в лондонских министерствах. Они начали интересоваться им, когда он был избран на один из руководящих постов в правление Всемирной Еврейской Организации. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, когда Бен-Гурион еще был настроен пробритански, он производил на английских чиновников в Палестине положительное впечатление. "Это великолепный оратор, он считается единственным в ишуве человеком с четко определенными взглядами и планами", — так характеризовали его составители информационного отчета военного министерства Великобритании за 1937 год. В другом отчете он описывается как человек "просто и открыто, безо всяких интриг" подходящий к стоящим перед ним проблемам, выводы которого основаны на глубокой и искренней убежденности. Однако с тех пор, как Бен-Гурион восстал против "Белой книги", британские правительственные чиновники в Иерусалиме и в Лондоне стали относиться к нему с большой подозритель-

ностью, перешедшей за годы второй мировой войны в неприкрытую вражду. Исследования, проведенные в архивах правительства Великобритании и ее секретных служб, показывают, что большинство специалистов всех рангов считали Бен-Гуриона человеком крайних взглядов, выступающим с необдуманными требованиями, антиподом Вейцмана, к которому британские правящие круги испытывали большое уважение. Раздражение англичан по отношению к Бен-Гуриону достигло предела, когда он начал борьбу против "Земельного закона", выступил инициатором "Билтморской программы" и рассорился с их обожаемым доктором Вейцманом.

Бен-Гурион стал также непримиримым противником Англии и оставался им вплоть до 1951 года, когда в его воззрениях произошел тот самый крутой перелом, который вытекал, насколько можно судить, из трех обстоятельств.

Первой, региональной, причиной произошедшего в Старике перелома был провал всех попыток унаследовать мир между Израилем и арабскими странами.

Усилия конференции ООН по мирному урегулированию завершились полным поражением. Конференция, собравшаяся в Лозанне в 1949 году, прекратила свою работу, не достигнув никаких результатов из-за жесткой позиции арабских делегатов. Переговоры, состоявшиеся в Париже, также окончились ничем.

Когда провалились все усилия по посредничеству между сторонами в области достижения мира, западные державы решили предпринять шаги для стабилизации положения на Ближнем Востоке. 25 мая 1951 года Соединенные Штаты Америки, Франция и Англия опубликовали совместную декларацию, где обязались поддерживать статус кво на Ближнем Востоке. Они заявляли, что будут соблюдать баланс вооружений между Израилем и его соседями и выступят против любого применения силы в этом районе.

Тройственная декларация не рассеяла подозрений Израиля.

Бен-Гуриона не покидала тревога за существование государства.

Провал мирных переговоров с арабами создал положение, напоминающее ситуацию времен британского мандата: евреи были меньшинством среди арабов и нуждались во внешней, иностранной силе, на которую можно было бы опереться. Во времена мандата этой силой была Англия, и потому Бен-Гурион поддерживал ее. Бен-Гурион не верил, что Израиль сможет вечно удерживаться в одиночку, и искал других путей укрепления безопасности страны. Снова пришел он к убеждению в необходимости связей с иностранной державой — чтобы гарантировать, что и в будущем арабы не смогут уничтожить Израиль. Но какая держава пойдет на союз с Израилем?

Событие, произошедшее в тот же год, давало ответ на этот вопрос. Оно и послужило второй причиной изменения позиции Бен-Гуриона.

25 июня 1950 года войска коммунистической Северной Кореи пересекли 38 параллель и вторглись в Южную Корею. Через двое суток президент Трумэн отдал армии США приказ вступить в войну против агрессора. В течение нескольких недель в корейской войне участвовали подразделения армий многих западных стран, поспешивших присоединиться к американской армии.

Корейская война оказала непосредственное влияние на ближневосточную ситуацию. В январе 1951 года напряженность в отношениях между западным и восточным блоками настолько усилилась, что в мире распространилась паника перед надвигающейся третьей мировой войной. Ключевые районы внезапно стали вдвойне важными для военачальников Запада; одним из этих районов был Ближний Восток.

19 февраля в Израиль прибыл с визитом генерал сэр Брайен Робертсон, командующий британской армией на Ближнем Востоке. Робертсон объехал страну,

посетил лагеря Армии Обороны Израиля и провел две беседы с Бен-Гурионом, в которых участвовали также Моше Шарет, начальник Генерального штаба, Игаэль Ядин и их помощники. В ходе беседы Бен-Гурион спросил британского офицера: "Каковы ваши планы в случае войны с Советским Союзом?"

Робертсон ответил: "Россия будет, разумеется, наступать на юг, в направлении Ирака. Мы будем продвигаться на север с наших баз в Египте, через Израиль, Иорданию и Ирак".

Бен-Гурион распалился гневом: "Как вы можете говорить об этом в такой форме? Разве Израиль у вас в кармане? Вы думаете, что мы — британская колония? Или что мы — государство типа Иордании, где вы всем заправляете? Израиль — маленькая страна, но это страна независимая. Прежде, чем вы решите превратить ее в "проходное государство" для ваших армий, вам придется договориться с нами".

В комнате воцарилось напряженное молчание. Шарет бросал на Бен-Гуриона тревожные взгляды. Наконец, английский генерал произнес: "Сожалеею. Я солдат. А это был политический вопрос".

И тогда Бен-Гурион вдруг сказал ему: "Можно установить между Израилем и Англией иные отношения. Почему бы нам не присоединиться к Британскому Содружеству Наций? У вас больше общего с нами, чем с Цейлоном. Мы могли бы создать систему взаимоотношений, подобную той, которая существует между вами и Новой Зеландией".

Робертсон не знал, что ответить. Да и все присутствовавшие при этой беседе были ошеломлены. Бен-Гурион никогда, ни на одном форуме не намекал, что заинтересован в присоединении к Британскому Содружеству Наций.

Робертсон вернулся в Лондон и отчитался своему правительству о предложениях Бен-Гуриона. Тем временем в Великобритании начались важные перемены: 9 марта 1951 года "главный враг" Бен-Гуриона Эрнест Бевин ушел в отставку с поста министра обороны.

Около пяти недель спустя он скончался. Его преемник Герберт Моррисон направил Бен-Гуриону многозначительное послание:

”Из отчета генерала Робертсона мы заключили, что главной темой ваших бесед было предложение, выдвинутое вами 21 февраля, согласно которому Соединенное Королевство и Израиль установят между собой отношения на такой основе, чтобы в случае экстренной необходимости Соединенное Королевство и Израиль вели себя по отношению друг к другу так, как если бы Израиль являлся членом Содружества Наций...

Мы убеждены, что можно выработать такую систему отношений между нашими двумя народами, которая, принимая во внимание существующее положение и в соответствии с глобальными интересами наших двух стран, создала бы между нами тесные связи и могла бы расти и развиваться. По нашему мнению, этот процесс должен быть постепенным... Мы полагаем, что наилучшим началом такого процесса может стать установление сотрудничества в военной области.

Мы искренне стремимся видеть государство Израиль сильным, процветающим и миролюбивым и сотрудничать с его народом как в мирных областях, так и в защите наших стран от грозящей им опасности”.

Это послание попало в руки Бен-Гуриону в конце апреля, однако он не ответил на него. Он был разочарован некоторыми уклончивыми формулировками в его тексте и пришел к выводу, что ”Моррисон — это лисица, и ему нельзя доверять”.

А тем временем был убит король Иордании Абдалла и Бен-Гурион снова задумался о завоевании Западного берега и даже более того — присматривался к возможности завоевания Синая.

На следующий день после убийства Абдаллы к Бен-Гуриону явился для беседы известный юрист — профессор Бенъямин Ацин. ”Он предлагает уговорить Англию, — записал Бен-Гурион с его слов, — чтобы

она договорилась с Египтом об оставлении им половины Синайского полуострова, и гарантировать ей там военные базы, что позволит англичанам превратить Суэцкий канал в международный, и наряду с этим условиться с Англией, чтоб наша граница проходила по Иордану, а они получают Трансиорданию. Или же предложить такое решение Сирии”.

Эта идея укоренилась в мозгу Бен-Гуриона и он обсуждал ее с Моше Шаретом и Реувеном Шилоахом.

Из-за подозрений, вызываемых у Бен-Гуриона характером Моррисона, он решил обратиться к тому единственному английскому лидеру, которому он действительно доверял — Черчиллю. ”Надо прощупать почву в отношении беседы с Черчиллем — у него есть чутье; он знает арабский мир и нас. Надо объяснить ему, что нам необходимо дойти до Иордании, а может быть, и до Суэца, и сделать Суэцкий канал международным. Если Черчилль одобрит подобные идеи — можно потом говорить с Моррисоном”.

Было решено просить очень уважаемого в Англии ученого, сэра Исаяю Берлина изложить эту идею Черчиллю. Берлина попросили поскорее посетить Эрец, но он ответил, что приехать не сможет.

Бен-Гурион решил послать Реувена Шилоаха в Лондон, чтобы тот встретился с друзьями Израиля и Исаяей Берлином и попросил его увидеться с Уинтоном Черчиллем и обсудить вопрос о Суэцком канале и Синайском полуострове”.

Шилоах отправился в Лондон, встретился с некоторыми членами британского правительства и привез Бен-Гуриону разочаровавший того ответ: ”В министерстве иностранных дел (Великобритании) пока еще не произошло существенных перемен, нас уже не ненавидят так, как прежде, но имеется желание умиротворить арабов”.

Беседа с Черчиллем так и не состоялась, поскольку Шилоах был обескуражен холодной реакцией английских государственных деятелей. Старик забросил идею

о присоединении Синая и вернулся к ней лишь через четыре года.

В конце октября в Англии произошли перемены "личностного" порядка, которые снова пробудили в сердце Бен-Гуриона былые надежды: на всеобщих выборах победила консервативная партия. Уинстон Черчилль вернулся к власти!

Теперь Бен-Гурион мог ответить на послание Моррисона.

В конце ноября он подписал письмо, обращенное к сэру Антони Идену, министру иностранных дел в новом правительстве Уинстона Черчилля.

"Мы стремимся, — писал он, — внести свой вклад в дело защиты общих интересов двух наших стран и в достижении целей свободного мира на Ближнем Востоке.

Дабы у нас появилась возможность с наибольшей эффективностью исполнить свои функции, потребуется укрепить наш промышленный потенциал, развить транспортную систему и средства связи (порты, аэродромы, шоссе, железнодорожные пути), улучшить подготовку и снаряжение наших сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, а также пополнить запасы продуктов питания и горючего.

По нашему мнению, следует в настоящий момент начать прямые переговоры касательно практических планов двух наших правительств".

В этом письме Бен-Гурион более не упоминает о связях с Британским Содружеством Наций, но лишь о военном сотрудничестве, в соответствии с предложениями Моррисона.

Ответ Идена пришел лишь в конце января 1952 года. Новый представитель Великобритании Френсис Эванс зачитал его Бен-Гуриону. "Правительство Его Величества согласно с вашим предложением начать в настоящий момент прямые переговоры между двумя правительствами по вопросам практического характера. Правительство Его Величества предлагает направить в Израиль небольшую британскую делега-

цию для ознакомительных бесед по вопросам, затронутым в вашем письме. Ввиду характера планируемых переговоров делегация будет военной, однако правительство Его Величества предлагает, чтобы по соображениям безопасности члены делегации прибыли в гражданской одежде. Если правительство Израиля согласно на приезд такой делегации, правительство Его Величества желало бы на соответствующей стадии секретно привлечь к переговорам также правительства Франции и Турции, исходя из их особых отношений с правительством Его Величества в обороне Ближнего Востока”.

Одетые в гражданское британские военные представители прибыли лишь в октябре и были размещены на вилле в Рамат-Гане. Ведение переговоров было возложено на Мордехая Маклефа. Дебаты касались вопросов, перечисленных в письме Бен-Гуриона: создание современной инфраструктуры в Эрец, строительство складских помещений для хранения оружия и горючего, поставки военного снаряжения реактивных самолетов, техническое обслуживание. По окончании переговоров было решено устроить вторую встречу в Англии, чтобы продолжить диалог. Но встреча эта так и не состоялась и дело понемногу замерло. “Британское министерство иностранных дел с самого начала противилось идее такого сотрудничества и потому у нее не было никаких шансов на успех”, — сказал один из помощников Бен-Гуриона.

В политике США также появились тревожные признаки. Администрация Трумэна была настроена дружески по отношению к Израилю. Во время поездки Бен-Гуриона в США в мае 1951 года ему был оказан сердечный прием. Однако в ноябре 1952 года президентом был избран Эйзенхауэр; приход к власти республиканцев вызвал в Эрец серьезные опасения. Многие полагали, что Америка поведет политику умиротворения арабов и будет готова поставлять им оружие, чтобы привлечь их к себе. Первой проверкой намерений США должна была стать ожидавшаяся вес-

ной поездка нового государственного секретаря Джона Фостера Даллеса по Ближнему Востоку.

В преддверии визита Даллеса Бен-Гурион изложил свою внешнеполитическую доктрину на политическом совете Мапай. Он зачитал товарищам 13 основных положений своей внешнеполитической линии, отличавшейся ярко выраженным проамериканским характером. Бен-Гурион утверждал, что если разразится мировая война, Израиль не сможет остаться нейтральным, как потому, что разные стороны не посчитаются с ним, так и потому, что советское завоевание, хотя бы и временное, "означает конец сионистского государства". Бен-Гурион подчеркнул огромное значение Израиля для Запада в случае возникновения войны, обусловленное его военной силой, — тогда как в периоды длительного мира возрастает как раз значение арабов как политической силы на Ближнем Востоке.

Англия не может более быть "решающим фактором" на Ближнем Востоке, и "сотрудничество между нами (и Англией) возможно лишь на основе равенства и взаимности, как между Англией и ее доминионами", — добавил Старик. Англия Идена не готова и не способна на это. Политика Англии на Ближнем Востоке враждебна нам, и нужно громко заявить об этом англичанам и американцам".

Бен-Гурион решил переключить главные усилия на то, чтобы убедить Соединенные Штаты Америки в том, что им необходимо превратить Израиль в "базу, мастерскую и житницу Ближнего Востока". "В представлении баз друзьям и союзникам нет никакого нарушения суверенитета", — сказал он. "Но нечего и говорить о предоставлении баз Англии, ибо она не будет защищать нас, а станет помогать арабам. Что же касается Америки — следует разъяснить ей, что весь Израиль, укрепленный в военном и промышленном отношении — это единая база. Он встанет на защиту свободного мира в нужный час".

Из этих положений видно, что Бен-Гурион более,

чем когда-либо готов был отождествить Израиль с Западом с тем, чтобы приобрести в лице Америки необходимую опору. В этом выступлении Бен-Гуриона впервые появилось утверждение, которое станет краеугольным камнем его политики в будущем: Израиль — это оплот Запада в данной части мира.

Этот свой тезис Бен-Гурион пытался как можно лучше разъяснить Джону Фостеру Даллесу, который прибыл в Эрец 13 мая. Но усилия Бен-Гуриона не увенчались успехом.

Вскоре после своего возвращения, выступая перед одной из сенатских комиссий, Даллес заявил: "Основная проблема нашей политики в этом жизненно важном районе — это улучшение отношения мусульманских стран к демократическим государствам Запада, так как наш престиж в этом районе неуклонно падает со времени войны".

Так Соединенные Штаты Америки тоже повернулись спиной к Израилю. И он снова остался в одиночестве — без опоры, без союзника.

Стремление Израиля к сближению с Западом было результатом резкого изменения политики СССР на Ближнем Востоке.

В конце 1948 и в течение 1949 годов в политике Советского Союза по отношению к Израилю начался поворот. Он происходил в два этапа и диктовался, по-видимому, двумя разными причинами. Первый этап начался еще в разгар дружбы. Цель его состояла в подавлении неожиданно начавшегося процесса пробежания евреев СССР, вызванного основанием государства Израиль. 21 сентября 1948 года прославленный советский писатель Илья Эренбург опубликовал в "Правде" статью, открыто нападавшую на сионизм и Израиль.

Идея, которую эта статья пыталась укоренить в сознании евреев Советского Союза, была ясной и прозрачной: государство Израиль не предназначено для них, ибо они не являются жертвами дискриминации и

в СССР не существует еврейского вопроса. В обстановке сталинского террора довольно было и такого осторожного намека, чтобы евреи, стремящиеся спасти свою голову, отказались от любых контактов с представителями Израиля в Москве. Однако произошло обратное. На празднике Рош-ха-Шана Голда Меир пришла в главную московскую синагогу. Ее встречала гигантская толпа — около 50 000, в отличие от 2000 обычно посещавших синагогу. Это невиданное зрелище было сфотографировано и отклики на него появились на Западе. Толпа, теснившаяся в надежде бросить беглый взгляд на представительницу Израиля, выражала тем самым свою огромную тоску по еврейской родине, находящейся за тридевять земель. А этого Советский Союз не мог допустить.

Второй этап поворота в отношении СССР к Израилю произошел в 1949—50 годы. Постепенно Советскому Союзу становилось ясно, что Израиль не станет коммунистическим государством и не войдет в орбиту советского влияния. Выступление Израиля на стороне США во время корейского кризиса было тем шагом, который окончательно поставил крест на советских планах укрепиться на Ближнем Востоке за счет Израиля. Советский Союз стал постепенно отдаляться от Израиля и одновременно искать пути к сердцу арабского мира. Весной 1951 года советские дипломаты заняли нейтральную позицию в Организации Объединенных Наций по вопросу арабо-израильского конфликта; в марте 1953 года они впервые проголосовали против Израиля.

Тем самым Советский Союз подтвердил, что он полностью разочаровался в Израиле и решил повернуться в сторону арабского мира и искать там щель, через которую можно проникнуть на Ближний Восток.

В 1952 году правительству Израиля стало ясно, что государство ожидает экономическая катастрофа. Абсорбция массовой алии вызвала срочную потреб-

ность в иностранной валюте, а ресурсы страны истощались с угрожающей скоростью. В сентябре 1950 года Бен-Гурион призвал в Иерусалим руководителей американского еврейства и предложил организовать среди евреев США и других стран Запада заем на сумму миллиард долларов. В мае 1951 года Бен-Гурион вылетел в США на церемонию открытия займа, ставшего известным под названием "Бондс". Церемония состоялась на массовом митинге в Нью-Йорке, на Мэдисон-сквер-гарден. Заем прошел с грандиозным успехом.

Израиль нуждался в длительной и массовой финансовой помощи. И в тот критический момент впервые блеснула слабая надежда получить репарации от Германии.

12 марта Израиль выдвинул перед четырьмя оккупационными державами требование о получении от Германии полутора миллиарда долларов за разграбленное нацистами еврейское имущество. Канцлер Конрад Аденауэр, возглавлявший недавно образованную Федеративную Республику Германию, выразил готовность выплатить репарации государству Израиль, наследнику жертв нацизма.

Ввиду особой остроты вопроса, уже вызвавшего протесты, демонстрации и всевозможные отклики гнева и возмущения во всех слоях израильского общества, возникла необходимость в том, чтобы человек, обладающий наивысшим авторитетом в стране, пустил в ход свое личное влияние. Бен-Гурион сделал это. Многие из его товарищей, даже руководители партии, терзались жгучими душевными муками, сердце их разрывалось между потребностями государственного строительства и отвращением к получению денег от убийц шести миллионов евреев. Бен-Гурион не испытывал ничего подобного. "Главной причиной этого акта, говоря одной фразой, было завещание шести миллионов жертв нацизма, которые под топором палача взывали к народу Израиля, заклиная его подняться, создать свое государство, сделать его сильным

и процветающим, защищать мир и безопасность и тем самым не допустить, чтобы еврейский народ был снова ввергнут в такую катастрофу”.

В начале декабря Бен-Гурион беседовал с Нахумом Гольдманом, председателем правления Еврейского Агентства, который собирался тогда на секретную встречу с Аденауэром. ”Мы с Давидом Бен-Гурионом договорились, что я без отлагательств, соблюдая полнейшую секретность, встречу с канцлером, вне границ Германии и попытаюсь склонить его согласиться на сумму в миллиард долларов в качестве основы и отправной точки переговоров. Лишь заручившись таким обещанием, Бен-Гурион будет просить Кнесет о полномочиях начать переговоры между государством Израиль и Федеративной Республикой Германии. ”Основа”, выразившаяся в сумме миллиард долларов, была установлена, исходя из доли Западной Германии в общем иске Израиля на сумму полтора миллиарда долларов. Оставшиеся полмиллиарда долларов правительство решило потребовать с Восточной Германии.

Гольдман выехал из Израиля 4 декабря. Шестого декабря он встретился с Аденауэром в лондонском отделе ”Колридж”. Тут же на месте Аденауэр подписал письмо, где соглашался принять иск Израиля на миллиард долларов как основу для переговоров. Десятого декабря Гольдман вернулся в Эрец и передал письмо Бен-Гуриону.

На основании этого письма Бен-Гурион решил поставить вопрос на обсуждение правительства и Кнесета.

Буря разразилась тут же. Многие из виднейших деятелей Мапай, в том числе Голда Меир, Иосеф Шпринцак и Дов Иосеф восстали против предложения вести переговоры с Германией. Среди религиозных партий, партнеров Мапай по коалиции, также нашлись яростные противники любых контактов с Германией.

Перед голосованием в Кнесете волновалась вся страна. 4-го и 5-го января Херут и Мапам организо-

вали митинги протеста. Разные признаки указывали на намерения правых применить террор. Против позиции правительства сложился широкий фронт в Кнесете и во всем народе, который опирался на чувства боли и унижения сотен тысяч израильтян.

Седьмого января все эти чувства прорвались наружу с полной силой. По дороге, оцепленной полицией, перекрытой проволочными заграждениями, направлялись члены Кнесета на историческое заседание. Вечерело, когда в обстановке небывалого напряжения Бен-Гурион поднялся на трибуну, чтобы произнести свою речь. Выступление его было до отказа набито фактами. Он безо всякого пафоса и риторических эффектов описал перипетии борьбы Израиля за получение репараций с Германии с помощью оккупационных держав и позицию Израиля в этом вопросе в соответствии с тем, как она изложена в обращении к четырем великим державам. "Более шести миллионов евреев погибли от пыток, голода, при массовых расстрелах или в газовых камерах. Многие были заживо сожжены или закопаны в землю; не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей; младенцев вырывали из рук матерей и бросали на растерзание палачам. А перед этими планомерными массовыми убийствами, во время них и после них шел грабеж. Он тоже имел колоссальные, беспрецедентные масштабы... Эти неслыханные преступления нельзя искупить никакими материальными компенсациями. Ибо никакими репарациями, сколь бы велики они ни были, нельзя заплатить за загубленные человеческие жизни, нельзя искупить страданий и мук миллионов мужчин, женщин, детей, стариков.

Однако в наши дни, уже после свержения гитлеровского режима, немецкий народ как на Востоке, так и на Западе, продолжает пользоваться плодами убийства и грабежа — разграбленным имуществом убитых евреев.

Правительство Израиля считает себя обязанным потребовать от германского народа возвращения

награбленного еврейского имущества.

Да не станут убийцы нашего народа его наследниками!” — закончил Бен-Гурион свою речь.

В тот же час на площади Цион, расположенной на расстоянии нескольких сот метров от Кнесета, выступал на массовом митинге Менахем Бегин. Взволнованная речь Бегина, бывшая полной противоположностью выступлению Бен-Гуриона, зажигала слушателей.

”Когда вы стреляли в нас из пушки, я отдал приказ — нет! Сегодня я дам приказ — да!

Это будет война не на жизнь, а на смерть. В этот день глава еврейского правительства встал и объявил, что поедет в Германию, чтобы получить деньги, что ради наживы поедет он торговать честью народа Израиля и совершать сделку, которая запятнает еврейский народ вечным позором... Нет ни одного немца, который бы не убивал наших отцов и матерей. Каждый немец — это нацист. Каждый немец — это убийца. Аденауэр — убийца. И все его помощники — убийцы. Но таковы их расчеты: деньги, деньги и деньги. За несколько миллионов долларов они собираются совершить величайшую мерзость”.

Бегин грозил восстанием, заявил, что он и его товарищи готовы идти ”в концлагеря, в камеры пыток”. ”Свобода или смерть! — кричал он. — Мы не отступим!” И предвещал Бен-Гуриону, что он кончит свою жизнь так же, как Бевин.

С митинга Бегин направился в Кнесет, чтобы речь его была услышана законодателями. Распаленная его словами толпа двигалась за ним. Она прорвала полицейские кордоны, докатилась до Кнесета, забрасывая его камнями. 92 полицейских и 36 демонстрантов получили ранения. Крики толпы, вопли дерущихся, sireны машин скорой помощи — все это сообщало дебатам, развернувшимся в стенах Кнесета, еще более драматическую окраску. В то время, как депутат Кнесета от Мапам Яков Хазан беспощадно нападал на правительство, в зал ворвался другой

депутат, Иоханан Бадер, с криком "Применяют газы! Газы против евреев!" Члены Маки* Эстер Виленская и Меир Вильнер кричали: "На улицах льется кровь! Нельзя продолжать заседание!" Одна из депутаток Кнесета упала в обморок. Форум израильских парламентариев превратился в сущий кошмар — крики, угрозы, брань, облака слезоточивого газа; на полу валялись осколки разбитых стекол и камни. Похоже, что экстремисты справа и слева были заинтересованы в срыве заседания Кнесета. В 7 часов вечера Бен-Гурион вызвал войска, чтобы водворить порядок. Ему удавалось сохранять хладнокровие до тех пор, пока на трибуну не поднялся Бегин. Тут между двумя лидерами началась гневная перепалка. Когда председательствующий попытался прервать речь Бегина, тот ответил ему: "Если мне не дадут говорить, никто говорить не будет!"

После перерыва заседание возобновилось.

В этот грозный час, когда повсюду царил смятение, Бен-Гурион ощущал потребность обратиться к народу с ясными словами, продемонстрировать твердость руководства. 8-го января по радио было передано его краткое выступление. "Вчера злоумышленники занесли руку на авторитет Кнесета, — начал он. — Была сделана первая попытка уничтожить демократию в Израиле. Было во всеуслышание заявлено, что не избранники нации, а люди, занимающиеся политическими потасовками и убийствами, будут определять политику Израиля.

Дикая, распоясавшаяся толпа, состоявшая из щеловцев и коммунистов, обрушилась на здание Кнесета и стала бросать камни в окна... Глава и организатор этого "бунта", господин Менахем Бегин, выступая вчера на площади Цион, открыто подстрекал толпу..."

Бен-Гурион решительно заявил: "Меня не беспо-

* Маки — одно из названий отрядов франц. партизан в годы второй мировой войны. (Прим. перев.)

коит декларация г-на Менахема Бегина о том, что он готовится к войне не на жизнь, а на смерть. И я как глава правительства и министр обороны вижу свой долг в том, чтобы заявить народу: не должно быть никакой паники, никакого страха! Государство располагает достаточными силами и средствами, чтобы защитить государственную власть и свободу Израиля и помешать политическим хулиганам и убийцам ввергнуть страну в пучину непрекращающегося террора. Израиль не превратится ни в Испанию, ни в Сирию.

Спор в Кнесете бушевал еще целых двое суток, но атмосфера постепенно успокоилась. 9-го января было проведено поименное голосование депутатов Кнесета. Оба лагеря мобилизовали все свои силы; один из членов Кнесета от Мапай, находившийся за границей, был срочно отозван и самолетом вернулся в Эрец; депутата от движения Херут, лежавшего с инфарктом, доставили в зал на носилках. 61 голосом против 50 было принято предложение правительства. В дневнике Бен-Гурион записал: "Понедельник, вторник, среда были днями борьбы за репарации — и неудачной, трагической и смешной попытки бегинского путча. Во вторник я обратился к народу по радио. В среду предложение правительства было принято значительным большинством голосов. Это была большая моральная победа. Заключительное слово Моше (Шарета) было просто изумительно".

10-го сентября соглашение о репарациях было подписано: правительство Западной Германии обязалось выплатить Израилю 715 миллионов долларов в виде товаров и услуг в течение двенадцати лет. Дополнительно к этому правительство ФРГ обязалось выплатить 107 миллионов долларов Всеобщему еврейскому комитету, который будет представлять иски различных еврейских организаций. Таким образом, общая сумма репараций достигала 822 миллионов долларов.

После подписания соглашения Бен-Гурион писал Нахуму Гольдману:

”Впервые в истории отношений между народами появился прецедент такого рода, когда большая страна принимает на себя, исключительно под давлением моральных факторов, обязательство выплатить компенсации жертвам своего предыдущего правительства. Впервые в истории народа, уже сотни лет являющегося жертвой гонений, притеснений, разбоя и грабежа в европейских странах, притеснитель и грабитель вынужден вернуть часть награбленного и даже обязывается выплатить коллективные репарации за часть причиненного материального ущерба”.

В своих воспоминаниях Бен-Гурион отметил: ”До конца 1963 года правительство Израиля получило 822 миллиона долларов в счет репараций. И члены партий, выступавших против репараций, также пользовались товарами, полученными по репарациям”.

Первый президент государства Израиль доктор Хаим Вейцман скончался после продолжительной болезни 9-го ноября 1955 года.

Бен-Гурион посвятил его памяти взволнованную речь. Выступая на пленарном заседании Кнесета, он присоединил имя Вейцмана к именам ”известного благодетеля” барона Ротшильда и провозвестника государства Теодора Герцля.

После смерти Вейцмана деятели различных партий стали присматривать подходящего преемника на его пост. Прошло около двух недель и вдруг стало известно, что Бен-Гурион предложил президентский пост еврею, который не был гражданином государства Израиль — профессору Альберту Эйнштейну. Старик уже давно пришел к выводу, что Эйнштейн один из величайших людей ”не только нашего поколения, но и всех времен и народов”. ”Президент Израиля, — объяснял Бен-Гурион, — это живой символ жизни государства... и не только нынешнего государства Израиль — это символ всего еврейского народа... поэтому мне думается, что надо поискать самую крупную фигуру среди евреев всего земного шара, чтобы сде-

лать ее высшим символом Израиля. Израиль всегда ценил духовное начало; дух будет он ценить превыше всего и в будущем, поэтому человек великого духа должен быть символом нашей страны”.

Однако Эйнштейн отказался, и политические деятели Израиля продолжали искать кандидата в своей среде. В последнюю минуту Бен-Гурион вдруг выдвинул кандидата, о котором никто и не думал — своего давнего друга Ицхака Бен-Цви. Прошло много лет, связь между ними ослабела, старая дружба, казалось, угасла навсегда. После того, как их сын Эли погиб в Войне за Независимость, Рахел Янаит, стремясь преодолеть жгучую боль, посвятила всю свою энергию строительству молодежного сельскохозяйственного поселения в Эйн-Кареме. Ицхак Бен-Цви, избранный в Кнесет, жил в одиночестве и безвестности. Со времени Войны за Независимость он почти не встречался с Бен-Гурионом.

26-го ноября Бен-Цви отправился на заседание Центра Мапай. Когда наступил момент выдвижения кандидатур, Бен-Гурион встал и предложил кандидатуру своего старого друга. Его речь была образцом такта и шедевром мысли. Он ни разу не упомянул имени Йосефа Шпринцака. Он определил качества, требуемые от президента Израиля, а затем указал на человека, олицетворяющего собой все эти качества — на Бен-Цви.

По окончании речи Бен-Гуриона состоялось тайное голосование. Бен-Гурион опустил свой бюллетень и вернулся домой. Он, по его словам, был уверен, что победит Шпринцак. Поздно вечером стали известны результаты голосования: Бен-Цви был выбран при перевесе в четырнадцать голосов. Еще до того, как Кнесет собрался для официальных выборов президента, было уже ясно, что благодаря одной лишь инициативе Бен-Гуриона Ицхак Бен-Цви станет вторым президентом государства Израиль.

В те годы не только на президентском кресле, но и в армии произошел аналогичный процесс смены

руководителей на ключевых постах, и личность Бен-Гуриона была решающим фактором в этом процессе. В ноябре 1949 года была проведена смена руководства в верховном командовании. Яков Дори ушел в отставку с поста начальника генштаба, а на его место был назначен Игаэль Ядин. На церемонии введения в должность нового начальника генштаба Бен-Гурион светился от счастья: Игаэль Ядин завоевал его глубокую любовь и уважение, сыграв решающую роль в Войне за Независимость.

Накануне вступления Ядина в должность начальника генштаба Старик провел всеобъемлющую реорганизацию армии. Наряду с прочими переменами он назначил Моше Даяна командующим Южным округом. Тогдашний командующий Южным округом Игал Алон, услышав о своем снятии с поста во время поездки по Северной Африке, справедливо увидел в этом шаге выражение недоверия, хотя Бен-Гурион и утверждал обратное, когда по возвращении Алона на родину встретился с ним. Алон оказался в невыносимом положении. Он был самым прославленным боевым генералом Войны за Независимость и мог претендовать на пост начальника генштаба или, по меньшей мере, его заместителя. Однако Игаэль Ядин полагал, что Маклеф более подходит ему как заместитель, ибо дополняет его своими знаниями в области военной науки и штабной работы. А на должность начальника генштаба Бен-Гурион Алону назначить не желал. Он, тем не менее, любил Игала Алону и высоко ценил его военные достижения. Но борьба между ними по вопросу о Палмахе и отождествлении Палмаха с просоветской партией Мапам совершенно исключала возможность назначения Алону начальником генштаба. В декабре Алон ушел в отставку и демобилизовался из армии. С тех пор их отношения с Бен-Гурионом будут все более обостряться: к чувствам симпатии и уважения, которые они всегда испытывали — и долго еще будут питать друг к другу — прибавится горький привкус политической вражды.

В отношении Старика к Ядину была особая окраска — он видел в нем больше товарища, чем подчиненного офицера и пытался придать их совместной работе отпечаток товарищеского сотрудничества, а не подчинения младшего старшему.

В сентябре 1952 года между ними вспыхнул горячий спор, перешедший в затяжной конфликт. Из-за финансовых затруднений и острой нехватки иностранной валюты правительство решило значительно урезать ассигнования на оборону — с 58 до 48 миллионов лир. Ядин резко воспротивился этому.

После первой схватки с Бен-Гурионом по этому вопросу Ядин ушел в продолжительный отпуск. Когда он вернулся, Бен-Гурион заявил ему: "Я считаю, что в армии, без всякого сомнения, имеется избыток рабочей силы, который превышает и потребности и возможности государства, причем он вредит обороноспособности страны, подрывая ее экономическую независимость и самую способность к существованию. Он приказал начальнику генштаба немедленно провести сокращение личного состава армии.

Через три дня Бен-Гурион получил заявление Ядина об отставке:

"Все это время у меня было ощущение, что я пользуюсь полным доверием. И, кроме всех прочих причин, побудивших меня принять это решение, была еще дополнительная причина: нежелание оказаться в неизбежном при существующих обстоятельствах положении, когда это доверие начнет рушиться — а это не только помешает мне исполнять мои обязанности, но и уничтожит одно из самых сильных и дорогих для меня в жизни чувств".

Бен-Гурион был ошеломлен. Он тут же послал Ядину письмо, подобное которому вряд ли когда-нибудь еще случалось ему писать:

"Игаэль,

я сражен твоим заявлением. Для него нет никакого оправдания, никакого повода, и я не могу его принять.

Невероятно, чтобы ты бросил дело посередине и как раз в тяжелый момент.

Давай вместе внесем поправки. Мы работали вместе и в более тяжелую пору, не разрушай нашего сотрудничества”.

Но Ядин твердо стоял на своем.

У Бен-Гуриона не оставалось иного выхода, кроме как принять отставку. Третьего декабря правительство утвердило замену Игазля Ядина Мордехаем Маклефом. В официальном письме уходящему начальнику генштаба Бен-Гурион чрезвычайно высоко оценил его заслуги.

Преемник Ядина, Мордехай Маклеф, прослужил в должности начальника генштаба всего один год, согласно его собственной просьбе.

11 октября 1953 года Маклеф подал Бен-Гуриону заявление об отставке, мотивируя свое решение тем, что уже истек год со времени его назначения. Бен-Гурион не пытался уговорить его остаться на посту еще год. В тот же день он объявил, что новым начальником генштаба будет Даян. В начале декабря Даян был официально назначен начальником генштаба, а Шимон Перес — генеральным директором министерства обороны. В самый день смены начальника генштаба Старик передал также министерство обороны и руководство правительством в ведение других министров. После долгих раздумий он решил уйти со всех своих правительственных постов. На это были причины и личного, и государственного характера.

Не случайно, что именно в 1953 году Бен-Гурион рухнул под грузом накопившейся усталости. По истечении пятого года существования государства были решены коренные исторические задачи, заложены основы государства, определены наиболее характерные черты его будущего облика. Главная цель — массовая алия и удвоение населения за четыре года — была полностью достигнута. На исходе 1952 года осла-

бел поток репатриантов и работа по абсорбции алии вошла в обычное русло. После острых политических боев был принят закон о государственном обучении, положивший конец бурным межпартийным спорам и борьбе за души школьников. Непримируемая борьба вокруг вопроса о репарациях стала уделом истории. Была создана единая регулярная государственная кадровая армия с четким распорядком и костяком кадров. Ясно определился политический курс Израиля, отошедшего от политики "неприсоединения" и занявшего прозападную позицию. Переговоры о мире с арабами провалились, и Израиль примирился с тем фактом, что ему придется в течение длительного периода опираться на свою военную силу. В принятии решений по всем этим вопросам, а также в их выполнении Бен-Гуриону принадлежала центральная, решающая роль.

Обобщая, можно сказать, что завершился героический период создания государства Израиль.

Но частые коалиционные кризисы, острые внутрипартийные разногласия, ежедневная необходимость искать компромиссы и пути примирения враждующих сторон, которые так тяжело давались ему — человеку однозначных решений, подрывали силы Бен-Гуриона, вызывали у него непрестанные разочарования.

Мог ли какой бы то ни было отдых, отпуск снять одолевшую Бен-Гуриона усталость, нервозность? За эти годы он иногда брал отпуск, проводил его в Эрец или за границей, пытаясь совершенно отключиться от привычной напряженной жизни. В конце 1950 года он ушел в трехнедельный отпуск, который провел в Греции, Англии и Франции.

В Греции он вел себя, как заправский турист. Посетил Акрополь, осматривал древности, объездил на пароходe острова Эгейского моря. Он был страшно разочарован, обнаружив, что нынешние греки не говорят более на древнегреческом языке, который он изучал с таким усердием. В Афинах он побывал на

театральном спектакле и вышел хмурый. "Они не знают греческого, эти греки!" – ворчал он. В Англии он "скрылся" от глаз журналистов, и тут же поползли слухи о его секретных контактах с английскими и иными политическими деятелями. На самом же деле он улизнул в Оксфорд и в Кембридж – порыться в книжных лавках. Поездка завершилась несколькими днями на Французской Ривьере, где он поселился в отеле "Ла резерв" в чудесном курортном городке Булье, на полдороги между Ниццей и Монако.

Но ни заграничные путешествия, ни дни отдыха, выпадавшие ему в Эрец, не снимали с Бен-Гуриона накопившейся усталости. "В те редкие дни, когда я отключаюсь от своей работы в правительстве, я не ощущаю никакого утомления, – писал Старик, – и мне кажется, что я способен работать еще лет двадцать-тридцать... Но видно, есть пределы доступного человеку душевного напряжения. Я попробовал было взять отпуск, но когда вернулся к работе, к великому моему сожалению, обнаружил, что не могу больше выполнять ее без длительного перерыва". Так Бен-Гурион пришел к заключению, что ему надо "отстраниться от дел на год-два или даже больше".

Сомнительно однако, чтобы Бен-Гурион ушел в отставку только из-за утомления. Одновременно с ощущением, что он нуждается в отдыхе от государственных дел, просочилось в его сердце еще одно чувство, которое постепенно заполнило все его помыслы. Чувство это нашло прекрасное выражение в афоризме Конфуция, который Бен-Гурион выписал в свой дневник. Это было, по мнению Старика, "китайское определение халуцианства". Один из учеников Кун-Цзы (Конфуция) спросил его: "Учитель, кто наиболее достойный человек?" Кун-Цзы ответил: "Наиболее достойный человек – это тот, кто сначала сам осуществляет то, чего требует от других, а потом требует лишь то, что выполняет сам".

По-видимому, у Бен-Гуриона созрела мысль, что он сам, лично, должен включиться в дело халуциан-

ского преобразования Эрец-Исраэль.

Идея эта исподволь созревала в душе Бен-Гуриона и он бессознательно уже выбирал себе новую цель, искал дорогу, на которой смог бы сам осуществить то, чего требовал от других.

Цель эту он нашел весной 1953 года, возвращаясь в машине из Эйлата. Неподалеку от Махтеш ха-Гадол ("большая котловина"), в самом сердце Негева, Старик увидел несколько бараков и возле них группу молодежи. Он вылез из машины и стал расспрашивать ребят о том, что они делают в этих местах. Они отвечали ему, что сражались здесь во время Войны за Независимость и решили основать здесь новый киббуц Сде-Бокер (Пастушье поле). Сердце его загорелось: вот она, задача, требующая напряжения всех сил! Создать новое поселение посреди пустыни, начать все сызнова!

Сердце его загорелось: вот она, задача, требующая напряжения всех сил! Создать новое поселение посреди пустыни, начать все сызнова!

"Никогда я не видел ни одного халуцианского начинания, подобного Сде-Бокер, — взволнованно писал он членам киббуца. — Во время пребывания у вас мне трудно было подавить в душе чувство какой-то зависти — почему не довелось мне участвовать в таком деле?"

Понемногу крепло в нем решение: он оставит правительство и вступит в киббуц Сде-Бокер. Но прежде, чем уйти от дел, он хотел быть уверенным в том, что оставляет государство в порядке, что ему не грозит никакая опасность. 19-го июля 1953 года он ушел в отпуск, продолжавшийся три месяца. Большую часть своего отпуска он провел в разъездах по стране, посещая подразделения Цахала и встречаясь с командирами Армии Обороны Израиля и руководителями министерства обороны. Он разработал план реорганизации верховного командования, укрепления обороны и наращивания сил армии. 18 октября этот план, состоявший из восемнадцати пунктов, был

готов. Одним из наиболее важных был пункт 15 — "создание еврейского городского центра в Назарете". Согласно этому пункту был заложен Нацерет-Илит.

Затем Старик перешел к более практическим вопросам. На глазах своего секретаря Ицхака Навона он вышел из-за стола и стал измерять длину и ширину кабинета, в котором работал; потом начертил на листе бумаги прямоугольник и аккуратно проставил размеры. Отдавая листок Ицхаку Навону, Бен-Гурион сказал ему: "Это размеры! Скажи им, чтобы так построили мне барак!"

"Какой барак?" — удивился Навон.

"В Сде-Бокер, — отвечал Бен-Гурион. — Я поселяюсь там!"

Слух о переезде Бен-Гуриона распространился с быстротой молнии и вызвал всеобщее смятение. Противники Старика встретили его с иронией и недоверием, сторонники и почитатели — со страхом и тревогой. Что же они будут делать без него? Да можно ли представить себе государство Израиль без Бен-Гуриона?

Но он не обращал внимания на уговоры товарищей, на многочисленные делегации и газетные статьи. 2 ноября в письме к президенту государства он объявил о своем уходе. Потом простился с Цахалом, членами своей партии и министрами. 7 декабря он ушел с поста главы правительства и выступил по радио с взволнованным прощальным обращением к народу, где цитировал стих из Псалмов: "Песнь ступеней Давидова. Господи, не было надменно сердце мое, и не возносились глаза мои, и не следовал я за великим и недостижимым для меня". (Псалмы 131:1)

Уходя, Бен-Гурион передал руководство правительством своему товарищу, избранному партией Мапай ему в преемники — Моше Шарету.

19. ГЛАС, ВОПИЮЩИЙ В ПУСТЫНЕ

Моше Шарет с ранней юности благоговел перед Бен-Гурионом. "Твоя оценка, — писал он Бен-Гуриону в 1937 году, — является для меня мерилom — вот уже многие годы я меряю себя, свои достижения и промахи по твоим оценкам. За эти последние годы не было для меня другой такой ведущей, направляющей, стимулирующей силы, как твоя похвала или критика.

Ты для меня не только старший товарищ в работе, не только вождь движения, ставшего для меня делом жизни. Ты — тот человек, чей моральный авторитет стал для меня законом еще на пороге юности.

Я содрогаюсь при мысли о том, что случилось бы со мной, если бы рядом, впереди не было тебя.

Я хочу, чтоб ты знал о том, чем ты являешься для меня, и чем, я надеюсь, ты останешься до конца наших дней".

Через три месяца после того, как ему было отправлено это письмо, Бен-Гурион писал Поле про Шарета: "Он относится к делу со всей серьезностью и старается выполнять свою работу как можно лучше. Возможности его ограничены, как ограничены возможности любого из нас. Он не обладает даром предвидения, мыслит недостаточно глубоко, не всегда находит ответы на трудные и запутанные вопросы, не всегда бывает достаточно дальнoзорким и не способен принимать решения, требующие большого морального и интеллектуального мужества. Но он одарен большими способностями, знает дело, безгранично предан ему и, мне кажется, он сам знает, что нуждается в руководстве. И руководство это он в большей или в меньшей степени получает".

Так смотрели друг на друга в середине тридцатых годов два человека, отношениям которых предстояло пройти через бурные и тяжелые передраги. С одной стороны было восторженное поклонение младшего старшему, который воспринимался им как некто вроде отца, чье превосходство не подлежит сомнению; с другой — искреннее, хотя и не безоговорочное признание старшего, видевшего в своем поклоннике наряду с важными достоинствами явную ограниченность.

Восемь лет разделяли Бен-Гуриона и Шарета, родившегося в 1894 году.

Шарет родился на Украине и приехал в Эрец с родителями в двенадцатилетнем возрасте. Два года прожил он с семьей в арабской деревне. Позднее семья переехала в Яфо, где Моше окончил еврейскую гимназию "Герцлия". В годы первой мировой войны Шарет служил в турецкой армии в качестве переводчика. После войны он вступил в партию Бен-Гуриона.

Молодой Моше Шарет предстает перед нашим взором тонким, чувствительным юношей, которому недостает чувства уверенности, и который делится с товарищами своими сомнениями. Внешний его облик, сложившийся в юности, почти не менялся на протяжении десятилетий: средний рост, грива черных волос над загорелым лицом, высокий лоб, полоска усиков. Иврит его всегда был богатым и точным, а если ему не хватало слов для выражения новых понятий, он зачастую придумывал их сам, и многие изобретенные им слова вошли в современный иврит.

Он блистал не только в иврите — у него был прекрасный, беглый арабский, турецкий, а также английский, французский и другие европейские языки. В 1920 году он отправился в Лондон изучать экономику и с тех пор стал высоко ценить все то, что символизировала собой Англия. Интерес к государственным проблемам, природная осторожность и умеренность — все это привело его на дипломатическую стезю.

В 1933 году Шарет стал преемником Арлозорова на посту руководителя политического отдела Еврейского Агентства и выполнял эти обязанности вплоть до создания государства.

Шарет не был выкован из того твердого материала, из которого был отлит отважный и решительный характер Бен-Гуриона. Его политические воззрения отличались большей умеренностью, ему более, чем Бен-Гуриону, был присущ скептицизм; он всегда опасался чрезмерного упрощения стоявших на повестке дня проблем. Он был любезен в обращении — в отличие от грубоватого, склонного к крайностям Бен-Гуриона. Потребность в халуцианстве, в создании реальных фактов на месте, бывшая сердцевиной сионизма Бен-Гуриона, была важной и для него, но он не отдавался ей с такой же не допускавшей компромиссов страстью.

Став после основания государства министром иностранных дел, Шарет не мог более во всем признавать авторитет Бен-Гуриона и всегда отступать от своего мнения в угоду главе правительства. С тех пор он отстаивал свои позиции и не раз голосовал против предложений Бен-Гуриона.

Различие во взглядах Шарета и Бен-Гуриона нашло яркое выражение в одном из самых известных изречений Бен-Гуриона и в реакции на него Шарета. В 1955 году Бен-Гурион заявил: "Наше будущее зависит не от того, что скажут гои, а от того, что сделают евреи!" "Верно. Но важно также, что сделают гои", — по прошествии некоторого времени прокомментировал Шарет.

Спор вокруг того, "что скажут гои" — это ключ ко многим разногласиям, все сильнее отравлявшим в пятидесятые годы атмосферу отношений между Шаретом и Бен-Гурионом. Опасения перед реакцией окружающего мира заставили Шарета воспротивиться переводу столицы Израиля в Иерусалим. Вера в то, "что сделают евреи" побудила Бен-Гуриона вынести решение о переводе столицы. Оглядка на

мировое общественное мнение вынуждала Шарета возражать против значительной части ответных акций против террористов. Уверенность в том, что не мировое общественное мнение, а само население Израиля определит будущее государства, побуждала Бен-Гуриона последовательно проводить политику ответных действий на террористические акты. Свойственное Бен-Гуриону игнорирование общественного мнения и международного резонанса предпринимаемых им действий было подчас чрезмерным и даже вредным. Шарет старался избегать осуждения в Организации Объединенных Наций или голосования против Израиля где бы то ни было, Бен-Гуриона такие события не волновали. Шарет упрямо твердил, что "без резолюции ООН государство не было бы создано". Бен-Гурион, напротив, утверждал, что Организация Объединенных Наций отступила от ранее принятой ею резолюции, а "государство Израиль существует исключительно благодаря своему народу и, главным образом, Армии Обороны Израиля".

Секретарю Шарета, Ицхаку Навону, было известно, сколько горечи и разочарованийросло на чувстве преклонения Шарета перед Бен-Гурионом. "Раз зашел я к нему в кабинет и застал его стоявшим обхватив стенные часы, с головой, свесившейся на руки. "Я пытаюсь понять, — тихо произнес Шарет, — в чем секрет величия Бен-Гуриона. Я спросил об этом жену и она ответила: "Бен-Гурион одарен тем, что можно назвать *splendid indifference* (блистательным равнодушием). Ему все равно, что о нем говорят. Ему все равно, что пишут о нем газеты. Ему все равно, одет он аккуратно или неряшливо. Он делает то, что хочет, а все остальное его не интересует". А у меня не так. Мне совсем не все равно, как на меня смотрят, что обо мне говорят... мне не все равно!"

Так все тот же вопрос "что скажут" в противовес "что сделают" закрался и в плоскость личных отношений.

Но время и реальность делали свое дело. Когда

Бен-Гурион решил в 1953 году уйти с поста главы правительства, в их отношениях с Шаретом уже накопился горький осадок, отделивший Бен-Гуриона от преемника, которого он себе не желал.

Во время отпуска, который Бен-Гурион взял незадолго до своего ухода из правительства, Моше Шарет исполнял обязанности премьера, а Пинхас Лавон — обязанности министра обороны.

Только в понедельник 5 октября объявил Бен-Гурион членам правительства от партии Мапай, что собирается уйти от дел "на пару лет". Шарет исполнил свою партию в хоре товарищей, пытавшихся отговорить Бен-Гуриона.

Однако Шарет не возлагал больших надежд на успех этих уговоров. В дневнике он записал: "Долго проворочался в постели. Меня одолевали тяжелые сомнения: согласиться ли возглавить правительство после ухода Бен-Гуриона или отказаться и просить, чтоб это бремя было возложено на Лавона?"

В день, когда он писал эти строки, Шарет не знал, что история с "престолонаследием" таит для него горькие разочарования. Во-первых, он не был удовлетворен новым министром обороны, которого поставил себе на смену Бен-Гурион. Он возражал также против назначения Моше Даяна на пост начальника генштаба.

Ночью 12 октября несколько диверсантов, проникших через границу, добрались до селения Иехуд неподалеку от Петах-Тиквы, и бросили гранату в один из домов. В комнате находилась женщина с четырьмя детьми. Мать и двое детей были убиты на месте. Происшествие это вызвало гнев общественности и ярость в Цахале; в высших военных кругах зрело сознание того, что следует нанести мощный удар по Иордании.

В тот день Бен-Гурион совершил поездку по северным районам страны, где происходили крупные военные маневры. Вместе с ним были исполнявший обязанности министра обороны Пинхас Лавон, началь-

ник генштаба Мордехай Маклеф и начальник оперативного отдела генштаба Моше Даян. Получив известие об убийстве в Иехуде, эта четверка устроила импровизированное совещание рядом со своим джипом. Говорили только трое из присутствовавших: Лавон, Даян и Маклеф. Бен-Гурион внимательно слушал их, но не раскрывал рта. Формально он находился в отпуске, а полномочия министра обороны принадлежали Лавону. Поэтому он и предпочел промолчать.

На этом совещании было решено осуществить самую мощную из всех когда-либо проведенных Цахалом ответных акций. Целью операции была избрана деревня Кибия, находившаяся вблизи от того участка линии разъединения войск, определенной соглашением о перемирии, который пересекли диверсанты прошлой ночью. Кибия была большой деревней, насчитывавшей 1500 жителей и около 250 домов, в том числе много двухэтажных. Было известно, что это селение служит убежищем и базой для диверсантов. Поэтому решено было направить в Кибю воинское подразделение с заданием подорвать несколько десятков домов. Поскольку надлежало нанести иорданцам массированный удар, было принято решение об относительно высоких потерях, которые должна была понести Иордания — от десяти до двенадцати человек убитыми.

Моше Даян немедленно отправился в генштаб, находившийся в Тель-Авиве, чтобы отдать приказ о подготовке операции. Уже с самого начала разработки плана операции, она приобрела символическое значение. Это была месть за убитых детей и женщину, но одновременно демонстрация силы и решительное предупреждение Иордании о том, что Израиль более не станет сидеть сложа руки. Кроме того, этой операцией Армия Оборона Израиля хотела стереть жгучие воспоминания о предыдущих ответных акциях, которые потерпели провал.

Командование Центрального округа решило поручить выполнение операции роте парашютистов. Рота

была отдана под начало молодого майора, командира 101-й — недавно основанной полурегулярной части. Звали молодого командира Арик Шарон.

Никто не советовался с Моше Шаретом, исполнявшим обязанности главы правительства. Лавон лишь известил его задним числом о предстоящей операции. Шарет не восстал против этого странного явления. Однако на следующее утро в нем пробудились тяжелые сомнения.

Шарет беседовал с Пинхасом Лавоном. "Я спросил его, действительно ли они собираются действовать. Он подтвердил. Я сказал, что это сумасшествие..." Лавон ответил Шарету, что "Бен-Гурион не разделяет его мнения". Моше Шарет написал ему записку: "Это когда-нибудь кончится отставкой".

Шарет чувствовал, что с ним никто не считается, хотя он исполняет обязанности главы правительства. По окончании правительственного заседания он написал письмо Бен-Гуриону, прося его вновь взять на себя руководство правительством, так как в будущем воскресенье он, Шарет, "уже не будет сидеть на председательском месте во время заседания правительства".

В тот час, когда Шарет писал это послание, парашютисты и солдаты 101 подразделения уже собирались в лесу возле Бен-Шемена.

Час "X" был назначен на 9.30 вечера. В поселения, расположенные вблизи от Кибии, просочились три небольших группы из подразделения 101. На Кибью двигалось с разных направлений около сотни солдат. Они были до предела нагружены взрывчаткой — почти шестьсот килограммов.

Парашютисты продвигались в темноте, не открывая огня, и странная эта тишина вселяла ужас в сердца защитников Кибии. Иорданские солдаты в страхе обратились в бегство. Парашютисты и разведчики из 101 подразделения подошли к деревенской ограде, перелезли через нее и, услышав приказ "огонь!", молниеносным штурмом овладели деревней. С иордан-

ской стороны было около дюжины убитых, в большинстве — солдаты.

Тут же началось массовое бегство жителей деревни вместе с женами и детьми в направлении близлежащих деревень. Вскоре Кибия опустела, оставшись в безмолвной темноте. Только из старого радиоприемника, забытого в деревенской кофейне, доносилась монотонная восточная мелодия.

Парашютисты подрывали дом за домом и им не приходило в голову, что они нечаянно стали убийцами. Ведь в погребах, на верхних этажах, под кроватями прятались десятки стариков, женщин и детей. Они не подавали голоса и никто не подозревал об их существовании. В продолжение трех часов грохотали взрывы. Уничтожив около 45 домов, подразделение отступило на территорию Израиля. По возвращении Арик Шарон доложил, что враг потерял от десяти до двенадцати человек убитыми. Даян послал ему записочку: "Вам нет равных".

На следующий день, когда жители Кибии вернулись в свою деревню, открылась жуткая правда. Под обломками домов было обнаружено семьдесят трупов, среди них десятки женщин и детей. Потрясенный мир был охвачен гневом. Армия Обороны Израиля тоже пришла в смятение. Никто не предполагал, что таковы будут результаты операции.

Моше Шарет был сражен. "Ужас охватил меня, когда я услышал сообщение радио Рамаллы о разгроме, учиненном в этой арабской деревне: разрушены десятки домов, убитые тоже исчисляются десятками".

Генштаб, где царил небывалое замешательство, решил не публиковать никакого официального сообщения Армии Обороны Израиля о проведенной операции. "То, что произошло, всемерно превышало наши представления о том, что должно было произойти", — признал впоследствии Меир Амит.

Бурная реакция мировой общественности, а также отвращение, вызванное проведенной операцией в из-

раильском обществе, устрашили и правительство, и Кнесет. Уинстон Черчилль выразил сожаление о случившемся в личном письме к Бен-Гуриону. В течение нескольких дней правительство не могло придумать, как выпутаться из кризиса.

18 октября Бен-Гурион вернулся из отпуска и возглавил заседание кабинета. Когда Моше Хаим Шапира спросил Бен-Гуриона, знал ли он о готовившейся операции, тот ответил с деланной наивностью: "Я был в отпуске и никто не обязан был спрашивать меня, проводить ответную акцию против террористов, или не проводить. Если бы меня просили, я бы ответил: "Проводить".

Бен-Гурион добавил: "То, что было мне известно об этом деле, то есть то, что слышал я из уст исполняющего обязанности министра обороны — это что операция должна была проводиться не Цахалом, а жителями пограничных поселений". Он даже пустил в оборот сообщение, получившее распространение в Эрец и за границей: якобы не Армия Обороны Израиля, а жители пограничных деревень по собственной инициативе провели эту акцию. Шарет возражал против этого, но Бен-Гурион настаивал на том, чтобы не признавать армию виновной в происшедшем.

Бен-Гурион составил сообщение и зачитал его по радио: "Вооруженные силы Трансиордании не прекращали нападений на нашу территорию, пока не лопнуло терпение жителей нескольких пограничных поселений, и после убийства на прошлой неделе женщины с детьми в Иехуде, было совершено ответное нападение на деревню Кибия. Все мы скорбим о любом кровопролитии, где бы оно не происходило, и никто более правительства Израиля не сожалеет о случившемся, если во время ответной акции в деревне Кибия была пролита невинная кровь".

Моше Шарет был поражен поступком Бен-Гуриона. "Я сказал Ципоре, что я бы подал в отставку, если бы мне пришлось выступить перед микрофоном и изложить народу Израиля и всему миру вымышленную

версию случившегося”.

Лишь годы спустя признал Бен-Гурион, что операция в Кибии была ”сумасшествием” и что он ”стыдится” ее.

Операция в Кибии имела далеко идущие последствия в военной области. В военных приказах появились четкие указания, что нельзя причинять никакого ущерба женщинам и детям; солдаты должны быть снабжены фонариками, чтобы тщательно проверять дома, намеченные к взрыву. Да и сам по себе подрыв домов почти не возобновлялся. Выкристаллизовалось сознание того, что впредь следует проводить ответные акции против военных, а не гражданских объектов.

Но главный урок истории с Кибией состоял в том, что были вскрыты грубые нарушения внутриправительственной взаимосвязи и распределения ответственности. Шарет, облеченный во время проведения операции полномочиями главы правительства, не сумел заставить министра обороны Лавона советоваться с ним и отчитываться ему.

Независимая позиция Лавона, его пренебрежение к главе правительства и косвенная поддержка, оказанная ему Бен-Гурионом, пошатнули положение Шарета и его уверенность в себе.

Так в конце периода правления Бен-Гуриона, перед тем, как он передал руководство Шарету, ясно обрисовались расхождения, которые еще скажутся в их отношениях.

В середине ноября начала работу ”Комиссия трех” по проверке кандидатур на пост главы правительства.

Члены комиссии встретились с Бен-Гурионом и убедили его поддержать кандидатуру Шарета. Противники выдвижения этой кандидатуры также отступили от своих прежних позиций. Единственный, кто резко и последовательно до конца возражал против Шарета, был Пинхас Лавон. Политическая комиссия Мапай собралась 23 ноября. Бен-Гурион не присутствовал на заседании, но сообщил, что поддерживает

назначение Шарета. Члены комиссии единогласно проголосовали за Шарета.

Поздним вечером Шарет пешком возвращался домой. Нелегкое наследство оставил ему Бен-Гурион! Напряженное положение на границах; шаткие отношения с великими державами; министр обороны, которого он не хотел и который не хотел его; начальник генштаба, бывший ему не по душе, и воспоминание о колоссальной личности, одаренной могучей силой вести за собой, решать, дерзать — в противовес ему — прекрасному человеку благородной души и высокой культуры, но слабохарактерному, осторожному в поступках и речах, не наделенному в должной мере авторитетом и мощью вождя нации.

14 декабря 1953 года Поля и Давид Бен-Гурион отправились в Сде-Бокер. Секретари, солдаты военной охраны и госбезопасности помогли погрузить на несколько грузовиков мебель, чемоданы, домашнюю утварь, узлы и главное — многие сотни книг. Целая стая журналистов и друзей прибыла вместе с Бен-Гурионом в киббуц и сопровождала его и Полю к отведенному для них бараку. Распрощавшись с провожающими, Бен-Гурион сменил свой темный костюм на простую одежду цвета хаки. Это было символическое переодевание, долженствующее возвестить также о перемене образа жизни. Через несколько дней полицейские из Беер-Шевы привезли ему большую охотничью собаку по кличке Эльдад и подписали разрешение на ношение оружия.

Вскоре после прибытия в Сде-Бокер Бен-Гурион написал письмо своему преемнику Моше Шарету. "Хочу послать тебе первое приветствие с этого места — тебе и всем товарищам:

- 1) необходимо как можно скорее стабилизировать правительство;

- 2) обеспечить коллективность руководства в правительстве и в нашем движении;

- 3) я чувствую себя примерно так же, как в свои первые дни в Эрец, и надеюсь, что смогу вернуться к

физическому труду (хотя бы на четыре часа в день), читать любимые книги и, может быть; сумею и еще что-нибудь сделать. Время покажет”.

Новый член киббуца впервые вышел на работу — и именно на перевозку навоза — в точности так же, как в первый свой день в Петах-Тикве, 47 лет тому назад.

На следующий день вместе с дворником киббуца Зеевом, он отправился на пахоту. ”Один раз я шел за плугом, а Зеев погонял мула, другой раз наоборот. Утро было холодное, ветер поднимал пыль, и я увидел землю, иссохшую без деревьев и человеческого труда.

Мы победим природу!”

В письме к сыну Амосу Бен-Гурион признается, что пахота была для него тяжела: ”После работы я чувствовал себя совершенно разбитым, но это прошло”.

Идиллия, о которой он так мечтал — соединение физического труда на земле с интеллектуальной, духовной жизнью — не осуществилась. Ежедневно прибывали к нему десятки писем со всех концов света и он, с присущей ему аккуратностью и прилежанием, не оставлял ни одного из них без ответа.

Изо дня в день приезжало множество званых и незваных гостей и делегаций: выдающиеся люди из Эрец и из-за границы; политики, партийные деятели, журналисты, группы молодежи. Они отнимали дорогое время, отведенное для чтения, писания записок, работы. Удивительно, что он, несмотря на это, все же находил время и силы заниматься сельскохозяйственным трудом в киббуце.

Он очень серьезно относился к жизни киббуца и к своему положению рядового киббучника; просил членов киббуца называть его ”Давид”, а не ”Бен-Гурион”.

Бен-Гурион находил большое удовлетворение в работе. Каждый вечер он подходил к вывешенной в столовой доске, чтобы узнать где его место в ”распорядке работы” киббуца. Сначала он немного работал на па-

хоте и удобрении полей, но киббуцники скоро поняли, что это ему не по силам. Поэтому ему поручили заниматься метеостанцией и назначали его по большей части работать в овчарню.

Он чувствовал себя прекрасно, и здоровье его, в определенных отношениях, улучшилось. Кожа на лице и руках покрылась загаром, и он выглядел здоровым, жизнерадостным, энергичным. Да и сон его по ночам стал более спокойным. "Этой ночью я спал более шести часов подряд, — радостно писал он в сентябре 1954 года, — после того, как в течение более двадцати пяти лет я чуть не каждый час просыпался из-за пересохшего горла. Я, правда, принял снотворное, но я принимал его уже несколько раз, и оно не давало никаких результатов".

Рассказывают, что когда Бен-Гурион и Поля отправлялись в Сде-Бокер в декабре 1953 года, вокруг их дома на бульваре Керен каемет ле-Исраэль столпились друзья, соседи, прохожие, наблюдавшие за погрузкой мебели и книг на военный грузовик. Бен-Гурион вышел из дому, окинул быстрым взглядом собравшуюся толпу, заметил слезы, навернувшиеся у некоторых на глаза, и громко крикнул: "Вместо того, чтобы плакать, лучше бы ехали за мной!"

Многие израильтяне посылали ему письма с мольбами вернуться к руководству страной. Отвечая, он вновь и вновь ссылался на свои халуцианские идеи: "Я рад и счастлив, — писал он доктору Маркусу Винтеру из Тель-Авива, — что я еще в силах работать в пустыне Негева и помогать группе юношей и девушек, взявших на себя трудную и великую задачу — превратить пустыню в цветущий сад. Я считаю великой честью участвовать в этом отважном начинании... Можно помогать строительству государства не только стоя во главе правительства".

Существует немало дополнительных причин ухода Бен-Гуриона от власти. Однако нам представляется, что более, чем по каким-то иным мотивам, Бен-Гурион

действовал, повинувшись мощному импульсу, побуждавшему его произвести революционный переворот во многих областях жизни Израиля: общественной, политической, идеологической, воспитательной... Тогда, единственный раз, он попытался отключиться от проблем внешней политики и обороны и посвятить всего себя решению внутренних задач. Он хорошо знал, что его старые товарищи, руководящие работники партии и государства, не способны осуществлять с ним эту революцию; и, как случилось уже несколько раз прежде, он обратился к стану молодых, выросшему в мошавах и киббуцах, к халуциански настроенной молодежи больших городов.

В 1954 году Бен-Гурион попытался перевернуть политическую структуру государства — изменить процедуру выборов и ввести окружную систему вместо пропорциональной (существующей и по сей день), подготовить почву для роста молодых руководящих кадров. Он стремился создать реальные условия для смешения выходцев из разных общин, направляя молодежь из укрепившихся старых поселений в поселения новых репатриантов. Он пытался ввести новую систему поселенчества взамен существовавшей до тех пор — плановое заселение целых районов вместо системы создания отдельных поселений. Он мечтал сделать Неgev первой и центральной целью этого нового халуцианского движения. Он пробовал также мобилизовать городскую молодежь на работу по развитию Негева, поселенчество и другую добровольную деятельность. Он пытался организовать единое государственное движение халуцианской молодежи вместо существовавших разрозненных движений — и начинал было даже "воспитывать" учителей, стремясь придать системе образования отпечаток халуцианства.

В некоторой части своих начинаний Бен-Гурион преуспел: при его помощи было организовано движение "Бней мошавим" ("дети мошавов"), участники которого поселялись во всеми забытых уголках Негева, где жили недавние репатрианты; было положено нача-

ло делу одновременного заселения крупных районов, главным достижением которого стал округ Лахиш, превратившийся из пустынного заброшенного района в цветущий сад. Но большинство идей Старика не осуществилось: ему не удалось создать единого молодежного движения, он не изменил избирательной системы, не преодолел партийной раздробленности в стране. И главное — он не сумел увлечь за собой массы на дело освоения и заселения Негева.

20. "ГИБЛОЕ ДЕЛО"

Скоро в Сде-Бокер устремился поток высокопоставленных посетителей — министры, офицеры, видные государственные и партийные работники приезжали спросить у Старика совета в делах внутренних и внешних. Одна из причин этого — и, может быть, самая главная причина — состояла в том, что Моше Шарет оказался недостаточно авторитетным и решительным руководителем. "Я должна признать, что хотя руководство Мапай испытывало к нему (к Шарету) глубокое уважение и симпатию, — писала Голда, — но всякий раз, как надо было решить трудную проблему, все, в том числе сам Шарет, по-прежнему обращались за советом к Бен-Гуриону".

Отсутствие Бен-Гуриона ощущалось особенно остро в свете осложнения ситуации на границах Израиля. С территории Иордании проникало в страну все больше диверсантов, совершавших убийства мирных жителей. Их преступная деятельность достигла апогея в истории убийства одиннадцати пассажиров автобуса "Эгед", попавших в засаду, устроенную арабской бандой в Негеве. В начале осени ухудшилось положение и на египетской границе, где тоже произошло несколько кровопролитных столкновений.

На этом фоне появились существенные разногласия между главой правительства Шаретом, исповедовавшим умеренность в политике, и министром обороны Лавоном, вставшим во главе лагеря максималистов. Помимо принципиальных расхождений, между ними возник и острый личный конфликт. В кратчайший срок взаимоотношения их стали совершенно невыносимыми. Одновременно испортились у Лавона отношения с начальником генштаба Моше Даяном и гене-

ральным директором министерства обороны Шимоном Пересом. Оба они, ярко выраженные максималисты и выученики Бен-Гуриона, поддерживали принципиальную позицию Лавона в политических и военных вопросах, в противовес линии Шарета. Несмотря на это, личные отношения каждого из них с Лавоном дошли до открытого разрыва. Наряду с этим, Лавон испортил отношения также и с несколькими министрами, принадлежавшими к партии Мапай. Ясно, что основным фактором, отравлявшим атмосферу в руководстве партии и правительства, была личность Пинхаса Лавона.

Когда Лавон получил портфель министра обороны, он был еще сравнительно молодым человеком — ему исполнилось 49 лет. Стройный, седовласый, красивый, Лавон был прирожденным вождем, обладал острым умом, славился своим красноречьем и способностью срезать оппонентов.

Политические и идеологические воззрения Лавона прошли через разные фазы. В период мандата он решительно возражал против вооруженной борьбы, начатой по инициативе Бен-Гуриона. Во время исторических заседаний центральных органов Мапай в мае 1948 года он принадлежал к меньшинству, выступавшему против немедленного провозглашения государства. Его взгляды в вопросах обороны до и после основания государства были умеренны до крайности. Концепция его представлялась антитезой "воинственного" бен-гурионовского пути.

Несмотря на все это, Бен-Гурион заметил его и продвигал через головы старых своих товарищей. На Бен-Гуриона, конечно, произвел впечатление его оригинальный подход к сложным проблемам, его светлый ум и холодная логика, черты вождя, ясно видимые в нем. Впоследствии Бен-Гурион указал еще на одну причину назначения Лавона министром обороны. "Вводя его в министерство обороны, я знал, что у него есть одно преимущество передо мной — он хозяйственник. А ведь армия — это, кроме всего прочего, одно из самых крупных в государстве хозяйств".

Бен-Гурион был удовлетворен избранной им кандидатурой. Однако товарищи не разделяли его чувств. Их тревожили некоторые черты характера Лавона, ускользнувшие от взгляда Бен-Гуриона. Переполюнявивший Лавона сарказм, едкие брызги которого били направо и налево, жестоко ранил окружающих. Он был чванлив и заносчив, изо всех сил стремился выделиться, коллективная работа ему претила, к окружающим он зачастую относился с нескрываемым пренебрежением. Товарищи по работе не любили Лавона. Теперь, когда его назначили исполняющим обязанности министра обороны, Лавон, похоже, уверовал, что пользуется неограниченным доверием Бен-Гуриона, и высокомерие его стало невыносимым. Будучи еще только исполняющим обязанности министра обороны, он всячески портил жизнь Шарету, вел себя по отношению к нему с подчеркнутым пренебрежением, не считаясь с тем, что тот заменял главу правительства, не удосуживаясь спросить его совета и доложить ему о своих действиях.

Не только партийные работники Мапай, но и уходящий в отставку начальник генштаба Мордехай Маклеф предупреждали Бен-Гуриона об отрицательных сторонах характера Лавона.

25 февраля Бен-Гурион услышал по радио о смещении Насером правителя Египта генерала Нагиба. Из той же радиопередачи Старикуну стало известно о том, что на севере Сирии вспыхнуло восстание против правления полковника Шишакли. "Похоже, что ситуация на Ближнем Востоке осложняется, — записал Бен-Гурион в дневнике. — Ирак может вмешаться. Вероятно, и мы не сможем остаться безучастными".

Новости эти вызвали у него такую тревогу, что он тут же согласился на просьбу Шарета, Лавона и Даяна вылететь в субботу в Тель-Авив, чтобы совместно обсудить положение.

На совещании обнаружили определенные разногласия. Бен-Гурион записал: "Лавон предложил ввести войска в демилитаризованную зону (имеется в виду

демилитаризованная зона на границе с Сирией), захватить высоты, находящиеся за сирийской границей, и взять либо сектор Газы, либо египетские позиции, прилегающие к Эйлату.

Я высказался против удара по египтянам и против любых действий, означающих войну. Захват сирийской территории — это война. Однако я посоветовал послать войска в демилитаризованную зону, объявив, что анархия в Сирии обязывает нас охранять свои поселения. Всемерно подчеркнуть в официальном заявлении временный характер нашего военного присутствия в этой демилитаризованной зоне. Моше возражал даже против этого". Совещание не окончилось ничем.

На этой встрече говорилось также о будущем Ливана. Бен-Гурион предлагал предпринять определенные усилия, или даже провести военную операцию с целью раздела Ливана и создания в его западной части христианско-маронитского государства, с которым Израиль заключил бы союз. Шарет был против этой идеи.

В результате этой беседы расположение к нему Бен-Гуриона отнюдь не усилилось.

Лавон тоже не утешил его своими экстремистскими предложениями. Бен-Гурион воспользовался выступлением перед офицерами запаса в Беер-Шеве, чтобы заявить: "Я не проповедую ни бряцания оружием, ни воинственных деклараций — и то, и другое суета сует и бессмыслица".

В конце концов правительство решило проявить сдержанность.

Когда один из министров, Залман Аран, навестил Старика в Сде-Бокер, тот гневно заявил ему, что прекращает всякую партийную работу и не совершит ни одного поступка, который мог бы быть истолкован таким образом, будто и он, Бен-Гурион, несет ответственность за действия нынешнего правительства.

Услышав об этом, Шарет тоже вскипел. "Оказываясь, извечная склочность Старика продолжает сеять рознь даже в тот период, когда он ушел от ответственности", — в гневе написал он и отнес вспыш-

ку Бен-Гуриона за счет его "внутренней потребности периодически устраивать кризисы и грозить отставкой". Шарет называл себя козлом отпущения. "И при всем при том, партия-то в чем виновата?"

Но гнев сам по себе, а дело само по себе. На следующий день после полуночи Шарет засел в своем кабинете и два часа сочинял длинное послание Бен-Гуриону.

"Все знают, что поначалу тебе не казалось правильным мое назначение на пост главы правительства. Но партия не разделяла твоих взглядов. Партия навязала мне этот пост. У меня сложилось впечатление, что под конец и ты согласился с партийной точкой зрения. И вот теперь из-за своего недовольства тем, как я руковожу делами в том или другом случае, ты решаешь лишить собственную партию своей поддержки и совета — и это в год, предшествующий выборам, когда мы стоим перед катастрофой массовой безработицы!.. Разве не очевидны для тебя необратимые разрушительные результаты, к которым неизбежно приведут твои нападки?.. "

Письмо это не оказало никакого воздействия. Не помогла и спешная поездка в Сде-Бокер Лавона и Даяна, пытавшихся убедить Бен-Гуриона "принять участие в партийной политической дискуссии". Наоборот — "нет никакой надежды на перемену его линии". Бен-Гурион упрямо отказывался. "Я не смогу сидеть на дискуссии в политической комиссии и молчать, — сказал он Лавону и Даяну, — спор наш не останется тайной, а я не хочу служить причиной внутренних разногласий и поклепов извне".

Шарету он направил резкий ответ: "Наша совместная работа была чем-то вроде "коалиции", ибо у нас был различный подход ко многим проблемам. Я сохранял ее, исходя из двух соображений: сознавая всю дистанцию и различие наших воззрений, а также важность и решающее значение этой "коалиции". Я мирился с отдельными поступками, которые казались мне ошибочными, предотвращал, насколько мог, другие

ошибки, и пытался, когда это было возможно, исправлять уже совершенные... Я полагал, что такая "коалиция" будет продолжать свое существование и после моего ухода из правительства. Оказалось, что это была ребяческая наивность с моей стороны. Я должен был заранее понять, что с моим уходом из правительства "коалиция" эта распадется. Почти у всех членов правительства подход сходен с твоим, и естественно, что проводится и декларируется явно выраженная линия, та линия, которую представляешь ты".

В свете этих фактов Старик заявил, что не будет высказываться по политическим вопросам, чтобы ему не пришлось оспаривать одностороннюю политику правительства.

Его пессимистические прогнозы и безжалостный анализ происходящего повергли в уныние ближайших почитателей Бен-Гуриона. "Наше политическое положение все более ухудшается, — писал после беседы с ним верный сотрудник Бен-Гуриона Нехемия Аргов. — Американцы утверждают, что мы должны благосклонно взирать на оснащение арабов новым оружием. Мы обязаны смириться с вооружением Ирака и Египта, не смея даже поднять голоса — и это говорят нам безо всякого стыда. Нас медленно, но верно душат. Запрещают нам продолжать работы на Иордане. Величайшая держава мира порешила купить расположение арабов за наш счет. Настроение общественности скверное; чувствуется отсутствие руководства, беспомощность, не ощущается уверенности в том, что решения наших министров наиболее верные; о возвращении Старика говорят чуть ли не с тоской. Ждут, что Мессия вернется. Но вернется ли он? И когда?"

Лавона иногда называют "загадкой". Его поведение в тот период, когда он был министром обороны, определяют подчас словом "чужачество". Кажется, что он собственными руками начал рубить сук, на котором сидел. Ведь его демонстративный цинизм и чванство отдаляли от него товарищей, подрывали его положение. Никто не мог спастись от его нападков и насмешек,

прямых или иносказательных. В июле 1954 года, выступая перед высшими офицерами Армии Обороны Израиля, он кичился тем, что за год его пребывания на посту министра обороны "было больше сделано в военной области, чем за все годы борьбы, больше, чем за пять или шесть лет существования государства" и сравнивал свои достижения с провалами предыдущего министра обороны, то есть, Бен-Гуриона.

Подобное зазнайство заметно и в его выступлениях в Кнесете. Но все это были еще пустяки по сравнению с его поведением по отношению к главе правительства — Шарету. 25 мая 1954 года Шарет писал ему: "Я не получаю надлежащих отчетов о состоянии обороны. Происходят вещи, которые не доводятся до моего сведения. Я слышу сообщения по радио или читаю о них позднее в газетах, не зная их истинной подоплеки. Согласно правильному распорядку я должен узнавать — если это только практически осуществимо — о событиях до того, как их официальная версия дойдет до всего мира. При всех обстоятельствах я должен знать факты. Мне думается, что можно ввести распорядок, гарантирующий это, однако инициатива здесь в ваших руках".

В конце июля дело опять дошло до взрыва. В тот день к Бен-Гуриону приехало несколько руководителей Мапай: Намир, Эшкол, Голда и Залман Аран. Все они горько жаловались на отношения Моше Шарета с Пинхасом Лавоном.

Бен-Гурион дал понять, что более не поддерживает Лавона. Относительно Шарета он не питал иллюзий с самого начала. Теперь он разочаровался и в "своем" человеке. Он останется в хороших отношениях с Лавоном и в будущем. Однако летом 1954 года Бен-Гуриону, по-видимому, стало ясно, что сменившее его руководство доказало свою полную несостоятельность, и его выбор министра обороны оказался неудачным.

Образовались две главные группировки, добивавшиеся возвращения Старика, у каждой из которых были свои доводы. Одну из этих группировок состав-

ляли "молодые" — секретари Бен-Гуриона — Нехемия Аргов, Хаим Исраэли, Ицхак Навон; несколько видных деятелей, работавших рука об руку с ним — Шимон Перес, Тедди Колек, Эхуд Авриэль, Элханан Ишай. К ним можно присоединить и Моше Даяна. Вместе и порознь они вновь и вновь штурмовали Сде-Бокер, пытаясь повлиять на Бен-Гуриона.

Но похоже, что гораздо больше, чем натиск этой группы, действовало на Бен-Гуриона давление его старых товарищей, руководства Мапай. Первая делегация, состоявшая из трех руководителей Мапай, прибыла к нему в июле 1954 года. "Они приехали потребовать, чтобы я вернулся", — резюмировал Бен-Гурион состоявшуюся беседу.

Бен-Гурион заявил со своим обычным пылом: "Не вернусь. Я поселился в Сде-Бокер, здесь и останусь".

Аналогичные слова сказал он и Залману Арану с Голдой Меир, также приехавшими потребовать его возвращения.

Такова была атмосфера на исходе 1954 года. Неприкрытое давление извне, напряженность на границах и поиски нового политического пути; разброд в военной и государственной верхушке; приближение новых выборов, тоска по истинному, сильному лидеру, одаренному вдохновением и размахом. Насколько усилились требования вернуть Бен-Гуриона к руководству страной!

И тут, точно "деус экс махина"* разразилось дело Лавона.

Весной 1954 года после ожесточенной закулисной борьбы Гамаль Абдель Насер захватил пост премьер-министра Египта. На сцену вышел настоящий вождь экстремистской группы вольнодумцев, свергнувшей в 1952 году короля Фарука, предпочитавший некоторое

* Deus ex machina (лат.; букв. "Бог из машины") — здесь неожиданно, внезапно.

время держаться в тени, пока умеренный генерал Нагив занимал пост президента. После успешного государственного переворота Соединенные Штаты Америки возлагали большие надежды на новый режим. Однако сделанное прибывшим в 1953 году Даллесом египетскому правительству предложение вступить в оборонительную организацию Ближнего Востока было встречено с демонстративной холодностью. Насер открыто заявил, что Советский Союз расположен за пять тысяч миль, и у Египта никогда не случилось с ним никаких конфликтов. "У них здесь никогда не было баз, а англичане, напротив, находятся здесь уже семьдесят лет".

Эти слова пробудили у Даллеса надежду на то, что после эвакуации английских баз можно будет убедить Насера присоединиться к ближневосточному пакту.

США оказали на Англию давление, стремясь добиться вывода ее баз из Египта. Договоренность об этом была, видимо, достигнута во время переговоров, которые вел в Вашингтоне премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль с президентом Эйзенхауэром 25—29 июня 1954 года. Британско-египетский договор был подписан в конце июля.

Еще в продолжение этих переговоров Израиль тревожили сообщения о возможном уходе англичан из зоны Суэцкого канала. В Эрец господствовало мнение, что присутствие британских вооруженных сил в зоне канала является сдерживающим фактором для возможных авантюристических устремлений египетского режима. Устранение Англии мгновенно увеличивало мощь египетской армии, приобретающей новые аэродромы, военные сооружения и склады оружия, разбросанные вдоль канала. Узнав о готовящемся подписании договора о выводе английских сил, Израиль начал опасаться нового столкновения со своим южным соседом.

В конце весны 1954 года накануне бесед Черчилля с Эйзенхауэром уже было ясно, что английское прави-

тельство вскоре подпишет договор об эвакуации своих баз, однако этот план вызвал резкие возражения в руководстве консервативной партии Англии. Влиятельные "молодые консерваторы" в открытую взбунтовались против ухода из зоны канала. В определенных израильских кругах также создалось ощущение, что следует сделать все возможное, чтобы не допустить ухода англичан из зоны Суэцкого канала. Похоже, что Пинхас Лавон и близкий к нему начальник разведывательного отдела генштаба Бенъямин Гибли пришли к выводу, что нужно в последнюю минуту провести какую-нибудь необычную операцию с тем, чтобы отменить или хотя бы отсрочить вывод английских сил.

Еще в 1951 году в Египет был направлен офицер израильской разведки Аврахам Дар. Он имел английский паспорт на имя Джона Дарлинга и выдавал себя за коммерсанта. Дару удалось привлечь к себе группу молодых евреев — участников молодежных сионистских движений — и организовать из них тайную агентурную сеть. Часть этих ребят через Францию переместилась в Эрец, где прошла курс специальной подготовки, включавший обучение обращению с радиоаппаратурой, симпатическими чернилами, шифрами, а также тренировки по совершению диверсионных актов. К концу 1953 года все они вернулись в Египет, и им было передано оборудование для поддержания связи. Первые их задания заключались в добывании из аптек химических реактивов для изготовления самодельных бомб, создании мастерских по производству взрывчатых веществ и выявлении объектов для проведения диверсий во время войны.

Эта сеть состояла из двух групп, одна из которых находилась в Каире, а другая — в Александрии. Командиры групп были снабжены радиопередатчиками для установления связи с Израилем; в каждой группе была девушка, в задачу которой входило поддержание постоянных контактов с руководителем сети Аврахамом Даром.

В первой половине 1954 года вместо Аврахама Дара был назначен новый резидент. Членам группы он был известен под кличкой "Роберт". Этот Роберт приехал из Эрец с паспортом гражданина ФРГ коммерсанта Пауля Франка. На самом деле звали его Аври Эльад, он был уроженцем Вены, служил в Палмахе, дошел до звания майора Цахала, затем был разжалован в рядовые за кражу холодильника. Лишь в 1953 году он был возвращен в прежнем чине на разведывательную службу. Сначала его заслали в Германию, где он должен был легализоваться. Принятое им имя Пауль Франк принадлежало парашотисту немецкой армии, сброшенному во время Второй мировой войны неподалеку от Иерихона, где его следы обрывались. Добившись пристойного германского прикрытия, Эльад отправился в Египет. С агентурной сетью был также связан, хотя и весьма поверхностно, другой израильский офицер, также прибывший в Египет с паспортом ФРГ под именем Макса Бенета и выдававший себя за специалиста по протезам.

Итак, с усилением опасности вывода английских сил из зоны Суэцкого канала, в кругах израильской разведки стали вынашивать идею операции, которая бы предотвратила или отсрочила уход англичан. В этих кругах полагали, что следует провести ряд диверсий, направленных, главным образом, против представительств или других учреждений стран Запада, особенно английских — библиотек, культурных центров, посольства и консульства Великобритании. Эти акции будут восприняты британским правительством как враждебные действия, либо предпринятые по указке самого египетского правительства, либо осуществленные фанатичной националистической организацией "Мусульманские братья". В обоих случаях диверсии станут доказательством слабости режима, его неспособности поддерживать порядок. Нельзя опираться ни на него, ни на договоры, заключенные с ним. Правительство Великобритании будет вынуждено заново

пересмотреть план отвода войск и, возможно, даже отменить его.

Когда мы сегодня оглядываемся назад, план этот представляется наивным и ошеломляюще опасным, а его создатели — лишенными какого бы то ни было политического чутья. В пору его разработки у него тоже находились противники в узком кругу знавших о нем. Моше Даян отвергал этот план и не верил, что у него есть шансы на успех. Однако начальник разведывательного отдела, бывший рьяным сторонником плана, представил его на рассмотрение министра обороны, которому он понравился. Ведь и сам Лавон в прошлом подумывал о подобной акции в Аммане с целью поссорить иорданцев с англичанами. В течение весны 1959 года Лавон и Гибли в положительных тонах обсуждали готовящийся план. Министр обороны всем сердцем поддерживал операцию, но его не просили — может быть именно потому, что он был "за" — отдать устный или письменный приказ о выполнении операции. Это единодушие имело важное значение для дальнейшего хода событий.

26 мая 1954 года в Европу выехал помощник начальника разведывательного отдела Мордехай Бен-Цур. Аври Эльад также отправился из Каира в Европу для встречи с ним. Они совещались в Париже, в кафе на Сен-Жермен-де-Пре. Бен-Цур от имени своего начальника приказал Эльаду вернуться в Египет и организовать нападение секретных групп на египетские, британские и американские объекты в Каире и Александрии. Он сообщил также, что дальнейшие инструкции будут переданы в зашифрованном тексте кулинарного рецепта, в программе "Кол Израэль" для домашних хозяек.

25 июня Аври Эльад вернулся в Египет и вскоре его люди начали действовать. 2 июля трое молодых людей, входивших в александрийскую группу, опустили небольшие бандероли в почтовые ящики в районе Эль-Рамал. В бандеролях этих находились самодель-

ные зажигательные бомбы, которые действительно взорвались и подожгли корреспонденцию, но не причинили никакого другого ущерба.

14 июля члены каирской и александрийской групп подбросили самодельные зажигательные бомбы (вделанные в футляры от очков или коробки со стиральным порошком) в американские библиотеки, находившиеся в этих городах. В двух местах вспыхнул небольшой пожар, который был вскоре потушен.

23 июля Аври Эльад бросил свои группы сразу на пять объектов: два кинотеатра в Каире, два кинотеатра в Александрии и камеру хранения на каирском железнодорожном вокзале. Бомбы были спрятаны в футлярах от очков. Вечером произошла роковая "накладка": одна из бомб взорвалась досрочно, находясь еще в кармане Филиппа Натансона, одного из членов александрийской группы, когда он собирался войти в зал кинотеатра "Рио", чтобы "забыть" там свой футляр от очков. Египетский офицер заметил, что парень скорчился от боли, в то время, как из его кармана взвился столб дыма. С помощью нескольких полицейских микропожар был потушен, а поджигатель схвачен и задержан. В тот же вечер были арестованы еще несколько членов группы. В последующую ночь и пару дней провалилась вся агентурная сеть. Было схвачено одиннадцать евреев, в том числе Макс Бенет. Пауля Франка не тронули, хотя он был резидентом и все нити вели к нему. Он благополучно ликвидировал свое дело, продал автомобиль и отбыл в Европу, целых две недели спустя после начала арестов.

25 июля средства информации арабских стран опубликовали сообщение о том, что египетская полиция раскрыла агентурную сеть сионистов, пытавшихся поджигать кинотеатры, и, по-видимому, подбрасывавших зажигательные бомбы в американские библиотеки.

В середине августа в Эрец прибыл Аври Эльад,

или Пауль Франк — и был встречен друзьями как национальный герой, которому посчастливилось спастись от расправы врага.

24 августа Моше Даян, незадолго до того вернувшийся из-за границы, приехал навестить Бен-Гуриона. По окончании их встречи Бен-Гурион записал в своей тетрадке: "Он рассказал мне, что П. Л. отдал в его отсутствие странный приказ о проведении в Египте операции, которая провалилась (и должны были знать, что провалится) — операции криминального характера!"

Насколько можно судить, Бен-Гурион ни с кем не обсуждал несчастья, постигшего египетскую группу, вплоть до середины октября. Потом, в день своего 68-летия, он открыл душу перед верным своим учеником Нехемией Арговым: "Впервые беседовал я со Стариком на эту жуткую тему — о Лавоне, — записал Нехемия в дневнике. — Старик анализировал египетскую операцию. Он вынес суровый приговор преступнику".

"Такое решение не входило в компетенцию министра обороны. Это вопрос политический, а не военный. По какому праву принял он на себя полномочия самостоятельно решать и действовать в несомненно политической сфере?"

Бен-Гурион продолжал: "Он ведь слывет человеком большого ума. Как же мог он прийти к столь глупому решению? Ведь это непростительная глупость: подобная операция не могла остаться тайной — ни от американцев, ни от англичан, ни от египтян — и во всех случаях мы проигрываем, проигрываем все".

11 декабря 1954 года с открытием в Каире суда над "сионистскими шпионами" начался второй акт этой трагедии. Суд потряс Израиль, газеты были забиты отчетами о нем. Просматривая отчеты о суде, министр обороны, к своему удивлению, обнаружил, что диверсии в Египте были совершены еще до того, как он дал на них свое разрешение. Лавон вызвал к себе начальника военной разведки. Тот решительно

утверждал, что министр обороны санкционировал проведение операции. Когда? Во время беседы, состоявшейся между ними 16 июля. Это была ложь, так как он получил разрешение Лавона уже задним числом 23 июля. Но и министр обороны отнюдь не был рыцарем без страха и упрека. Увидев, что начальник военной разведки пытается уйти от ответственности и взвалить всю вину на него, он решил пойти по тому же пути. Лавон заявил, что начальник разведотдела беседовал с ним только 31 июля, то есть через неделю после провала агентурной сети и тогда, задним числом, вытянул из него приказ.

Лавон обратился к Моше Шарету с просьбой назначить комиссию по расследованию всего дела.

Комиссия действительно была создана. Она состояла из Яакова Дори и члена Верховного Суда Ицхака Олшана. Среди вызванных комиссией свидетелей был Аври Эльад, резидент агентурной сети в Египте, находившийся в ту пору в Европе. Его показания представляли большую опасность для начальника отдела разведки генштаба.

Эльад вернулся в Эрец. Сразу по прибытии в аэропорт его встретили посланные Гибли люди, которые дали ему инструкции о том, как вести себя перед комиссией Олшана-Дори и подготовили его к встрече с Моше Даяном и Пинхасом Лавоном.

А тем временем в израильском обществе все больше накалялись страсти вокруг каирского процесса. Накануне суда повесился египетский еврей по фамилии Кармонэ (по другой версии он был до смерти забит египетскими полицейскими). 21 декабря в тюрьме покончил жизнь самоубийством подсудимый Макент, бывший офицером израильской разведки. Другая обвиняемая, молодая девушка Викторин Ниньо ("Марсель") дважды пыталась покончить с собой, предпочитая смерть чудовищным пыткам.

Декабрь 1954 и январь 1955 года был кошмаром для руководителей страны и тех немногих, кто был

посвящен в тайну египетской авантюры. С одной стороны, они вели отчаянную борьбу в столицах мира за спасение каирских узников, пытаюсь убедить политических и общественных деятелей культурного мира воспользоваться своим влиянием в Египте для смягчения приговора молодым обвиняемым. С другой — расследование комиссии Олшана-Дори выявило отвратительную картину лжи, интриг, аморальных отношений в верхушке министерства обороны.

27 января в Каире был опубликован приговор военного суда: двое молодых евреев были освобождены за недостатком улик; шестеро были осуждены на длительные сроки заключения — начиная с семи лет и кончая пожизненным — а двое других — Шмуэль Азар и доктор Марзук были приговорены к смертной казни. Не помогли ни обращения глав государств, ни отчаянные призывы религиозных и общественных деятелей всего мира. 31 января двое осужденных были повешены во дворе каирской тюрьмы.

Каирский процесс еще более запутал систему взаимоотношений в верхах министерства обороны. Между вчерашними друзьями Лавоном и Гибли вспыхнула непримиримая война, сопровождавшаяся взаимными обвинениями.

Лавон возлагал большие надежды на расследование, но оно обратилось против него, обнаружив перед Олшаном и Дори, а позднее перед Шаретом, что в верхушке министерства обороны царила мрачная атмосфера взаимной подозрительности и клеветы.

Десять дней под покровом строжайшей тайны вела комиссия Олшана-Дори свое расследование. Из текущих отчетов комиссии Шарет пришел к заключению, что в конце концов виновным будет признан Лавон.

13 января 1955 года комиссия представила свои выводы Шарету. Результат был ничейный. "Мы не имеем возможности сказать, что твердо, безо всякого сомнения убедились в том, что он (начальник разведотдела генштаба) не получал приказа от минист-

ра обороны (Пинхаса Лавона). Однако мы не уверены в том, что министр обороны действительно отдал приписываемые ему приказания”.

18 января Лавон вошел в кабинет Шарета, в страшном гневе накинулся на главу правительства. ”Он был в припадке слепой ярости”, — записал Шарет. Лавон с пеной у рта нападал на выводы комиссии, называл их ”подлогом”, ”вопиющей несправедливостью”, пускал в ход личные нападки на членов комиссии, и, наконец, заявил, что потребует парламентского расследования. Ошеломленный Шарет пытался возражать, напоминал Лавону, насколько он был вначале расположен к обоим членам комиссии, и предостерегал его о том, что ”парламентское расследование” означает открытую публикацию всего дела. Лавон же утверждал, что ”бывают ситуации, когда человек не в состоянии думать о реакции всего света”.

Потрясенный Шарет созвал своих ближайших друзей — Голду, Эшкола, Арана и Шаула Авигура. Большинство вынесло Лавону суровый приговор. Лишь Эшкол воспротивился отставке Лавона и потребовал ”обсудить положение и насколько возможно смягчить его дурные последствия”. Совещание закончилось решением посоветоваться с Бен-Гурионом. Шарет передал Шаулу Авигуру заключение комиссии, прося его высказать свое мнение. Шаул Авигур представил ему свои выводы: Лавону надлежит уйти в отставку, а Гибли следует перевести на другую должность.

Таково было решение руководства Мапай. Приняли его поистине подпольно. Дело Лавона со всеми сопутствующими ему обстоятельствами было в то время тайной из тайн. Даже члены правительства и депутаты Кнесета не знали о происходившем в верхах.

31 января в Каире были казнены Азар и Марзук. На следующий день в Сде-Бокер отправилась делегация ”великих” — Шарет, Голда, Зяма Аран, Леви Эшкол и Шаул Авигур. Бен-Гурион рассказал о бесе-

де с ними Нехемии Аргову. "Товарищи ничего окончательно не решили. Каждый из них выражал свою точку зрения, — рассказывал Старик. — Зяма Аран и Леви Эшкол против ухода Лавона в настоящий момент. Я высказал им свое мнение". Аргов, "обнаглев", спросил: "— То есть?" Старик не замедлил с ответом: "Он должен уйти!"

Лавон узнал о состоявшемся визите в тот же вечер. Назавтра он подал Шарету прошение об отставке. Он, напротив, обвинял Шарета: "Вы широко открыли двери перед всяческой ложью, полуправдой и инсинуациями, призванными замаять конкретное дело, поставленное на обсуждение".

"Настоящим заявляю вам следующее:

1) Я не согласен находиться в товарищеских отношениях с людьми, нарушившими свой товарищеский долг по отношению ко мне. Извещаю вас о своей отставке с поста министра обороны и члена правительства.

2) Я оставляю за собой право довести до сведения партии, а также комиссии Кнесета по иностранным делам и обороне причины моей отставки. Я не собираюсь нести ответственность за египетское дело перед общественностью, и никакая партийная дисциплина не заставит меня взять на себя эту ответственность".

"К вечеру приехали вдруг Голда и Намир, — записал Бен-Гурион в дневнике. — Кризис в министерстве обороны. Лавон ушел бесповоротно, и нет никого. Предлагают вернуться. Я был тронут. Решил, что должен откликнуться на это требование и вернуться в министерство обороны. Армия и оборона прежде всего".

Известие о возвращении Бен-Гуриона было встречено всеобщим воодушевлением. Уже той же ночью, в кратком 11-часовом выпуске новостей было передано сообщение о возвращении Бен-Гуриона в правительство в качестве министра обороны. Моше Шарет послал в Сде-Бокер восторженную телеграмму:

”Расцениваю твой шаг как образец высокой гражданственности и свидетельство глубокого сознания товарищеского долга. Знаю, чем ты жертвуешь. Пусть энтузиазм народа и армии послужат тебе утешением. Буду у тебя в воскресенье после заседания правительства. Моше”.

21. ВЕТЕР ВОЙНЫ

Восторженные толпы радостными криками приветствовали министра обороны Давида Бен-Гуриона, когда 21 февраля 1955 года он появился в Иерусалиме на площади перед зданием Кнесета в сопровождении Поли. Он выглядел загорелым, энергичным, на нем был костюм защитного цвета и поверх него — короткое суконное зимнее пальто с большим воротником. Его возвращение на пост министра обороны превратилось в триумфальное шествие и вызвало в народе прилив безграничного обожания. Его собственное воодушевление не было столь сильным. "Если бы я не тревожился о состоянии армии, то и сотней бульдозеров не вытащили бы меня из Сде-Бокера", — писал он. По существу, триумфальное возвращение Бен-Гуриона в правительство открыл Моше Шарет, прибывший в Сде-Бокер за день до отъезда Бен-Гуриона в Иерусалим. Чета Бен-Гурион в рабочей одежде и Шарет — при галстукке и в строгом темном костюме — обменивались приветливыми улыбками перед фотокорреспондентами множества газет и репортерами кинохроники.

Создавалось впечатление, что между Шаретом и Бен-Гурионом царит полнейшая гармония. Увы, это было не так. Еще во время той первой встречи в Сде-Бокер, когда глава правительства и его министр обороны уединились для беседы о будущих взаимоотношениях в рамках правительства, разговор оказался нелегким; на следующий день Бен-Гурион направил Шарету резкое формальное письмо, где просил его разграничить обязанности главы правительства и министра иностранных дел.

Бен-Гурион предупреждал: "Если вскоре выяснит-

ся, что министерство иностранных дел вмешивается в вопросы обороны и глава правительства поддерживает такое вмешательство министерства иностранных дел и его сотрудников, тебе в качестве главы правительства придется принять от меня назад портфель министра обороны или назначить вместо меня другого”.

Письмо это ”обидело и разочаровало” Шарета и он с болью написал Бен-Гуриону: ”Неужели так мало у нас надежд договориться и прийти к совместному решению?”

По-настоящему возвращение Старика почувствовалось, когда Цахал провел самую сокрушительную из всех осуществленных дотоле ответных операций против диверсантов — операцию в Газе.

Ночью 23 февраля в окрестностях Нес-Ционы появилась банда диверсантов из сектора Газы, действовавшая по заданию египетской разведки. Банда ворвалась в охраняемое помещение государственного научно-исследовательского института, выкрала все имевшиеся на месте документы и унесла с собою телефонный аппарат. 25 февраля бандиты убили из засады еврея-велосипедиста, ехавшего из Реховота в Кувейбу.

Другая банда, также действовавшая по заданию египетской разведки, наткнулась на израильскую заставу. В стычке один из бандитов был убит. В его кармане нашли отчет о движении транспортных средств по южным магистралям Израиля.

27 февраля Бен-Гурион и Даян пришли в канцелярию главы правительства в Иерусалиме и предложили провести ответную акцию против Египта. Министр обороны и начальник генштаба предлагали нанести удар по лагерю египетской армии возле Газы. Начальник генштаба оценивал предполагаемые потери врага примерно в десять человек.

Шарет санкционировал операцию.

Он утверждал, что имелся и дополнительный довод за операцию: ”Когда двое евреев были повешены в Каире, мы сказали египтянам: не будем мстить за по-

вешенных, но если начнутся бесчинства, в которых будет замешан сектор Газы, мы ответим на них с удвоенной силой, учитывая и прежние счета. Теперь час настал”.

Операция в Газе получила кодовое название ”Хец шахор” (”черная стрела”). В ней участвовало 149 парашютистов под командованием Арика Шарона.

Масштабы операции пришлось расширить ввиду подхода подкрепления к атакованному египетскому лагерю. В ходе операции парашютисты потеряли 8 человек. Однако победа была несомненной, египетская армия потерпела сокрушительное поражение. На следующий день египетская радиостанция сообщила о 38 убитых и более 30 раненых. Схватка была беспрецедентной, ошеломляющей своей кровавой жатвой. Эта операция за одну ночь привела к резкой эскалации напряженности между Израилем и Египтом. Гибель сорока солдат сыграла переломную роль в характере конфликта.

Бен-Гурион навел раненых парашютистов и заслушал подробный доклад Арика Шарона и начальника генштаба о проведенной операции. ”Это был, по моему мнению, предел человеческого героизма”, — записал он в дневнике.

Насколько отличалась от бен-гурионовской реакция Шарета! Он был ”потрясен” и определил известия о битве как ”оглушительные”.

Шарет тут же направил Бен-Гуриону встревоженное письмо, где выражал опасения по поводу последствий этой кровавой вылазки для Израиля. ”Я полагаю, хоть и не абсолютно уверен в этом, что получившийся перебор — 37 вместо 10 (цифра, которую я слышал из уст начальника генштаба) — произошел в результате неизбежных случайностей боя, но мы должны помнить, что в таких делах количество переходит в качество, и число жертв сообщает всему предприятию совершенно иной, нежели мы планировали, характер”. Он предупреждал о вероятной реакции в ООН и в Соединенных Штатах. Бен-Гурион ответил резким письмом. ”Наша

изоляция не является следствием наших действий, она появилась раньше, когда мы еще были тихи, как голуби”.

В Египте кипели ярость и возмущение. Когда поступили первые донесения о битве, правители Египта стали опасаться, что Израиль намеревается начать против них настоящую войну. Насер утверждал, что вследствие ”кошмарной ночи” в Газе он пришел к двум крайним решениям: создать в секторе Газы подразделения фидайиунов — ”смертников” — для нападений на территорию Израиля — и в избытке оснастить свою армию современным вооружением. Он определял нападения в секторе Газы как поворотный пункт в отношениях между Израилем и Египтом, положивший конец надеждам на мир.

Однако осторожный анализ событий тех дней вызывает серьезные сомнения в верности столь упрощенного толкования.

Решающим обстоятельством, подтолкнувшим Насера к поискам оружия и политической поддержки в восточном блоке, были несомненно, события, произошедшие в Багдаде 24 февраля, за четыре дня до операции в секторе Газы — заключение турецко-иракского союза. Этот союз послужил ядром известного ”Багдадского пакта”, который при участии Великобритании и с благословения Соединенных Штатов Америки образовывал ”северную стену” против Советского Союза. Насеровский Египет выступил непримиримым противником этого пакта.

Именно подписание соглашения о создании Багдадского пакта послужило тем ”поворотным пунктом”, после которого Насер стал искать себе друзей и оружие в ином месте.

Операция ”Хец шахор” свалилась Насеру на голову в трудный для него период. Только что был подписан Багдадский пакт; Насер считал, что это происки Великобритании, пытавшейся изолировать Египет с помощью других арабских стран. Операция Израиля лишь подхлестнула Насера в поисках новых союзни-

ков и новых источников вооружения.

В середине 1954 года, объезжая вместе со своим помощником Элхананом Ишаем пустынный округ Лахиш, Бен-Гурион говорил ему о необходимости собрать там "ударный кулак" против опасности, грозящей со стороны Египта. "Почему со стороны Египта?" — спросил тогда озадаченный Элханан. — "Ведь положение на границах с Иорданией и Сирией более опасное".

Бен-Гурион ответил ему притчей о мухе и змее: "Если змея лежит у твоих ног, а муха досаждаёт тебе, жужжа вокруг головы — кем ты сначала займешься? Муха больше раздражает, но она не опасна. Это Иордания. Ударить надо по змее. Это Египет".

Хоть Бен-Гурион и не знал толком арабского мира, оценка его была верной. Вернувшись в 1955 году на пост министра обороны, Бен-Гурион действовал в направлении нагнетания напряженности; он поступал так не с целью приблизить решающую схватку, а напротив, стремясь предотвратить ее. Он считал, что если в ответ на провокации Египта Израиль нанесет ему мощный удар, устроит его, это обуздает Египет и заставит его отступить. Таким образом удастся, быть может, предотвратить войну со всеми арабскими странами.

Египет реагировал на операцию в секторе Газы резким увеличением напряженности на границах сектора. В ночь на четверг 24-го марта из сектора Газы через границу Израиля проникла группа диверсантов, пустившаяся в путь между разбросанными по Северному Негеву поселениями новых репатриантов. На расстоянии семнадцати километров от границы диверсанты заметили яркие праздничные огни, услышали смех и песни. В поселении Патиш, где жили олим из Курдистана, играли веселую свадьбу. Организовывала эту свадьбу инструктор из добровольцев Варда Фридман, выросшая в Кфар-Виткин. Диверсанты незаметно подобрались к площади, где происходило свадебное гулянье, и накинулись

на веселящуюся толпу с гранатами и автоматами. В минуту площадь стала ареной резни. Раненые валялись в лужах крови. Песни и смех сменились воплями ужаса. Люди разбежались во все стороны. Один из сторожей открыл по нападавшим огонь и сумел отогнать их. Когда стрельба и взрывы смолкли, на площади остались 22 раненых и одна убитая — Варда Фридман.

После нападения на Патиш один известный журналист спросил Бен-Гуриона, почему он проводит политику ответных акций. Старик ответил, что одна из причин — стремление заставить врага отступить. "Но есть и другая причина, — добавил он, — причина воспитательно-нравственного характера. Посмотрите на этих евреев. Они приезжают из Ирака, из Курдистана, из Северной Африки. Они приезжают из стран, где кровь их ничего не стоила, где можно было издеваться над ними, мучить их, избивать, терзать. Они уже привыкли быть беспомощными жертвами гоев. Здесь мы должны доказать им, что кровь их больше не является бесхозным имуществом, что у еврейского народа есть государство и есть армия, которые не позволят больше никому чинить над ними расправу, что их жизнь и их имущество являются ценностью. Мы должны помочь им распрявиться, наглядно показать им, что всякий поднявшийся против них не избежит наказания, что они граждане суверенного государства, которое несет ответственность за их жизнь и благополучие".

Резня в Патише потрясла Бен-Гуриона. 25-го марта он представил на рассмотрение Шарета максималистское предложение: немедленно провести военную операцию, чтобы "выбить египтян из сектора Газы". Моше Шарет воспротивился самым решительным образом. Бен-Гурион не отступал. На следующий день состоялось экстренное заседание руководства Мапай с участием начальника генштаба. Леви Эшкол и Голда Меир были единодушны с Бен-Гурионом. Залман

Аран вместе с Шаретом занял отрицательную позицию. В тот же вечер в Иерусалиме было созвано более широкое совещание, в котором принимали участие все члены правительства от Мапай. Дов Иосеф примкнул к Бен-Гуриону. К противникам наступления присоединились Перец Нафтали и Бен-Цион Динур. На заседании правительства Бен-Гурион в официальном порядке внес предложение о захвате Газы. Некоторые противники этого предложения стали приводить возражения политического и военного характера, другие выражали опасение перед включением в население страны столь крупного арабского меньшинства. Бен-Гурион ответил, что можно открыть два коридора, по которым арабские жители сектора Газы смогут, если пожелают, перейти в Египет или Трансиорданию.

На дополнительном заседании правительства 3-го апреля состоялось голосование. За предложение Бен-Гуриона, к которому был приложен подробный план операции, проголосовали, кроме него самого, Голда Меир, Леви Эшкол, Дов Иосеф и Бахор Шитрит. Двое воздержались, 9 проголосовали против: Моше Шарет, четверо членов правительства от партии общих сионистов. Пинхас Розен, доктор Иосеф Бург, а также министры — члены Мапай Перец Нафтали и Бен-Цион Динур. Бен-Гурион был очень разгневан тем, что его предложение отклонили. Профессору Динуру, известному историку, он сказал: "Вы не понимаете разницы между тем, как пишут историю и тем, как ее делают".

Провал плана захвата сектора Газы подрезал крылья Бен-Гуриону, затормозил его воинственный порыв. Руки у него были связаны. Старик вдруг обнаружил, что в правительстве он в меньшинстве. На долгие месяцы был он вынужден склонить голову, смириться и соблюдать максимальную сдержанность, в угоду фронту умеренных, сплотившихся вокруг Моше Шарета.

Провал предложения Бен-Гуриона положил конец мирной паузе, возникшей было в его отношениях

с Шаретом. Эти отношения снова обострились до предела. "В некоторых вопросах я постоянно расхожусь с министерством иностранных дел, — писал Бен-Гурион Шарету. — Видимо, мой подход несовместим с ментальностью и воззрениями министра иностранных дел, его сотрудников, послов и представителей в Вашингтоне".

В результате выборов в Кнесет, состоявшихся на исходе июля, получила признание четкая наступательная тенденция: лево-активистская Ахдут ха-авода, отколовшаяся от Мапай, добились десятка мандатов; Херут тоже усилился — 15 мандатов вместо восьми. Мапай потеряла пять мест в Кнесете. Было ясно, что часть сторонников Мапай перекочевала в Ахдут ха-авода. Результаты выборов интерпретировали как разочарование в примиренческой линии правительства Шарета.

В Сде-Бокере в своем бараке Бен-Гурион проанализировал результаты выборов и сформулировал условия, на которых он согласится возглавить правительство. Он видел одну из причин ослабления сил Мапай в военной политике Шарета. На следующий день Бен-Гурион изложил коллегам по правительству принципы своей военной политики. Он подчеркнул свое стремление к миру, "отрицательное отношение к попыткам территориальных захватов", тщательное соблюдение соглашений о перемирии. Наряду с этим он заявил: "Мы не станем вводить свои вооруженные силы на Суэцкий канал, но обеспечим свободу судоходства в Красном море, подход кораблей к Эйлату и выход из него. И если нам помешают силой — мы применим силу".

Еще до того, как Бен-Гурион представил Кнесету свой новый кабинет, обстановка на границе с Египтом стала неуклонно скатываться к войне. С египетских позиций был открыт огонь по патрулю израильской армии, двигавшемуся по приграничной дороге. Израильский отряд атаковал египетский укрепленный пункт и захватил его; трое египетских солдат были

убиты. Египет заслал на территорию Израиля отряды фидайиунов, которые, проникнув на сорок километров в глубь израильской территории, добрались до Кфар-Менахем и цитрусовых плантаций Нес-Ционы, убили шестерых мирных жителей, совершили нападение на военные машины и пытались проводить диверсии на радиостанциях.

Израиль не мог далее проявлять сдержанность. Так считали Бен-Гурион и Даян. Учитывая возражения Шарета против ответных акций, Даян внес на рассмотрение правительства план сравнительно небольшой операции — взрыва мостов на шоссе Газа-Рафиях. План операции был одобрен, и диверсионные группы отправились в сектор Газы. Но поздно ночью Шарет приказал отменить операцию и вернуть солдат назад.

Даян подал Бен-Гуриону заявление об отставке. "Расхождение между военной политикой, проводимой в последнее время правительством, и той военной политикой, которая представляется мне необходимой, лишает меня возможности нести за нее ответственность". Бен-Гурион, всей душой сочувствовавший Даяну, представил его заявление правительству и потребовал, чтобы оно заняло четкую позицию: "Или линия Шарета, или линия Бен-Гуриона, ибо их беспорядочное смешение способно принести только вред". Затем Бен-Гурион демонстративно покинул заседание правительства и ушел. Шарет сдался.

В тот же день он снова собрал правительство и санкционировал проведение крупномасштабной ответной акции, согласно предложению Даяна — "Операции Хан-Юнис". Даян и Бен-Гурион вернулись к исполнению своих обязанностей. После длительного периода сдержанности Армия Обороны Израиля получила задание провести самую большую со времен нападения на Газу операцию.

В ту же ночь парашютисты атаковали штаб палестинской бригады в секторе Газы, располагавшийся в здании полицейского пункта Хан-Юнис. Сам пункт был взорван. С египетской стороны было 37 убитых, среди

израильских парашютистов — один.

Египет пришел в страшное негодование. На следующий день в сектор Газы устремились подкрепления; в пограничном районе происходили длительные перестрелки. Египетские самолеты нарушили воздушное пространство Израиля; в коротком бою истребители израильских ВВС сбили два египетских самолета типа "Вампир". Бен-Гурион снова обдумывал захват сектора Газы. Второго сентября Насер внезапно опубликовал новый указ, ужесточивший блокаду Тиранских проливов и распространявший ее также на воздушное пространство над ними. Компания "Эл-Ал" была вынуждена прекратить полеты в Южную Африку, трасса которых проходила над проливами.

Когда напряженность достигла предела, из Каира пришло ошеломляющее сообщение о чехословацко-египетском контракте на поставку оружия.

Во время Бандунгской конференции, состоявшейся в апреле 1955 года, Насер обратился к премьер-министру Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лаю с просьбой посодействовать в приобретении оружия у Советского Союза. Чжоу Энь-лай обещал помочь и через несколько недель сообщил Насеру, что добился согласия русских на сделку, так что если египетский президент обратится к СССР с соответствующей просьбой, она будет встречена положительно. На дипломатическом приеме 18 мая Насер заговорил с Даниилом Солодом, советским послом в Каире. Три дня спустя состоялась их встреча и начались секретные переговоры, продолжавшиеся все лето.

Советский Союз был предельно осторожен и опасался в открытую внедряться в район, считавшийся "вотчиной Запада". По просьбе СССР контракт был заключен от имени Чехословакии. Начиная с августа 1955 года, в течение двух месяцев в Праге шли секретные переговоры. В сентябре 1955 года контракт был окончательно подписан.

Публикация сообщения о заключении договора произвела глубокое потрясение во всем мире. Запад

был чрезвычайно встревожен. Соединенные Штаты, не обращавшие прежде внимания на поступающие из Каира сигналы и намеки, тщетно пытались в последнюю минуту сорвать подписание контракта.

Если столицы Запада кипели гневом, то арабские страны затопил прилив радости, граничащий с экстазом. Это половодье энтузиазма было вызвано не любовью к Советскому Союзу, а непримиримой ненавистью к Западу, клокотавшей в арабских массах. Насер предстал вождем арабского мира, героем, о котором мечтали миллионы, мстителем за поруганную национальную честь, которую долгие годы топтал империалистический Запад. Он вдохнул в миллионы арабов надежду, что близится час уничтожения Израиля. И действительно, обещанные Насеру поставки оружия не оставляли и следа от неустойчивого равновесия вооружений в регионе. По понятиям того времени это были сказочные количества оружия: около двухсот реактивных истребителей и бомбардировщиков типа МиГ-15 и Ил-28; 230 танков; 200 бронетранспортеров; 100 самоходных пушек; около 500 орудий разных типов, а также морское вооружение — торпеды, эсминцы и шесть подводных лодок.

Израиль с ужасом взирал на южного соседа. В распоряжении Израиля находилось в то время около 30 реактивных самолетов; бомбардировщиков не было совсем; имевшееся количество танков, бронетранспортеров и пушек казалось смехотворным по сравнению с тем, что было обещано Египту.

Радио Каира поспешило заявить: "Приближается день гибели Израиля. Не будет мира на границе, ибо мы требуем мести, а месть означает смерть Израилю".

Тревога охватила Израиль, когда стали известны подробности сделки между Египтом и Чехословакией. Опасность уничтожения государства Израиль соседними арабскими странами стала вдруг как никогда реальной.

Спонтанно начался добровольный сбор средств для закупки оружия. Десятки тысяч израильтян жертво-

вали деньги, украшения, различные ценные вещи в Керен ха-маген (Фонд обороны). Дети опорожняли свои копилки, юноши и девушки снимали ручные часы, женщины отдавали обручальные кольца, рабочие отработывали дополнительное время. В столицы Запада были направлены специальные посланники, просившие помочь оружием, восстановить баланс вооружений между Израилем и Египтом.

Моше Шарет экстренно вылетел в Европу. В Париже и Женеве совещались министры иностранных дел четырех великих держав. Шарет решил встретиться с ними и добиться либо поставок оружия, либо отмены чехословацко-египетской сделки. Он намеревался также просить министров иностранных дел стран Запада подписать оборонительный договор с Израилем. В Париже Шарет встретился с премьер-министром Франции Эдгаром Фором и получил от него обещание о поставках Израилю военных самолетов типа "Мистер-4". Потом вслед за министрами иностранных дел великих держав Шарет отправился в Женеву и встретился по очереди с каждым из них; но все эти беседы оставили у него чувство разочарования. Не считая обещания Эдгара Фора (выполнение которого затянулось, и не случайно), Шарет ничего больше не привез в Израиль. В письме к Бен-Гуриону он признавался: "Мне не суждено было вернуться с хорошими вестями".

Будущий премьер-министр Давид Бен-Гурион не верил в успех поездки Шарета, не ожидал от нее больших результатов. Он срочно вызвал к себе начальника генштаба Моше Даяна, находившегося в отпуске в Париже. Когда Даян явился, Бен-Гурион приказал ему немедленно подготовить оперативный план захвата Тиранских проливов (Шарм эль-Шейх) и прорыва египетской блокады.

В октябре 1955 года Бен-Гурион был долго прикован к постели какой-то таинственной болезнью. У него случались сильные головокружения и, вставая, он всякий раз терял равновесие. Некоторые полагали, что

это скрытый инфаркт. Наконец, врачи установили, что Бен-Гурион страдал редким заболеванием — ”болезнью Меньера”, нарушением работы вестибулярного аппарата. Бен-Гурион впервые тяжело болел и похоже, что болезнь вызвала в нем глубокую тревогу. На его счастье, ему попался исключительный человек, доктор Моше Фельденкрайз, разработавший систему лечения, сочетающую физиотерапевтические и психологические методы. Один из основных принципов его системы заключался в том, что больной должен включить в работу весь организм и тем самым предотвратить атрофию, возникающую от недостатка физической нагрузки. Фельденкрайз поставил Бен-Гуриона на ноги и с помощью интенсивных упражнений привел его в нормальное физическое состояние, буквально возродил его. Под его руководством Бен-Гурион стал каждый день проходить по пять километров. Так он вернул себе силы и так родились знаменитые бен-гурионовские ”походы”.

Во время болезни беспомощный Старик подолгу раздумывал над чехословацко-египетской сделкой. К 21 октября он начал приходить в норму. На следующий день его доверенный помощник, Нехемия Аргов, послал начальнику генштаба Моше Даяну, проводившему отпуск в Париже, телеграмму: ”Старик просит тебя немедленно приехать”.

23 октября Даян вошел в номер, который занимал Бен-Гурион в отеле ”Ха-наси”. Бен-Гурион велел Даяну подготовить оперативные планы на три возможных случая: захвата сектора Газы, наступления в Северном Синае, захвата Эйлатских проливов с обеспечением свободы судоходства в Красном море. Главное внимание уделялось последней операции.

Даян тут же приказал начальнику отдела разведки приобрести какое-нибудь судно, которое Израиль попытается провести через проливы; вследствие неизбежного египетского удара по нему и должна начаться операция по захвату проливов.

Бен-Гурион был настроен воинственно.

Поднявшись 2 ноября 1955 года на трибуну Кнесета, чтобы представить новое правительство, Бен-Гурион отвел центральное место в своей речи угрозе войны с Египтом. Главным в его выступлении было предупреждение о том, что он отдаст Армии Оборона Израиля приказ действовать, если Египет будет продолжать бесчинства на границах. "В результате вылазок из одного только сектора Газы мы потеряли за первые девять месяцев 1955 года 153 человека убитыми и ранеными. Теперь Египет пытается закрыть израильским кораблям дорогу через проливы Красного моря; эта односторонняя война должна быть прекращена, ибо она не сможет долгое время оставаться односторонней. Мы оставляем за собой свободу предпринять самые энергичные меры по защите наших прав, если они будут ущемлены какими-либо насильственными действиями на суше или на море. Мы не агрессоры, но также и не самоубийцы".

Предостережение, слышавшееся в словах Бен-Гуриона, той же ночью было подкреплено делом. Парашютисты и пехотные части атаковали соединения египетской армии, вторгшиеся на территорию Израиля в районе Ницаны, и захватили египетские позиции; продвигаясь далее, израильские части взяли штурмом укрепления, находившиеся по ту сторону границы, откуда египетская армия оказывала огневую поддержку своим солдатам из минометов, противотанковых орудий и пулеметов. Египетские опорные пункты были уничтожены, а вторгшиеся войска изгнаны с территории Израиля. Во время боя 50 египетских солдат было убито, а 49 взято в плен. Цахал потерял 7 человек. На сей раз Египет ограничился словесной реакцией — египетские средства информации передали вымышленные сообщения о том, что жертвы со стороны Израиля исчисляются двумястами человек.

Резкое выступление Бен-Гуриона и массированная военная операция, последовавшая за ним, ознаменовали начало изменения военно-политической ориентации

правительства. На фоне чехословацко-египетской сделки, все более громких угроз с юга и закрытия Тиранских проливов Израиль скатывался на путь, ведущий к превентивной войне. Бен-Гурион не заявлял об этом; но совершенные им в следующий год поступки приближали неизбежный поединок с Египтом.

Так начался процесс отхода от военной политики Моше Шарета, которая базировалась на сдержанности, усилиях добиться договоренности и попытках воспользоваться посредничеством иностранцев — Организации Объединенных Наций, великих держав, стран Азии и Африки.

В те дни Бен-Гурион был погружен в беспросветное уныние. С одной стороны, он страшился грядущего и был уверен в том, что через короткий срок — через полгода или, самое большее, год — Египет настолько усилится, что отважится начать против Израиля войну на уничтожение; поэтому превентивная война представлялась неизбежной. С другой стороны, он еще продолжал надеяться, что можно предотвратить войну, раздобыв достаточное количество вооружений оборонительного характера. С октября по декабрь Старик разрывался между выбором военного решения, ставившим армию во главу угла, и политическими шагами, направленными на поиски оружия. В заявлении, сделанном 9 ноября, президент Эйзенхауэр утверждал, что Соединенные Штаты готовы рассмотреть просьбу о поставке вооружения, необходимого Израилю для "нужд обороны". В сердце Старика затеплилась слабая надежда, что удастся добыть американское оружие.

Поэтому, когда 13 ноября Даян прилетел в Сде-Бокер, чтобы обсудить с Бен-Гурионом операцию "Омер" ("сноп") по захвату проливов, Бен-Гурион был весьма сдержан. Первоначально операция была назначена на конец декабря. Однако Бен-Гурион попросил Даяна отсрочить ее на конец января. "Возможно, мы сумеем получить американское оружие", — сказал Бен-Гурион.

Даян не отставал. Он поспешил составить письмо к

Бен-Гуриону: "Я ушел с сегодняшней встречи с ощущением, что мне не удалось со всей полнотой выразить опасение за наше нынешнее положение", — писал он. Даян настаивал: "Мы должны по возможности скорее довести дело до столкновения наших сил с армией Египта, стремясь достичь при этом трех целей: 1) нанесение мощного удара по египетским военно-воздушным силам; 2) занятие развилки дорог у Рафиаха и у Ницаны; 3) захват Эйлатских проливов".

Однако Бен-Гурион не сдвинулся со своих позиций. В начале декабря состоялись дополнительные совещания. Наконец, 5 декабря Бен-Гурион представил план операции "Омер" на рассмотрение правительства.

План этот принят не был. Вокруг Моше Шарета, снова занявшего пост министра иностранных дел, сплотилась группировка министров, противившихся любым военным действиям против Египта. Двое министров от Мапам, Барзилай и Бентов, двое министров от религиозных партий — Шапира и Бург, а также Пинхас Розен, присоединились к четверке умеренных министров от Мапай: Шарету, Арану, Лузу и Сапиру. Так создалось большинство — девять членов правительства были против операции. Правительство решило, что момент невыгодный и что "Израиль будет действовать в то время и в том месте, которое сочтет подходящим".

Когда Даяну сообщили об этом, он направил Бен-Гуриону докладную записку, в которой явственно читается его разочарование: "Я усматриваю в нашей нынешней бездеятельности и продолжающемся в теперешних условиях соблюдении израильско-египетского соглашения о перемирии фактический отказ от свободы судоходства и воздухоплавания в районе Эйлатских проливов, — писал он. — Поэтому мы должны, по моему мнению, возможно быстрее (в течение месяца) осуществить захват Эйлатских проливов".

Операция "Омер" была отменена; силы, собранные для выполнения особой задачи, были распущены, и подразделения, отданные в распоряжение Хаима Бар-

Лева, вернулись к своим обычным командирам.

Бен-Гурион снова лелеял надежду найти оружие, снова вынашивал мечты о союзе с Западом. Но США не отзывались на его просьбы. Видно, Ближнему Востоку была уготована иная судьба — но Америка не понимала этого.

Вернувшись в правительство в феврале 1955 года, Бен-Гурион поддержал идею заключения оборонительного союза с Соединенными Штатами. И на этот раз идея принадлежала Эвену, и именно он вел многомесячные переговоры в Вашингтоне. Был выработан проект договора, по которому Израиль обязывался не применять силы для изменения существующих границ, а Америка обещала приходить ему на помощь "всеми законными способами, на которые распространяются полномочия президента". Американцы подошли к делу достаточно серьезно. Однако они продолжали пользоваться идеей договора как приманкой — а иногда и как палкой — чтобы навязывать Израилю поведение, отвечающее их собственным интересам.

В апреле Шарет предложил Даллесу, чтобы США выступили гарантом территориальной целостности Израиля и поставляли ему вооружение параллельно процессу перевооружения армий арабских стран. Однако американцы ограничились тем, что выразили готовность обсуждать эту тему лишь на условиях, которые фактически означали ограничение суверенитета Израиля. Бен-Гурион ответил на это в публичном выступлении: "Мы малый народ и крохотное государство, но мы равноправны со всеми суверенными странами и наши отношения с любым государством будут строиться исключительно на основе равноправия сторон и взаимной договоренности... В той степени, в которой нуждаются в союзниках другие народы, нуждаемся в них и мы, но речь идет о союзнических договорах между двумя равными сторонами — равными с моральной точки зрения и с точки зрения международного права, пусть они и не равны по величине, по

численности населения, по финансовым и военным ресурсам”.

Переговоры с Америкой продолжались в течение всего лета 1955 года. Бен-Гурион целиком и полностью поддерживал идею договора, в рамках которого готов был даже предоставить американцам военные базы в Эрец.

Однако в середине осени переговоры провалились и идея эта была окончательно похоронена.

Несостоявшийся оборонительный договор был лишь одним из звеньев в цепи горьких разочарований, выпавших на долю Израиля в отношениях с Америкой. Уже после опубликования сообщений о чехословацко-египетской сделке Соединенные Штаты отказались поставить Израилю оружие. В декабре 1955 года Даллес ушел от ответа на просьбу Шарета о поставке 24 самолетов типа “Сейбр”.

Америка была тверда в своем решении добиться всеобъемлющего соглашения, которое урегулировало бы положение на Ближнем Востоке, пусть даже и за счет Израиля. В то же время премьер-министр Великобритании Иден в своей знаменитой речи в Гилдхолле вновь предложил Израилю пойти на значительные территориальные уступки в виде компромисса между планом раздела Палестины 1947 года и линиями прекращения огня.

Но невозможно было долго игнорировать опасность, связанную с проникновением Советского Союза на Ближний Восток. В Соединенных Штатах крепло убеждение в том, что необходимо выбить почву из-под ног СССР, добившись соглашения между Израилем и Египтом, которое лишило бы смысла египетско-чехословацкую сделку, и вернуть Египет в русло западного влияния. В январе 1956 года в обстановке полной секретности правительство США направило на Ближний Восток посредника самого что ни на есть высокого ранга — Роберта Андерсона.

Роберт Андерсон был личным другом президента

Соединенных Штатов. В прошлом он служил государственным секретарем по делам военно-морского флота и заместителем секретаря по вопросам обороны в правительстве Эйзенхауэра, а в будущем ему предстояло получить назначение на пост министра финансов. В 1956 году он не имел никакой официальной должности и занимался нефтяным бизнесом. Эйзенхауэр снабдил его рекомендательными письмами к Насеру и Бен-Гуриону. Миссию Андерсона обслуживали агенты ЦРУ. Сперва Андерсон вылетел в Каир, где тайно встретился с Насером. Беседы их были организованы сотрудником ЦРУ Кэрмитом Рузвельтом. Андерсон остановился не в отеле, а в частном доме и встречался с Насером лишь в ночное время, в его особняке, расположенном в Замалеке. На случай раскрытия своего инкогнито Андерсон запасся версией о том, что он якобы приехал обсудить с Насером условия концессии на бурение в Египте нефтяных скважин.

Завершив предварительные переговоры с Насером, Андерсон через Афины вылетел в Израиль, куда прибыл 23 января 1956 года. Его деятельность в Эрец также была окутана непроницаемой завесой тайны. Он прилетел на частном самолете под покровом ночи и приземлился на небольшом аэродроме после того, как диспетчер в Лоде получил из самых высоких инстанций инструкции не обращать внимания на незарегистрированный полет. Генеральный директор канцелярии главы правительства Тедди Колек встретил Андерсона и привез его в Иерусалим, где он и поселился на частной вилле, принадлежавшей близким друзьям Поли Бен-Гурион. Большую часть времени, проведенного им в Эрец, Андерсон находился в квартире Тедди Колека, где секретно встречался с Бен-Гурионом.

На этих тайных встречах Роберта Андерсона сопровождали посол США в Израиле М. А. Лэнсон и представитель американской разведывательной службы. Сначала Андерсон сообщил о своих беседах с Насером. Насер заверил его, что желает мира. Он выдвинул два предварительных условия мира с Израилем — разре-

шение проблемы беженцев и территориальной проблемы. Египетский премьер требовал представить беженцам "свободу выбора" между денежными компенсациями и возвращением на израильскую территорию. Что касается территории — Насер настаивал на создании соединительной полосы между Египтом и Иорданией на некоторой части Негева, которая будет передана арабам.

Бен-Гурион и Шарет изложили Андерсону свое мнение о мирных контактах с арабскими странами. Старик выразил сомнение в искренности мирных намерений Насера и полностью отклонил предложение о каких бы то ни было территориальных уступках со стороны Израиля. Касаясь вопроса о "свободе выбора" беженцев, он заявил, что предоставить беженцам свободу выбора — "значит открыть ворота перед пятой колонной и разрушить еврейское государство изнутри". Бен-Гурион, в свою очередь, потребовал организовать секретную встречу на высшем уровне между представителями Египта и Израиля. Он выразил убеждение в том, что встреча между ним и Насером или между Шаретом и Насером имела бы чрезвычайно важное значение. Бен-Гурион полагал, что лишь путем прямых переговоров можно прийти к договоренности. "Если Насер будет лично участвовать в переговорах и проблема будет рассмотрена в полном объеме — возможно, мир будет достигнут за какой-нибудь десяток дней". Он рекомендовал устроить такую встречу в Каире, где можно сохранить ее в полной тайне. Бен-Гурион также обратился к США с решительным требованием о немедленной поставке вооружений. Три четверти израильского населения, говорил Бен-Гурион, сосредоточены в Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе, куда новые египетские реактивные бомбардировщики способны долететь за десять минут. В течение шести месяцев Египет будет оснащен чешским оружием, давление со стороны армии и общественного мнения усилится, и это может столкнуть Насера на путь агрессивной политики. Единственный способ предотвра-

тить нападение со стороны Египта — это поставки оружия Израилю. ”Скажите в Вашингтоне, что это вопрос, не терпящий отлагательства”.

Андерсон слегка отступил перед этим бурным натиском. ”Вы тут двигаетесь чересчур резво, — осторожно сказал он израильтянам, — у вас в запасе уже больше идей, чем реально осуществимо”.

Андерсон был прав. 25 января он завершил первый тур своих марафонских переговоров и вылетел обратно в Каир. Когда америкарский посланник довел до сведения Насера содержание своих бесед с руководителями Израиля, тот начал увиливать. Он выразил опасение перед прямыми переговорами, ибо ”не хотел, чтобы с ним случилось то же, что с Абдаллой”.

Что же касается существенных вопросов, то Насер не изменил своих позиций ни в отношении проблемы беженцев, ни в отношении пограничной проблемы.

Андерсон снова полетел в Эрец через Афины и 31 января изложил Бен-Гуриону и Шарету реакцию Насера. Несмотря на свое разочарование, Бен-Гурион взял примирительный тон. Он снова предложил соглашение о прекращении огня в секторе Газы, подкрепленное установлением прямой связи между командирами на местах; вновь настаивал на прямых контактах на высшем уровне. Если я встречу с Насером, — обещал он, — я сделаю ему такие предложения, которые никому не приходили в голову, предложения чрезвычайной важности”. Шарет, со своей стороны, изъявил готовность на соглашение с Иорданией о частичном суверенитете над Иерусалимом.

Андерсон отправился назад в Вашингтон докладывать президенту Эйзенхауэру о своей поездке. Бен-Гурион направил американскому президенту письмо, где выражал разочарование по поводу отказа Насера от прямых переговоров. ”Если премьер-министр отклоняет такое предложение, — писал Бен-Гурион, — то возникают серьезные сомнения в его доброй воле, и встает вопрос, не желает ли он просто выиграть время до тех пор, пока не получит всего чешского оружия”. На фоне чехословацко-египетской сделки

Бен-Гурион снова просил Соединенные Штаты о поставке оборонительного оружия.

В своем ответе Эйзенхауэр сообщал, что "переговоры, которые вел мой специальный посланник на Ближнем Востоке, против ожидания, не приблизили урегулирования стоящих перед нами проблем". На просьбу о поставке оружия он дал уклончивый ответ.

Андерсон вернулся на Ближний Восток и возобновил переговоры в Каире. Там его снова ожидало разочарование. Насер наотрез отказался от каких бы то ни было прямых контактов с израильтянами, даже если представителем Израиля, которого Андерсон предлагал привезти в Каир, будет неофициальное лицо. Так был положен конец всем усилиям добиться прямого диалога между Израилем и Египтом. И в других областях позиция Насера также ужесточилась.

Он снова настаивал на двух коренных требованиях: "свобода выбора" для беженцев и возврат территорий.

Андерсон вылетел в Иерусалим, где, по существу, признался в провале своей миссии. "Господин премьер-министр, — сказал американский посланник Бен-Гуриону, — я сделал все, что мог... Я ни разу не видел его (Насера) столь категоричным, как в вопросе о личной встрече. Я не могу дать вам никаких обещаний по поводу такой встречи в обозримом будущем. Насер все время говорит, что будет откровенно беседовать с представителями США. Если ваше правительство готово пойти по пути такого посредничества — сообразовите сообщить мне об этом... Мне кажется, что мы зашли в тупик". Все, что мог предложить Андерсон — это продолжать посредничество между двумя правительствами.

Шарет и Бен-Гурион были разочарованы. У них была еще одна причина для огорчения — всего за два дня до приезда Андерсона Эйзенхауэр отклонил просьбу Израиля о поставке оружия. "Вы, действительно, сделали все, что было в ваших силах, — казал Бен-Гурион американскому посланнику. — Беда в том, что для мира нужны две стороны... Самое существование нашего государства под угрозой. Он напомнил об ос-

нащении Египта современным оружием. "Мы не можем не видеть неотвратимого, как в греческой трагедии, приближения войны. В худшем случае мы будем уничтожены, в лучшем — если победим, а это возможно — наш созидательный труд пойдет прахом... Мы не можем полагаться только на слова Насера, что он не нападет". Бен-Гурион вновь потребовал у американцев оружия. В словах его таилось скрытое предостережение: "Предположим, что после того, как вы доложите обо всем президенту, мы получим отрицательный ответ или останемся вообще без ответа (относительно оружия) — тогда у нас будет лишь одна задача — заботиться о своей безопасности. Ничто иное не будет нас занимать".

Нетрудно увидеть в этих словах предвестие приближавшейся превентивной войны против Египта.

Своей близорукостью Америка толкала Израиль на путь отчаянных действий, ведущий к превентивной войне — вопреки нежеланию израильских руководителей. Так мы воочию убеждаемся, что именно Соединенные Штаты были главным виновником опасного положения, создавшегося на Ближнем Востоке весной 1956 года, которое привело к "Синайской операции".

С наступлением весны на Ближнем Востоке снова завыл ветер войны. На трех границах Израиля вспыхнул военный пожар. С севера сирийские пушки обстреливали израильские рыболовецкие и полицейские суда на озере Киннерет. Сирийцы уже раз начинали подобный обстрел в декабре 1955 года. Тогда Бен-Гурион приказал нанести массированный ответный удар по позициям сирийской армии. Эта операция, названная "Киннерет", оказалась более серьезной, чем планировалась, и вызвала резкую критику в Эрец и во всем мире.

И с восточной границы, в связи с осложнением внутреннего положения Иордании и усилением там пронасеровских элементов, также участились нападения. Египтяне вели почти непрерывный обстрел израильских территорий, прилегавших к сектору Газы;

в начале марта Египет сконцентрировал крупные силы в районе Эль-Ариша и провоцировал пограничные инциденты.

Это был один из самых тяжелых для Бен-Гуриона периодов. С одной стороны, он должен был вести борьбу с нерешительностью правительства, большинство членов которого, сплотившись вокруг министра иностранных дел, препятствовало наступательным операциям; с другой стороны, Бен-Гурион был вынужден охлаждать пыл энергичного начальника генштаба Моше Даяна, требовавшего, пока не поздно, начать превентивную войну против Египта.

3 апреля резко обострилась ситуация на границе сектора Газы. Египтяне убили из засады израильского солдата; с египетских позиций был открыт огонь по патрулирующему границу отряду, и трое солдат было убито; в продолжение трех часов египтяне палили по пограничным мошавам из 120-миллиметровых орудий. В конце концов Израиль был вынужден ответить мощным артиллерийским обстрелом сектора Газы. Один из объектов этого обстрела находился в самой Газе. Во время обстрела был убит 61 человек, в большинстве мирные жители, в том числе 27 женщин и четверо детей; 94 человека было ранено.

Следующей в этой цепи инцидентов была ответная египетская вылазка. Десятки групп фидайиунов перешли границу и начали беспрецедентную по масштабам террористическую деятельность. Они совершали диверсии на водопроводах и водонапорных башнях, стреляли по автомашинам, забрасывали гранатами киббуцы, тракторные станции и жилые дома. В первую же ночь было убито четверо и ранено 15 евреев на юге Приморской равнины. На следующий день со стороны Иордании просочились на территорию Израиля новые группы диверсантов; они убивали мирных жителей, совершали диверсии, подрывали железнодорожные пути. 11 апреля фидайиуны напали на синагогу в Шафроре, где молилось в это время сорок детей. Четверо детей и их руководитель были убиты, еще четверо ранены. Фотографии оскверненных свитков

Торы вызвали глубокое потрясение во всех концах страны.

Казалось, что война с Египтом вот-вот разразится.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Даг Хаммаршелд, прилагая отчаянные усилия, чтобы не допустить развязывания войны, встретился с Бен-Гурионом и Насером; правительство США также поспешило вмешаться; президент Эйзенхауэр направил личное письмо Бен-Гуриону, уговаривая его воздержаться от ответных акций и предотвратить тем самым войну. Бен-Гурион ответил критическими замечаниями по поводу заявления Эйзенхауэра. Лишь 18 апреля обстановка на египетской границе несколько разрядилась; Израиль и Египет согласились соблюдать соглашение о прекращении огня. Но через неделю после того, как Бен-Гурион объявил о перемирии с Египтом, арабы из сектора Газы зверски убили в районе поселения Нахал-Оз командира района Рувии Ротберга. Возобновились диверсии фидайиунов.

Среди нараставших раскатов грома и сгущавшихся туч войны сверкнул для Израиля одинокий луч: в разгар столкновений с Египтом на военном аэродроме приземлилась дюжина военных самолетов типа "Мистер-4". У Израиля нашелся новый поставщик оружия — Франция.

Через некоторое время после возвращения Бен-Гуриона на пост министра обороны в начале 1955 года, Шимон Перес отправился во Францию для встречи с новым министром обороны, генералом Пьером Кенигом, имея при себе личное письмо начальника генштаба Моше Даяна.

Пьер Кениг, генерал в отставке, герой битвы у Бир-Хакима в Аравийской пустыне, был верным и искренним другом Израиля. Он оказал Пересу всяческое содействие. Израилю были обещаны легкие танки, пушки и 24 боевых самолета типа "Мистер-2". В июле Перес вернулся во Францию с личным посланием Кенигу от Бен-Гуриона, в котором Старик выражал свою благодарность "герою Бир-Хакима".

Но радость была преждевременной. В начале сентября оказалось, что в конструкции самолета "Мистер-2" имеются многочисленные недостатки. Правительство Франции предложило Израилю закупить пока что самолеты более старой модели "Ураган", а вместо "Мистер-2" заказать самолеты "Мистер-4". На состоявшемся у Бен-Гуриона совещании решено было именно так и поступить.

После заключения египетской сделки с Чехословакией, закупка оружия во Франции внезапно стала делом первостепенной важности и чрезвычайной срочности. Моше Шарет вылетел в Париж и, встретившись с премьер-министром Франции, добился от него обещания, что Израилю будут поставлены самолеты "Мистер-4". Но это было не более, чем обещание — из которого так ничего и не вышло.

Договор о закупке самолетов натолкнулся еще на одно препятствие: самолеты "Мистер-4" производились во Франции по заказу НАТО; чтобы Франция могла поставить Израилю эти самолеты, Соединенные Штаты должны были подтвердить, что они готовы освободить Францию от выполнения заказа. Но США вновь и вновь увивали от решения.

В конце ноября на Израиль обрушился новый удар: правительство Эдгара Фора пало, Национальное собрание было распущено и объявлены новые выборы. Казалось, что все до сих пор затраченные усилия пошли прахом. В начале января во Франции состоялись всеобщие выборы. К удивлению многих, на политической карте Франции обозначились заметные перемены. Президент Республики поручил формирование нового правительства лидеру Социалистической партии Ги Молле. Вскоре после того, как правительство было сформировано, к Ги Молле явился Шимон Перес с письмом от Бен-Гуриона. Вспомнив их прежний разговор о поведении английских лейбористов после их победы на выборах, Ги Молле с улыбкой сказал Пересу: "Теперь вы убедитесь, что я не Бевин".

И действительно, приход к власти правительства Ги Молле ознаменовал поворот во французо-израиль-

ских отношениях. Особенность правительства Ги Молле состояла в том, что обе главных партии, входившие в его состав, поддерживали Израиль — каждая по своей собственной причине. Министры-социалисты во главе с Ги Молле и министром иностранных дел Кристианом Пино ощущали тесную связь с Израилем и с братской социалистической партией — Мапай.

Партнером социалистов по правящей коалиции являлась радикальная партия, центральной фигурой в которой был Буржес-Монури. Радикалы ставили во главу угла алжирскую проблему, и большинство их политических шагов диктовалось "алжирскими" соображениями. Так в Париже появилось дружественное Израилю правительство, которое с самого начала готово было сделать для него гораздо больше, чем предыдущие кабинеты министров Франции. Первым тому доказательством было удовлетворение просьбы Израйля о продаже "Мистеров". Первые самолеты этого типа приземлились в Эрец 11 апреля 1956 года.

9 апреля в Израиль должен был прибыть с официальным визитом министр иностранных дел Франции Кристиан Пино. 5 апреля израильский посол во Франции Яков Цур вылетел на родину для участия в официальной церемонии встречи французского министра. Однако во время посадки в Риме, узнав о кровавых событиях на границе сектора Газы и мощном артобстреле Газы израильской армией, Пино заявил об отмене своего визита. Министерство иностранных дел Израйля обвинило министерство обороны и армию в том, что те начали действовать, "не приняв в расчет политических факторов". Цур кипел. Случайно столкнувшись с Шимоном Пересом и Ицхаком Навоном, он набросился на них. "Франция — это же источник оружия для Цахала, — бросил он им в лицо, — французский министр иностранных дел собирается прибыть в Эрец, результаты бесед с ним могут иметь решающее значение, а армия ведет себя так, будто и слыхом не слыхивала об этом!" Цур потребовал разбирательства в присутствии Бен-Гуриона.

Заседание по этому вопросу состоялось во второй половине дня 10 апреля. Присутствовали Бен-Гурион, Шарет, Даян, Перес, Цур и несколько их помощников. Цур заметил "растущую напряженность между главой правительства и министром иностранных дел". Шарет был мрачен и раздражителен.

Моше Даян спросил Цура: "Считаете ли вы возможным договориться с определенными правительственными кругами Франции, в частности, с министерством обороны, так, чтобы положить конец всем этим колебаниям и преодолеть противодействие министерства иностранных дел?" Цур ответил: "С армией и министерством обороны в отдельности — нет!"

Ответ этот показывал, какая пропасть отделяла министерство иностранных дел от израильских военных деятелей. Военные, Перес, Бен-Гурион, знали о том, что в кругах французской армии и министерства обороны растет стремление к секретному сотрудничеству с Израилем. А руководство израильского министерства иностранных дел и не подозревало об этом. Несмотря на это, Цур понял, что "за вопросом начальника генштаба кроется нечто серьезное".

Здесь, в окруженном садом старинном дворце состоялось секретная французо-израильская конференция. Израильтяне прозвали ее "арсенальной" — из-за договоров о поставках оружия.

Конференция началась уже в день приближения израильской делегации — 23 июня.

С французской стороны, кроме Манжена, в переговорах участвовало несколько генералов генштаба, в том числе Шаль и Лаво. Присутствовали также представители французской разведывательной службы.

На конференции обсуждались пути и средства борьбы с Насером. Предусматривалось немедленное радикальное перевооружение Израиля за счет французских поставок, всеобъемлющий обмен разведывательной информацией и тесное сотрудничество в области разведки и оперативных разработок вплоть до совместных военных действий.

После того, как была достигнута договоренность о

принципах предполагаемого сотрудничества, Израиль выдвинул свои требования: 200 танков, 72 самолета "Мистер-4", 40 тысяч 75-миллиметровых снарядов, 10 тысяч управляемых ракет. По понятиям израильтян это были "фантастические" цифры, но французы и глазом не моргнули. Было решено произвести перевозку оружия в условиях строжайшей секретности — корабли с оружием будут подходить к берегам Израиля под покровом ночной темноты, разгружаться и исчезать до восхода. Представители Франции обещали приложить максимум усилий и поставить все указанное оружие в течение ближайших месяцев, даже ценой того, чтобы снять его с вооружения французской армии. Сумма сделки была определена в 80 миллионов долларов.

25 июня израильская делегация с чувством удовлетворения вернулась на родину и представила отчет министру обороны. Бен-Гурион разрешил приступить к выполнению договора. "Это несколько рискованная авантюра, — сказал он, — но что поделаешь — вся наша история такова". Он не рассказал о договоре никому из членов правительства, кроме Голды, бывшей министром иностранных дел, и Леви Эшкола — министра финансов, ибо необходимо было получить деньги на закупку оружия.

4 июля состоялась беседа израильского посла во Франции Якова Цура с французским министром иностранных дел. К вящему изумлению Цура Пино сообщил ему о заключении секретного договора между министерствами обороны двух стран, согласованного с главой участия правительства и министром иностранных дел и одобренного лично им, без участия министерства иностранных дел. Цур немедленно вылетел в Эрец. На аэродроме его встречал посол Франции в Израиле Пьер Жильбер, который "заливаясь победным смехом", сказал ему: "Ну что, устроили-таки вам сюрприз?" Цур встретился с Голдой Меир и Бен-Гурионом. Старик объяснил ему, что его не уведомили о договоре, так как французы поставили условие, "чтобы наше посольство ничего не знало, пока дело не бу-

дет передано в ведение их министерства иностранных дел”.

Обедая вместе с Шаретом, Цур горел желанием рассказать ему о гигантской сделке, только что заключенной с Францией, но не имел права сказать ни слова. “Руки у меня были связаны”, — записал он в дневнике.

Июль месяц прошел у Бен-Гуриона в напряженном ожидании и приготовлениях к прибытию нового вооружения.

Ночью 24 июля в порт Кишон прибыло первое судно с оружием. Бен-Гурион, Даян, Пьер Жильбер приехали наблюдать за разгрузкой. И Бен-Гурион, и Даян были очень взволнованы. Выгрузка тридцати танков и более шестидесяти тонн снаряжения была завершена менее, чем за час. “Наши ребята и французские моряки работали удивительно согласованно, — записал воодушевленный Бен-Гурион. — Корабль отправился из Тулона якобы в Алжир. Выйдя в море, капитан объяснил офицерам и матросам, что такое Израиль и зачем они посланы в эту сторону. Наши танкисты поднялись на корабль еще в открытом море и, после того, как судно бросило якорь, один за другим вывели все танки на берег своим ходом”. Старик поднялся на палубу, чтобы позвать руки капитану и офицерам. Французские моряки и солдаты израильской армии встретили этот обмен рукопожатиями возгласами ликования.

Так, под покровом строжайшей тайны, прибывали и в последующие месяцы к берегам Израиля суда с французским оружием на борту.

26 июля, ровно через два дня после прибытия первого из этих кораблей, Насер объявил о национализации Суэцкого канала.

Назавтра в Эрец прибыли первые самолеты “Мистер-4”.

23 апреля Перес и Буржес-Монури подписали соглашение о предоставлении Израилю еще дюжины самолетов “Мистер-4”. Однако решающий шаг на пути

крепнувшего сотрудничества между Францией и Израилем был сделан через месяц. Нарождавшаяся дружба с Францией зависела от готовности Израиля вступить в войну против Египта. Бен-Гуриону было ясно, что решение этого вопроса неразрывно связано с выбором в личном плане. Правительству Израиля предстояло одобрить либо политику Шарета, либо политику Бен-Гуриона. В начале июня Бен-Гурион поставил перед товарищами этот большой вопрос в самой ультимативной форме: или я, или Шарет.

Даже Бен-Гурион с его колоссальным авторитетом и беспощадностью в решениях не способен был ни с того, ни с сего встать и потребовать отставки Шарета. Поэтому он предпочел зацепиться за повод, предоставленный ему по воле случая. Повод этот именовался "необходимость оздоровления партии".

В мае 1956 года в иерусалимском доме Бен-Гуриона состоялось совещание, на котором говорилось о необходимости избрать из среды ведущих членов партии нового секретаря Мапай. В ходе дебатов, когда назывались разные имена, Шарет, "точно в шутку" сказал: "Ну, мне что ли сделаться секретарем партии".

"Все засмеялись, — писала Голда, — кроме Бен-Гуриона, который ухватился за шуточку Шарета".

"Великолепно! — тут же сказал он. — Замечательная идея! Это спасение для Мапай". Присутствующие сначала несколько смутились, но потом пришли к выводу, что это, и действительно, хорошая идея. Через пару дней Бен-Гурион спросил Голду: "Ты не думаешь, что это стоящая мысль — сделать Моше секретарем партии?"

"Но кто же будет министром иностранных дел?" — спросила она.

"Ты", — спокойно ответил Бен-Гурион.

Голда не верила своим ушам. Пробовала было объяснить, доказывать, почему это невозможно. Но Старик был непреклонен. "Дело решенное", — сказал он.

"Внезапно раздался телефонный звонок, — рассказывал министр промышленности Пинхас Сапир. — На

проводе был Ицхак Навон. Он сказал мне: "Если до пяти часов Шарет не подаст в отставку, Старик уходит из правительства и возвращается в Сде-Бокер".

На специальном заседании правительства Шарет заявил: "За последние недели мне стало ясно, что Бен-Гуриону трудно далее работать вместе со мною", и поэтому ради предотвращения отставки главы правительства и острого правительственного кризиса он, Шарет, должен уйти в отставку.

Уход Шарета из правительства позволил сконцентрироваться на одном секретном вопросе, сыгравшем историческую роль в судьбах государства Израиль — заключении секретного союза с Францией. Шарет ушел в отставку 19 июля 1956 года. Всего через три дня после этого, в ночь с 22 на 23 июня, со специального аэродрома, находившегося к северу от Тель-Авива, поднялся в воздух французский самолет "Норд". Двенадцать часов спустя он приземлился на аэродроме возле Парижа. Из самолета вышли Моше Даян, Шимон Перес и Иехошафат Гаркави. Их встречали представители командования французской армии и полковник Луи Манжен, начальник канцелярии министра обороны Франции. К израильтянам присоединились также полковник Нишри, военный атташе Израиля в Париже, и Иосеф Нахмияс, возглавлявший делегацию министерства обороны Израиля по закупке оружия во Франции. Рассевшись по машинам, французы вместе с израильтянами направились к северу от Парижа.

22. ОПЕРАЦИЯ "КАДЕШ"

В эффектной речи, произнесенной в Александрии перед десятками тысяч горящих воодушевлением египтян, Насер провозгласил национализацию Суэцкого канала. Похоже, что он несколько перегнул палку. Известие о национализации канала вызвало в столицах Запада прилив настоящей ярости.

С молниеносной быстротой начались военные и политические переговоры между Францией и Англией; армия и флот обеих стран были приведены в состояние боевой готовности, французские корабли сосредоточились в Тулоне, британские вышли в направлении Мальты. В Лондоне, в отделе оперативных разработок генштаба британской армии французские и английские офицеры приступили к разработке совместной военной операции. Сначала на свет был произведен план под названием "Гамилькар", затем его сменил план "Мушкетер".

В течение первых дней после национализации Суэцкого канала велась лихорадочная подготовка к вторжению, назначенному на сентябрь. Планировалась высадка войск Франции и Великобритании в Александрии и Каире.

Но прошло несколько дней — и у союзников опустились руки. Соединенные Штаты решительно возражали против любого применения силы в районе Ближнего Востока.

Даллес употребил все свое влияние, чтобы умирить пыл Парижа и Лондона. В результате усилий Даллеса план немедленного вторжения в Египет был заморожен. По предложению Даллеса 16 августа в Лондоне собралась международная конференция для обсуждения будущего Суэцкого канала. Она закрылась 22 августа, одобрив план Даллеса по учрежде-

нию международной организации по управлению каналом. Премьер-министр Австралии, сэр Роберт Мэнзис, вылетел в Каир, чтобы ознакомить Насера с решениями конференции. 9 сентября Насер отверг эти решения. Джон Фостер Даллес не унимался. 19 сентября по его инициативе в Лондоне собралась новая конференция, где была создана "Ассоциация государств, пользующихся Суэцким каналом" — для контроля за Суэцким каналом и взимания пошлины за проведение по нему судов. Но и эта организация была мертворожденной. Заявление Даллеса о том, что "мы не намерены силой проводить суда через канал", успокоило Насера и развеяло его опасения перед вторжением иностранных армий. Отчаявшись, Франция и Англия обратились в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций.

Даллес отправился пару дней отдохнуть на Бермудах — вероятно, он считал, что достиг главной своей цели — предотвратил вспышку войны и выиграл время, которое охладит воинственный пыл англичан, ослабит их решимость. В отношении англичан он, похоже, не ошибся. Иное дело французы. Те ни за что не хотели упустить представившуюся неповторимую возможность избавиться от Насера. Они потеряли всякую надежду на американцев и чувствовали, что англичане отходят от прежней решительной позиции; у них оставался один-единственный путь обеспечить успех операции. Они обратили взоры к Израилю.

В день провозглашения национализации Суэцкого канала Бен-Гурион находился в гостинице "Дан Кармел". Его первой, сохранившейся в документах, реакцией на это известие была мысль о свержении Насера. 28 июля Бен-Гурион вызвал к себе начальника службы безопасности Иссера Харэля и спросил его, располагает ли он какими-либо сведениями о намерениях Аллена Даллеса, главы ЦРУ, свергнуть Насера. В течение следующих двух недель пришел уклончивый ответ, гласивший: "Они не готовы к военным действиям, ибо не знают, что решено на Лондонской конференции и хотят выслушать наши предложения".

Что же касается возможной военной акции западных держав и Израиля в ответ на национализацию Суэцкого канала, то тут Бен-Гурион был на первом этапе чрезвычайно осторожен и сдержан. 29 июля он отправился в четырехкилометровый поход по окрестностям Хайфы и долго обдумывал новую ситуацию, сложившуюся после национализации канала. "Западные правительства в гневе, — записал он в дневнике, — но Вашингтон, разумеется, сдерживает их, и они ничего не сделают. Франция не отважится действовать в одиночку, Иден не человек действия, Вашингтон увиливает от какого бы то ни было решения. Единственный конструктивный выход — превратить канал в действительно международный, то есть сделать так, чтобы лишь один его берег был египетским, а второй принадлежал другому государству. Но Запад не осмелится на такой шаг, а у Израиля не хватает людей, чтобы удержать Синайскую пустыню. Когда в Эрец был с визитом Маунтбэтэн (адмирал лорд Маунтбэтэн, командующий британским флотом в Средиземном море, посетил Израиль в мае 1952 года), он согласился со мной в том, что со стороны Великобритании было фатальной ошибкой не дать нам дойти до канала, но Иден не Маунтбэтэн, а мы, с населением в миллион шестьсот тысяч человек, не сможем удержаться на этом обширном и пустынном полуострове. Кроме того, нет сомнения, что за Насером стоит Россия".

И в беседе с Моше Даяном, состоявшейся в тот же день, Старик опять осторожничал. Даян предложил несколько альтернативных планов военного нападения. Бен-Гурион ответил ему, что Запад не поддержит таких операций, опасаясь России. Он объяснил: "Сегодня нет у нас необходимого для войны тяжелого вооружения, и потому любая война, даже если мы победим в ней, будет стоить нам многих жертв и крови, а если мы подождем до перевооружения армии французским оружием, то сумеем нанести Насеру тяжелый удар, в короткой войне добиться свержения его режима — причем гораздо менее дорогой ценой".

Согласно записям в дневнике, Бен-Гурион прибавил: "Сейчас нам надо приложить все силы к тому, чтобы как можно быстрее перевооружить армию и обучить людей. Будем пока что сидеть тихо, если со стороны Египта не будет откровенных провокаций".

На самом деле Бен-Гурион, пожалуй, стремился воспользоваться той исторической возможностью, которая начала вырисовываться на международной арене, но он не желал действовать в одиночку и опасался, что Запад откажется от любых действий. Разговаривая со своими помощниками, он старался обуздать, умерить их порывы. Однако Старик косвенно одобрял все шаги, направленные на подготовку совместного с Францией выступления. Когда 2 августа к нему явился Даян и сообщил, что "французы просят подробных сведений о наших портах и аэродромах", Бен-Гурион ответил: "Если французы заинтересованы в получении подобной информации, мы должны не только предоставить ее, но и вообще чистосердечно сотрудничать с ними, относиться к ним как к братьям". А относительно пользования израильскими портами и аэродромами на случай войны Бен-Гурион сказал: "Что ж, на войне как на войне". Даян понял эти слова в таком смысле: "Мы не упустим исторической возможности, если она представится". Бен-Гурион приказал своим помощникам запросить согласия Франции на пользование портом Джибути, "если мы прорвемся в Эйлат или будем вынуждены совершать диверсии на египетских судах в проливе". И в то же время Старик снова пытался утихомирить Даяна, предупреждая его, что "вечно колеблющийся Иден не начнет действий против Египта без поддержки США, и "мошенник Даллес, конечно, не поддержит смелую акцию против арабов и русских".

Но не желая признаться в том перед своими соратниками и продолжая выливать очередные ушаты холодной воды на их горячие головы, Бен-Гурион внутренне все более втягивался в проблему Суэцкого канала, в подготовку к надвигавшейся войне. Он заносил в дневник все поступающие к нему сообщения

о развитии событий в Лондоне, Париже и Вашингтоне, о военных приготовлениях французов и англичан.

В начале сентября французы стали всерьез обсуждать вопрос о подключении Израиля к войне примерно через неделю после ее начала. Об этом говорила телеграмма, направленная в Эрец Иосефом Нахмием после его беседы с Абель Тома и Луи Манженом, сотрудником Буржеса-Монури, Бен-Гурион велел тут же ответить, что Израиль в принципе готов к сотрудничеству с Францией. "Впервые после национализации Суэцкого канала французы заговорили о возможности участия Израиля в англо-французской операции", — записал Даян в дневнике.

18 сентября Шимон Перес вылетел в Париж. Формальной причиной его поездки была поставка оружия. По сути дела, он решил воспользоваться этим визитом, чтобы предложить французским руководителям проводить совместную антиегипетскую атаку.

В Париже Перес встречался с Буржесом-Монури. Буржес не утаил от него своих сомнений относительно готовности англичан начать военные действия против Египта. Колебания англичан подхлестывали Буржеса, он решил предложить правительству Франции альтернативный план.

Во вторник 25 сентября маленький самолет типа "Пайпер" приземлился на аэродроме Рамле. Самолет прибыл из Сде-Бокер и доставил только одного пассажира — Бен-Гуриона. На посадочной полосе его ожидали Моше Даян и Шимон Перес. Бен-Гурион легко спрыгнул с самолета и бросил Пересу: "Ну, как поживают твои французские друзья?" То, что рассказал ему Перес, Старик определил словами: "Это, быть может, и есть историческая возможность". Министр обороны, начальник генштаба и генеральный директор министерства обороны сели в машину Бен-Гуриона и отправились в Иерусалим на заседание правительства.

Суть разговора с Пересом Старик занес в дневник: "Буржес-Монури сказал, будто бы после Лондонской конференции его правительство решило, что не мо-

жет принять выработанный там план и готово действовать против Насера — при согласии англичан. Последние обуславливают свое согласие тем, что мы не нападем на Иорданию. Они хотят, чтобы в будущую субботу делегации трех стран, имеющие в своем составе хотя бы одного министра, съехались в Париж и обсудили с Ги Молле, Пино и Буржес-Монури совместное участие в операции на основе равенства”.

Для Бен-Гуриона наиболее важной была позиция Великобритании. Англия вызывала у него самые черные подозрения. Он опасался, что в случае войны Иордания вступит в нее на стороне Египта и Израиль вынужден будет дать отпор, а тогда может вмешаться Англия. Другое его опасение, не связанное непосредственно с Суэцким кризисом, вытекало из решения иракского правительства послать, с благословения Великобритании, в ближайшее время армию в Иорданию, чтобы предотвратить ее полное разложение и скатывание в пронасеровский лагерь. Бен-Гурион решительно возражал против вступления иракской армии в Иорданию. Ирак, по окончании Войны за Независимость, не подписал с Израилем даже соглашения о прекращении огня и формально находился в состоянии войны с ним. ”Если Ирак введет войска в Иорданию, — сказал Бен-Гурион во время беседы с Даяном и Пересом по дороге в Иерусалим, — Израиль не сможет молча согласиться на это и вынужден будет предпринять определенные действия на Западном берегу, чтобы установить границы, обеспечивающие обороноспособность страны”. Бен-Гурион полагал, что Англия способна гарантировать нейтралитет Иордании и предотвратить осложнения, связанные с вступлением на иорданскую территорию иракской армии.

Старик сказал Пересу: ”Представленный тобой отчет в корне меняет положение”.

По окончании заседания правительства Бен-Гурион пригласил министров от Мапай и Ахдут ха-авода на совещание у себя в канцелярии. Он рассказал о французском предложении. Некоторые из присутствующих

щих, вслед за Араном, выразили опасение, что в войну, если она вспыхнет, вступят все арабские страны и что в ней примут участие добровольцы из стран коммунистического блока. "Моя точка зрения такова, — записал Бен-Гурион, — это первый случай, когда у нас будет союзник, без которого мы сейчас были бы беспомощны. Все существующие опасения сохраняют свою силу и тогда, когда мы останемся с Насером один на один и он попытается раздавить нас. Но мы пойдем на это сотрудничество только на определенных условиях: 1) что Франция будет заранее осведомлена о нехватке у нас самолетов и танков; 2) что за Францией действительно будет стоять Великобритания и США будут в курсе дела; 3) что мы получим побережье Тиранских проливов..." Бен-Гурион прибавляет: "Впервые возник союз между нами и западными державами и мы ни в коем случае не должны отказаться от него".

Через несколько дней для переговоров с руководителями Франции в Париж выехала представительная израильская делегация. В нее входили министры Голда Меир и Моше Кармел, а также Моше Даян и Шимон Перес.

На аэродроме Вилакублей делегацию встречали заместитель начальника французского генерального штаба генерал Шаль и доверенный помощник министра обороны Буржеса-Монури, полковник Манжен. Они препроводили членов делегации в роскошный отель "Павильон Анри Четвертого" в Сен-Жермене.

Чтобы сохранить переговоры в тайне, хозяева решили организовать их на частной квартире полковника Манжена в доме № 4 по улице Бабилон. Переговоры открылись 30 сентября. Израильская делегация прибыла на место в автомобиле Иосефа Нахмияса. В квартире Манжена, расположенной на втором этаже, израильтян уже ожидали Кристиан Пино, Буржес-Монури, Абель Тома, генерал Шаль и хозяин квартиры.

Кристиан Пино открыл первую встречу обзором политического положения. Он изложил точку зрения Франции, состоящую в том, что следует начать опе-

рацию в середине октября — до президентских выборов в Соединенных Штатах. Пино полагал, что Эйзенхауэр не осмелится возражать против операции, исходя из предвыборных соображений. Французский министр иностранных дел выразил опасение, что Англия откажется от участия в операции. Пино хотел знать, готов ли Израиль, в случае отказа Англии от заключенного ранее соглашения, начать военные действия совместно с одной лишь Францией. "Эта операция, — сказал он, — может осуществляться одним из двух способов: либо Израиль воюет самостоятельно, а Франция предоставляет ему военную помощь, либо Израиль и Франция начинают атаку во взаимодействии друг с другом".

От имени Израиля Пино отвечала Голда. Она подчеркнула желание Израиля действовать совместно с Францией. Однако министр иностранных дел Израиля просила предоставить гарантии того, что Великобритания не выступит против Израиля, если вспыхнет конфликт на границе с Иорданией, кроме того, она желала знать, какова позиция СССР и США. Пино ответил, что, по мнению Франции, Советский Союз не вмешается в войну, а Соединенные Штаты будут проводить пассивную политику и "французское правительство не рекомендует обращаться к ним по этому вопросу ни от имени Франции, ни от имени Израиля".

Во второй половине дня обсуждались военные аспекты операции и вопрос о том, сможет ли Израиль выступить вместо Англии в качестве партнера Франции. По окончании беседы было решено провести дополнительную встречу с начальником французского генштаба для обсуждения оперативных вопросов.

Было также принято решение о том, что на обратном пути израильскую делегацию будут сопровождать несколько французских офицеров, которые на месте ознакомятся с состоянием Армии Оборона Израиля и качествами израильских баз.

Во время встречи с Ги Молле, состоявшейся в его канцелярии, Голда Меир подчеркнула, что правительство Израиля еще не приняло решения о проведении

операции. Однако Даян вместе с французским начальником генштаба наметили ориентировочную дату начала операции — 20 октября, исходя из того, что если Совет Безопасности закончит обсуждение вопроса о Суэцком канале 12 октября, а окончательное решение будет вынесено 15, то до 20 Израиль успеет провести мобилизацию резервистов.

В ночь с 1 на 2 октября израильская делегация вылетела обратно на родину. Вместе с израильтянами летели члены французской военно-инспекционной группы во главе с генералом Шалем и полковником Манженом.

Сразу по возвращении в Эрец Даян собрал совещание генштаба и отдал предварительный приказ о возможной операции против Насера. Предполагаемая дата начала операции — 20 октября 1956 года.

Едва успела делегация прибыть с аэродрома, как Бен-Гурион потребовал ее к себе для отчета о переговорах. Впечатление Старика не было особенно благоприятным. На следующий день он составил мнение о франко-израильской операции. "В случае, если воевать будут одни французы, мой вывод — отрицательный. Я исхожу из предположения, что англичане, если они не вступят в дело, не дадут французам действовать с Кипра".

Эти соображения, которые он намеревался изложить генералу Шалю, Старик сообщил сначала Моше Даяну и Голде Меир. Бен-Гурион собрался также написать Ги Молле и выразить свои сомнения по поводу полученного предложения. Однако начальник генштаба был против этого, он просил Бен-Гуриона ничего не говорить французам о своих возражениях. "Сейчас так легко погасить слабый огонек решимости французского правительства воевать с Насером, — сказал Даян, — но снова раздуть этот огонек уже не удастся". У Даяна создалось впечатление, что Бен-Гурион чересчур опасается египетских бомбардировок израильских территорий и он "в резких тонах" потре-

бывал от него сдержанности в предстоящих беседах с генералом Шалем. "Три месяца тому назад мы могли только мечтать о таком положении, когда Франция будет готова осуществить вместе с нами военную операцию против Египта, а теперь, когда это стало реальностью, мы готовы отступить". Даян, который гораздо больше Бен-Гуриона был уверен в военной силе Израиля, боялся, что колебания Старика могут сорвать операцию.

Вскоре после этого разговора Бен-Гурион принял в своей канцелярии полковника Манжена и генерала Шаля, поразившего его своей внешностью: "Красивый, высокий, крепкий мужчина с приятным лицом". Бен-Гурион послушался совета Даяна и не высказал своего отрицательного мнения о французско-израильском плане. Вместо этого он, по своему обыкновению, выпытывал у гостей малейшие подробности плана.

Суэцкий кризис вступил в решающую фазу. Обсуждение в Совете Безопасности кончилось, как и ожидалось, тем, что Советский Союз наложил вето на франко-британский проект резолюции об интернационализации канала. На следующий день, 14 октября генерал Шаль и министр труда Франции Альберт Газье (исполнявший обязанности Пино) вылетели в Англию для срочной встречи с Антони Иденом, которая состоялась в загородном поместье английского премьера Чекерсе. На встрече присутствовал также помощник министра иностранных дел Великобритании Антони Натинг. Главным содержанием этой беседы было предложение генерала Шаля воспользоваться "израильской зацепкой". "Я предложил идею "израильской зацепки", — рассказывал генерал Шаль, — то есть израильтяне начинают войну с Египтом, а мы являемся, чтобы разнять воюющие стороны". Иден воодушевился: "Это прекрасная мысль!" — сказал он. Шаль объяснил, что следует предоставить Израилю возможность атаковать Египет, дать ему время овладеть большей частью Синая, а тогда вмешаются Франция и Великобритания и предпишут обоим сто-

ронам отойти от канала. Немедленно вслед за этим обе великие державы под предлогом защиты канала от армий воюющих сторон возьмут зону канала под свой контроль.

Идея Шаля распалила воображение Идена. Вместе с министром иностранных дел Сэлвином Ллойдом он вылетел в Париж. 16 октября во дворце Матиньон состоялось решающее совещание глав правительств и министров иностранных дел двух держав.

Переговоры продолжались пять часов. Правительства Англии и Франции договорились воспользоваться "израильской зацепкой". При этом, чтобы рассеять опасения Израиля, англичане передали французам письменное заявление, подписанное Иденом и предназначенное для вручения израильтянам. Это заявление было составлено, исходя из предположения, что Израиль начнет войну против Египта и приблизится к Суэцкому каналу. В первом параграфе этого заявления говорилось, что Англия и Франция потребуют от обеих воюющих сторон отступить от зоны канала и, если одна из них или они обе откажутся — британско-французские силы вмешаются в конфликт, чтобы гарантировать бесперебойную работу канала... Второй параграф гласил: "Англия не придет на помощь Египту, если вспыхнет война между ним и Израилем, но это обязательство не распространяется на Иорданию, с которой Англия связана оборонительным союзом, остающимся в силе". Англичане не возражали против того, чтобы в ближайшие дни Франция провела переговоры с Израилем, и после долгих колебаний выразили согласие послать своего ответственного представителя на франко-израильские переговоры в Париже.

Первая телеграмма о содержании этих переговоров была получена Бен-Гурионом 17 октября.

Он решительно отверг сделанное Израилю предложение. "Я ответил, что британское предложение не принимается нами в расчет, но если Ги Молле, зная об этом, все же полагает, что мне стоит приехать, я буду готов прибыть в Париж после воскресенья". Для себя

Старик добавил: "По-моему, замысел англичан состоит в том, чтобы ввязать нас в войну с Насером, а тем временем руками иракцев захватить Иорданию".

На следующий день, 18 октября, произошло несколько чрезвычайно важных событий. В час ночи Старика разбудил Нехемия Аргов и передал ему телеграмму Ги Молле, бывшую ответом на посланную накануне телеграмму Бен-Гуриона. "Ги Молле, несмотря на мое заявление, настаивает на встрече. В воскресенье они пришлют за мной самолет, на котором прилетит Манжен. Я велел ответить, что принимаю приглашение".

Бен-Гурион решил вылететь во Францию, намереваясь сказать твердое "Нет!" в ответ на предложение, которое неизвестно почему стали называть "британским" (в сущности, это было французское предложение, которое генерал Шаль изложил ранее Антони Идену).

В воскресенье 21 октября в Эрец приземлился личный самолет генерала де Голля, на борту которого находились Шаль и Манжен. Их встретили — впрочем, весьма сдержанно — Перес и Даян. Было ясно, что французские военные деятели были посланы, чтобы смягчить сердце Бен-Гуриона и склонить его еще до свидания с Ги Молле к согласию на британское предложение. Даян определил состоявшуюся беседу как "трудную и неприятную".

В семь часов вечера израильская делегация собралась в канцелярии министра обороны. В делегацию, кроме Бен-Гуриона, входили Даян, Перес, Нехемия Аргов и Мордехай Бар-Он. Чтобы сохранить предстоящую поездку в тайне, Бен-Гурион распространил известие о том, что он будет находиться на маневрах в Негеве и с ним нельзя будет связаться по телефону.

Старик сел в машину в хорошем настроении, но оно бесследно испарилось, когда Даян и Перес рассказали ему о своей беседе с генералом Шалем и Манженом и о том, что франко-британская позиция осталась неизменной. Рассвирепев, Бен-Гурион попросил остановить машину и повернуть в Тель-

Авив. "Чего ради отправился я в эту поездку? — записал он в дневнике. — Боюсь, что это лишь испортит наши отношения с Францией". У трапа самолета Бен-Гурион встретился с двумя французскими представителями и, сдерживая гнев, сказал им: "Если вы собираетесь предлагать нам английский план, то единственным результатом моей поездки будет наше личное знакомство с премьер-министром Франции".

Полет продолжался целых 17 часов! Наконец, самолет приземлился на мокрой полосе аэродрома Вилакублей. Бен-Гурион натянул широкополую шляпу, чтоб прикрыть свою седую гриву. Моше Даян надел темные очки. Тома встречал гостей в обстановке полнейшей секретности. Поджидавшие машины доставили израильскую делегацию на место "конференции" — прелестную виллу, увитую плющом и утопающую в зелени чудесного сада в предместье Севр, неподалеку от Парижа. Вилла эта принадлежала близким друзьям Буржеса-Монури, его товарищам по движению Сопrotивления.

О чем думал Бен-Гурион в долгие часы полета и уже по приезде в Севр, готовясь к встрече с гостеприимными французскими хозяевами? Он так и сяк крутил и вертел британский план, и находил в нем все больше недостатков. "За ночь Шаль составил несколько иной план: мы атакуем Египет ночью, а утром они (французы и англичане) начинают бомбить аэродромы. Следует свержение Насера и создание нового правительства.

Боюсь, тут много *wishtul thin king* (он принимает желаемое за действительное). С чего он взял, что Насер падет — даже если Каир будет захвачен, а его армии разбиты? Он организует партизанскую войну. Откуда следует, что Англия согласится? Почему, наконец, он решил — и это самый важный вопрос — что наш народ согласится на это? И что скажут Америка и Россия?"

Хозяева севрской виллы пригласили Бен-Гуриона и сопровождавших его лиц на настоящий французский обед. "Увы, я не мог насладиться им, — с сожа-

лением записал Старик в дневнике, — так как наелся в самолете сэндвичами”. Во время обеда на виллу прибыли Ги Молле, Кристиан Пино и Буржес-Монури. Сразу же после знакомства израильтяне и французы уселись вокруг большого стола и ”Северская конференция” началась. Первым взяв слово, Бен-Гурион резко высказался против британского предложения. ”Я предлагаю вместо этого план всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, который должен быть осуществлен не в одночасье, а после длительных всесторонних консультаций с США и Англией, план этот я сам назвал ”фантастическим”, но он вполне осуществим при условии, что у англичан найдется good will and good taith (желание и добрая воля) — в чем я, правда, сомневаюсь”.

Кристиан Пино заметил, что концепция Бен-Гуриона грешит чрезмерным максимализмом. Иордания все еще считается в Англии ”священной коровой” — и ”если мы чересчур надавим, Англия может совсем выйти из игры”. Он подчеркнул также преимущества немедленного проведения операции: Соединенные Штаты погружены в предвыборную кампанию, русские заняты внутренними проблемами восточного блока — вспышками недовольства в Польше и Венгрии. ”Даже погода требует от нас немедленного решения, — указал он. — В конце октября на Средиземном море начнутся осенние штормы, которые затруднят проведение крупномасштабных операций”.

Пино разъяснил, что Англия не сможет действовать без повода, поэтому насущно необходимо, чтобы Израиль начал войну. Вполне понятно, что он колеблется, исходя из соображений безопасности; но Франция готова дать Израилю соответствующие гарантии — для того-то Бен-Гуриона и пригласили в Париж.

Но Бен-Гурион не отступал. Он обратил внимание своих партнеров на опасность появления на Ближнем Востоке советских добровольцев, указал, что именно после выборов Эйзенхауэр, проводящий кампанию под лозунгом ”мир любой ценой”, должен почувствовать себя свободнее. Он вновь и вновь говорил о

своих опасениях, о том, что если Израиль начнет войну мир обвинит его в агрессии против Египта. Кроме того, Бен-Гуриону не давала покоя угроза бомбардировки израильских городов самолетами советского производства и он призвал присутствующих вообразить весь ужас, связанный с налетом пятидесяти египетских бомбардировщиков на мирные города. Бен-Гурион повторил свое первое предложение: отсрочка операции на более позднее время, когда будет гарантирован нейтралитет Америки и Англия решится поддержать всеобъемлющий план.

В процессе переговоров обозначился явный застой, в души израильтян и французов закралось разочарование. Тут в беседу вмешался Буржес-Монури. Он решительно заявил, что если осуществление операции не начнется в ближайшие несколько дней, Франция вынуждена будет вовсе отказаться от нее". Франция не сможет, заявил он, еще длительное время держать в состоянии боевой готовности отобюрозованные части резервистов и десятки военных кораблей. "Весьма вероятно, что месяца через три политическая и военная ситуация будет более удобной, но тогда Франция останется в стороне. Мы не в состоянии больше ждать. Начало ноября — это последний срок!" В то же время он предложил Израилю французские военные корабли и самолеты для защиты его берегов и воздушного пространства.

Таким образом, первая встреча сторон окончилась безрезультатно. Однако конференция не прекратила свою работу. Каждую минуту ожидали прибытия "ответственного представителя" английского правительства; в соответствии с его позицией и решится, быть или не быть совместной операции.

"Все гадали, кто явится: Солсбери, Батлер или Ллойд, — записал Бен-Гурион. — Оказалось — Ллойд".

Никто, похоже, не обрадовался появлению британского министра иностранных дел, когда Ллойд появился в дверях в сопровождении своего личного секретаря Логэна. У обоих англичан был растерянный

и довольно кислый вид. Вместе с Ллойдом в виллу как будто проник студеный ветер. Теплая, дружеская атмосфера франко-израильской беседы стала вдруг корректно-скованной. Встреча Бен-Гуриона с Ллойдом, весь дальнейший ход "сговора трех" врезались в память участников конференции. Двое государственных мужей обменялись хододным официальным рукопожатием. Все присутствующие ощутили их взаимную подозрительность, которую те, впрочем, и не старались скрывать. Бен-Гурион чувствовал, что Ллойд пытается вести себя по отношению к нему "как к человеку подчиненному". "Не исключено, что Сэлвин Ллойд, как правило, сердечный и приятный в обращении человек, — писал Моше Даян, — но если это и так, то на этот раз ему удалось совершенно не выказать этого. Невозможно представить себе более неприязненно-враждебного отношения к окружающим, чем отношение Ллойда нынешним вечером. Каждый его шаг выражал отвращение — к месту, к обществу, к самому существу дела, которым он вынужден заниматься".

Сначала Ллойд удалился со своими французскими коллегами в другую комнату и заслушал их сообщение о позиции Израиля. Реакция его была отрицательной. И у израильтян, и у французоз сложилось впечатление, что все рухнуло. "Бен-Гурион сказал, что ему стоит утром возвратиться в Израиль, ибо он не может согласиться на британское предложение", — вспоминал Даян, а Буржес-Монури объявил, что к концу недели французам придется начать роспуск соединений, сосредоточенных для боев за Суэцкий канал.

Но сторонники операции еще не отчаялись. "К моему великому удивлению, меня пригласили на трехстороннее совещание, которое переместилось в другую комнату", — записал Бен-Гурион. Старик перешел туда в сопровождении Даяна. Ллойд открыл дебаты изложением британской позиции. Он с апломбом заявил, что Суэцкая проблема уже практически решена в процессе его переговоров с министром иностранных дел Египта Фаузи, намекнув тем самым, что у Англии

нет никакой надобности в военных действиях, а тем более в помощи Израиля, после чего указал, что если военная операция все же имеет смысл, то из-за единственной цели — свержения Насера. Осуществлять же ее следует так, как было решено в ходе переговоров между англичанами и французами, а именно — вторжение Израиля в Синай и прорыв в зону Суэцкого канала в течение двух суток; по истечении этого срока — предъявление обеим воюющим сторонам англо-французского ультиматума об отходе от зоны канала, затем, если Египет не согласится — высадка британских и французских войск, захват зоны канала и свержение Насера.

Бен-Гурион отвечал "кратко и в твердом тоне". Он категорически отверг предложение Ллойда. Бен-Гурион вновь подчеркнул опасность египетских бомбардировок израильских городов и потребовал, чтобы уже на следующий день после израильской атаки англичане и французы начали бомбардировку аэродромов Египта.

Однако Бен-Гурион отступил от своей первоначальной позиции и согласился на то, чтобы Израиль самостоятельно начал наступление. Все, чего он хотел теперь добиться — это сокращение интервала между израильской атакой и началом англо-французских активных действий, а также обещания о бомбардировках египетских аэродромов. Его тревожила перспектива настоящей, большой войны, которая затянется надолго и вовлечет Израиль в опасное противоборство с добровольцами из советского лагеря.

На этом этапе Даян внес новое предложение, призванное сблизить позиции Израиля и его европейских партнеров и содержащее элементы, приемлемые для обеих сторон.

Начальник генштаба Армии Обороны Израиля предлагал провести вблизи зоны канала израильскую операцию ограниченного масштаба, например, высадку десанта. Израиль объявит о начале операции; правительства Великобритании и Франции немедленно

потребуют от Израиля и Египта отвести войска из зоны канала, чтобы не подвергать опасности судоходство. Египтяне не выполняют этого требования и тогда на рассвете следующего дня Франция и Великобритания начнут бомбардировку аэродромов Египта.

Бен-Гурион разрешил Даяну развить этот план. "Было решено, что операция — если она вообще состоится — будет проведена в будущий понедельник 29 октября. Операция должна начаться вечером одновременными действиями в пограничном районе и высадкой войск неподалеку от канала. Правительства Англии и Франции тут же соберутся на экстренные заседания и решат предъявить ультиматум воюющим сторонам, известят об этом друг друга, а под утро начнут бомбардировку египетских аэродромов".

Ллойд не отклонил предложения Даяна как такового, потребовав лишь, чтобы израильская операция не сводилась к малозначительной стычке, а носила характер "настоящей войны". Вместе с тем он заявил, что это совершенно новый план, осуществление которого связано для Англии с серьезными трудностями. "Я спросил: почему же мы должны брать на себя выполнение столь нелегкой для нас операции?" — записал Бен-Гурион. — Он (Ллойд) ответил, что Насер — это наш враг, отрицающий право Израиля на существование. Я сказал: "он поступал так не один год, и никто не протестовал. Ллойд признал справедливость моих опасений бомбардировки Тель-Авива, Хайфы и наших аэродромов, но не снял своих возражений против немедленной операции".

В продолжение обеда Ллойд держал себя по-прежнему весьма враждебно и настороженно. Один из участников конференции рассказывал впоследствии: "Ллойд был угнетен и рассержен тем обстоятельством, что он, министр иностранных дел Великобритании, вынужден как равный с равным обращаться с Бен-Гурионом, главой правительства Израиля. Более того, он казался униженным из-за того, что ему приходится тайно совещаться с израильтянами и даже

подготавливать вместе с ними нападение на арабов — друзей его страны”.

Около полуночи Ллойд вылетел в Лондон, чтобы ознакомить английское правительство с новыми предложениями. Простившись со своим английским коллегой, Пино сказал Бен-Гуриону, что он ”не полагается на Ллойда и завтра вечером сам вылетит в Лондон”, чтобы обсудить новый план с Ллойдом (и Иденом).

Но Бен-Гурион был настроен еще более пессимистично. ”Опасаясь, что поездка Пино будет напрасной, ибо Ллойд проведет желательное для него решение вразрез с мнением правительства Франции и нашим”.

Действительно, во всем, что касается Ллойда, Бен-Гурион оказался прав. Британский министр иностранных дел вернулся из Парижа с ощущением, что операция будет отменена, и радовался этому.

Но радость его оказалась преждевременной. Антони Иден уже был охвачен воинственным пылом и твердо решил предпринять дополнительные усилия, чтобы прийти к договоренности с Израилем.

Да и международные события укрепляли решимость Идена. На выборах, состоявшихся в Иордании, пронасеровские элементы добились несомненной победы. Новый иорданский премьер-министр Сулейман Набулси заявил о намерении расторгнуть оборонительный договор с Англией.

23 октября во второй половине дня франко-израильские переговоры возобновились — и почти сразу же зашли в тупик. Генерал Шаль нашел Маккиавеллиево решение, которое позволит французским и английским войскам немедленно вступить в войну на стороне Израиля: израильские самолеты совершают ночной налет на Беер-Шеву и бомбят ее. Египет объявляется виновником злодеяния, и англо-французские ВВС немедленно присоединяются к Израилю.

Возмущенный Бен-Гурион встал со своего места. Лицо его горело от волнения. Он попросил, чтобы ему перевели речь Шаля, слово в слово. ”Я з а я в и л

от себя лично, что как еврей никогда не смогу быть пособником в таком обмане всего мира. У нас есть много претензий к миру за прошлые гонения и резню в Европе, но мы не отчаивались, продолжали идти своим путем, создали государство и победили всех врагов, потому что верили в свою правоту. Если мы будем еще воевать — мы будем сражаться за правое дело. И я не вижу, как можно обмануть весь мир столь грубо сфабрикованным предлогом”.

Не только в дневнике, но и на заседании Бен-Гурион дал волю своему гневу. ”Лгать всему миру, чтобы сделать положение более легким и удобным для Англии? Нет! Ни за что!”

В подавленном настроении собрались члены израильской делегации на совещание, чтобы сформулировать свою окончательную позицию, которая должна была быть изложена Пино перед его отлетом в Лондон.

Это совещание было наиболее важным за все время Севрской конференции. Перес предложил послать ”пробный” корабль через Суэцкий канал; египтяне задержат судно, что и послужит поводом для военного вмешательства Израиля, а затем — Англии и Франции. Даян, напротив, вернулся к своему первоначальному предложению: сбросить с наступлением темноты батальон парашютистов в районе Митле, на расстоянии около пятидесяти километров от Суэцкого канала. Сообщение об этом будет опубликовано в тот же вечер. Ночью танковая колонна ворвется в Южный Синай и соединится с парашютистами. Через 36 часов вмешаются Англия и Франция, а тогда вступит в дело вся Армия Обороны Израиля.

Бен-Гурион никак не отозвался на предложение Даяна, но разрешил ему изложить свой план Пино. Пино тщательно записал основные положения этого плана и пообещал представить его англичанам. Даян установил также цену израильского участия в операции: согласие Франции и Англии признать по окончании военных действий право Израиля на определен-

ную часть Синая с тем, чтобы еврейское государство могло гарантировать себе свободу судоходства на подступах к Эйлату.

Вооруженный этой "верительной грамотой" Пино в тот же вечер вылетел в Лондон.

Это был странный вечер. В Лондоне Пино, надолго уединившись с Иденом, излагал ему "план Даяна". Иден согласился. "Я рассчитываю, что сумею провести это предложение", — сказал он Пино.

В Севре остался один Бен-Гурион. Для него это была решающая ночь.

"В какой-то момент кто-то должен был взять на себя решение, — писал Перес. — И вот стоит одинокий человек, перед глазами у него беспощадные стрелки часов, в его распоряжении так мало времени, тающего с молниеносной быстротой — а он должен принять однозначное решение, от короткого зависит жизнь или смерть.

Никто из нас не завидовал ему, когда он остался наедине с собою в тот вечер".

Утром в парижском отеле "Рейнолдс" зазвонил телефон. Переса и Даяна просили немедленно приехать к Бен-Гуриону.

Они застали Старика в саду и по спокойному выражению его лица поняли, что он пришел к какому-то решению. В руке у него был перечень вопросов. "Когда я пробежал глазами несколько первых пунктов, у меня камень с души свалился, — писал Даян. — Было ясно, что Бен-Гурион решил дело положительно".

Итак, Бен-Гурион вынес положительное решение. Тем утром он записал в дневнике: "Обдумал положение; мне кажется, что если мы сумеем предпринять эффективные меры по обеспечению своей безопасности на сутки-двое, пока французы и англичане начнут бомбардировки египетских аэродромов, то операцию надо проводить.

Это единственный случай, когда две больших дер-

жавы попытаются раздавить Насера и нам не придется сражаться с ним в одиночку, пока он успеет набраться сил и сплотить все арабские страны. От нас потребуются нечто вроде "вылазки", хоть на этот раз довольно серьезной. Но если дело выгорит, мы получим свободу судоходства в проливах Красного моря, так как захватим Шарм-аш-шейх и остров Тиран — исторический Иотват, а быть может, изменится и общее положение на Ближнем Востоке — согласно моему плану. Но нет уверенности в том, что Иордания, Сирия и, возможно, Ирак не попытаются напасть на нас; кто знает, не придут ли также русские "добровольцы".

После позднего обеда, на котором с французской стороны присутствовал только Буржес-Монури, к участникам конференции присоединился вернувшийся из Лондона Пино. Он был взволнован и счастлив: ему удалось добиться согласия Идена на план Даяна. На суженном заседании кабинета, состоявшемся утром, трое самых ответственных министров английского правительства — Балтер, Макмиллан и Солсбери — примкнули к Идену и, в противовес Ллойд, поддержали готовящуюся операцию. Из Лондона прибыло двое правительственных чиновников: секретарь Ллойда Логен и помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании Патрик Дин. Было решено, что они, а не министр иностранных дел Ллойд, будут представлять Англию на заключительной стадии тройственных переговоров в Париже. Три делегации собрались за круглым столом на последнее заседание.

На этом заседании Бен-Гурион потребовал признания права Израиля на постоянное владение островом Тиран. "Суэцкий канал для нас не столь уж важен, — сказал Бен-Гурион. — Наш Суэцкий канал — это Эйлатские проливы, и мы хотим захватить Эйлатское побережье вплоть до островов и сами острова".

По окончании дебатов Бен-Гурион предложил

составить протокол заседания с описанием принятого плана, который "будет подписан тремя сторонами и одобрен тремя правительствами". Это предложение было принято.

Документ был подготовлен в течение двух часов. В нем указывалось, что Армия Обороны Израиля начнет операцию во второй половине дня 29 октября высадкой десанта вблизи Суэцкого канала. Утром следующего дня правительства Франции и Великобритании направят "обращения" правительствам Израиля и Египта. От Египта потребуют немедленного прекращения огня, отвода войск на расстояние десяти миль к западу от Суэцкого канала и согласия на то, чтобы Англия и Франция временно заняли позиции вдоль канала. Целью этой оккупации будет обеспечение свободы судоходства по важнейшей водной артерии мира. Обращение к Израилю также будет содержать требование абсолютного прекращения огня и отвода израильских войск за десять миль к востоку от канала.

Правительства Англии и Франции потребуют исполнения этих требований в течение двенадцати часов, и заявят, что если одна из сторон ответит отказом, они "применят все необходимые средства для выполнения своих требований".

Правительство Израиля получит Тиранские проливы, острова Тиран и Санафир, что гарантирует ему свободу судоходства в проливах; Израиль не нападет на Иорданию в продолжение операции, но если Иордания совершит нападение на Израиль, британское правительство не придет ей на помощь.

Таковы были основные положения тройственного соглашения. Кроме того, Франция обещала поставить Израилю эскадрилью самолетов типа "Мистер" и эскадрилью истребителей-бомбардировщиков типа "Сэйбер-86". Наряду с этим в Израиль будут откомандированы французские "добровольцы" для укомплектования экипажами части новых израильских самолетов, которые не успеют освоить израильские военно-воздушные силы. В Израиль будут также

направлены военные корабли, оборудованные зенитными пушками, которые станут на якорь вблизи Хайфы и Яфо.

В семь часов вечера состоялась импровизированная церемония подписания соглашения. От имени Франции его подписал Кристиан Пино, от имени Англии — Патрик Дин, от имени Израиля — Давид Бен-Гурион.

Так закончилась Севрская конференция.

Около полуночи самолет "ДС-4" поднялся в воздух с аэродрома Вилакублей. Снова был Бен-Гурион один на один со своими думами. Когда на горизонте стала занимать заря, он записал в дневнике: "Вчера — быть может — был великий день.. Если по возвращении домой мы застанем сообщение об утверждении соглашения британским правительством, для нас начнутся грандиозные исторические события, но я очень сомневаюсь в том, что Лондон утвердит соглашение".

К полудню французский самолет, на котором летела делегация, приземлился на авиационной базе в Хащоре. Даян сразу же отправился в генштаб, чтобы заняться подготовкой к операции и мобилизации резервистов. Массовую мобилизацию решено было мотивировать угрозой столкновения с Иорданией в свете ожидавшегося вступления на ее территорию иракской дивизии и присоединения Иорданского королевства к сирийско-египетскому договору об объединении военного командования. Тем временем нарастала напряженность и в восточном блоке: в Польше усиливались беспорядки, в Венгрии вспыхнуло отчаянное восстание против коммунистического режима.

Бен-Гурион все еще не был убежден в том, что Франция и Англия выполнят севрское соглашение. Он извелся от нервного ожидания — будет ли все-таки получено официальное утверждение операции от западных правительств?"

На следующий день в пять часов утра Артур Бен-Натан вылетел из Парижа в Бизерту, а оттуда на французском военном самолете добрался до Эрец. Поздним вечером он вошел в дом Бен-Гуриона, имея при себе три письма. Одно из них представляло собой фотокопию письма Идена к Ги Молле. Несмотря на то, что в севрской конференции участвовало три страны, Иден решил совершенно игнорировать Израиль; хотя премьеру Великобритании полагалось передать своим партнерам утвержденный его правительством текст севрского соглашения, он предпочел написать простое письмо и послать его одному только Ги Молле. Однако Ги Молле не согласен был участвовать в этой двуличной игре; он велел сделать фотокопию письма Идена и направил ее Бен-Гуриону, присоединив свое личное письмо. Письмо Идена к Ги Молле гласило: "Правительство Ее Величества приняло к сведению отчет о переговорах, состоявшихся в Севре 22—24 октября. Правительство Великобритании подтверждает, что в соответствующей обстановке оно предпримет действия, предусмотренные достигнутым соглашением — согласно прилагаемому заявлению от 21 октября. Подписано: Антони Иден".

"Типичный документ британского министерства иностранных дел, который всегда допускает несколько толкований, — кипел Бен-Гурион, — в то время, как французы говорят о своих обязательствах безо всяких экивоков, не пытаясь ни убавить ни прибавить".

Не сходя с места, Бен-Гурион составил ответ: "Если достигнутое соглашение одобрено обоими вашими правительствами, можно считать, что правительство Израиля также одобряет его".

Бен-Гурион твердо решил не посвящать членов правительства во все детали соглашения с Францией и Англией, а тем более не сообщать им о своей поездке во Францию и подписанном в Севре протоколе. Он предпочитал говорить министрам, которые не были в курсе дела, что в воскресенье на рассмотрение прави-

тельства будет представлен план военной операции против Египта, которая начнется в понедельник; что, согласно достигнутому соглашению, в понедельник Франция и Англия обратятся к обеим враждующим сторонам, а во вторник утром они сами начнут военные действия против Египта. Члены правительства от Национально-религиозной партии дали согласие на проведение операции. Ранним вечером Бен-Гурион получил также согласие руководителей Прогрессивной партии и, отвечая на вопрос одного из них, на секунду приоткрыл свои сокровенные мечты. "Харари спросил, нет ли опасности нападения со стороны Иордании. Я ответил, что если она нападет — это для нас не опасность, а скорее наоборот". Смысл этих слов заключался в том, что Израилю, быть может, предоставится возможность отвоевать западный берег Иордана.

В воскресенье 28 октября незадолго до начала решающего заседания правительства, Бен-Гурион пригласил к себе представителей Мапам и изложил им план операции. Они попросили дать им время посоветоваться, а затем, вернувшись, объявили, что проголосуют против операции, но в качестве членов правительства "не будут отказываться от ответственности за нее".

В 10.30 вечера началось заседание правительства. Сначала Бен-Гурион представил министрам четко сформулированное предложение: "Назрела необходимость безотлагательно провести вылазку в Синайской пустыне и в секторе Газы с целью разгрома баз фидайиунов и захвата позиций, господствовавших над побережьем Эйлатских проливов — Шарм-аш-Шейха... Такая вылазка требует значительных сил, ибо Египет располагает большой армией, а также военными аэродромами в Синае и секторе Газы".

Когда подошел момент голосования, все подняли руки "за", как и обещали Бен-Гуриону. Только министры от Мапам проголосовали против.

Ничто уже не могло остановить операцию, подготовка к которой шла полным ходом. Было отмоби-

лизовано 90 000 резервистов; согласно севрскому соглашению, на израильских аэродромах приземлились французские боевые эскадрильи; к берегам Израиля приближались французские военные корабли "Керсэн", "Бувэ", "Сиркуф"; тяжелые самолеты "Норд-Атлас", вылетевшие с французских военных баз в Северной Африке, приземлились в Эрец после промежуточной посадки на Кипре, где они взяли на борт технический персонал и военное снаряжение.

Буквально до последней минуты сохранялась сторожайшая тайна.

Бен-Гурион выглядел спокойным и уверенным в себе. Но его страшное душевное напряжение проявилось особым образом — у Старика сильно поднялась температура. Пока он лежал дома в жару, к нему один за другим являлись лидеры всех оппозиционных партий (кроме "коммунистов"). Он всем им сообщал о планируемой операции, стремясь придать секретно принятому решению широкую парламентскую основу. Этого ему и впрямь удалось добиться. Главы оппозиционных партий отнеслись к его сообщению "с полным одобрением и поддержкой". Было нечто поистине драматическое во встрече Бен-Гуриона со своим заклятым врагом Менахемом Бегинном, когда тот, сидя у его изголовья, выслушал известие о готовящейся войне и горячо поздравил Бен-Гуриона с принятым решением.

Однако в последний момент объявился решительный противник бен-гурионовского плана, бросивший на чашу весов все свое влияние чтобы сорвать его. Это был президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр.

В тот понедельник начальник отдела по связям с США в министерстве иностранных дел Израиля доктор Яков Герцог был назначен, ввиду предстоящих событий, советником Бен-Гуриона по политическим вопросам.

Не успел Герцог приступить к выполнению своих новых обязанностей, как ему пришлось вести срочный

телефонный разговор с послом США Эдуардом Лоусоном. Только что в посольстве была получена телефонограмма президента Эйзенхауэра, и посол просил передать ее Бен-Гуриону. В восемь часов вечера посол Соединенных Штатов появился в тель-авивском доме Бен-Гуриона. Краткое послание Эйзенхауэра, помеченное грифом "секретно", начиналось с упоминания о предыдущем обмене посланиями между ними, в одном из которых Бен-Гурион выражал тревогу по поводу вступления иракской армии в Иорданию. "Я не вполне разделяю вашу позицию по этому вопросу, — писал Эйзенхауэр, — однако, насколько мне известно, вступление иракской армии в Иорданию не состоится... Я должен выразить свою искреннюю озабоченность сообщениями о крупной мобилизации с вашей стороны. Я опасаясь, что эта акция лишь увеличит напряженность, которую вы, по вашим словам, хотели бы ослабить... Я убежден, что подлинного улучшения положения на Ближнем Востоке можно добиться только путем мирных умеренных действий, поэтому я повторяю просьбу уже переданную вам при посредстве государственного секретаря Даллеса о том, чтобы со стороны вашего правительства не было предпринято никакой военной инициативы, которая поставила бы под угрозу мир и крепнущие дружественные отношения между нашими двумя странами".

Бен-Гурион прочел это послание в присутствии Лоусона и Герцога. Он пообещал в ближайшее время передать ответное послание для президента Эйзенхауэра. Лоусон попытался разузнать о намерениях Бен-Гуриона, задав ему коварный вопрос: "Следует ли эвакуировать американских граждан из Израиля?" Старик ответил, что не может выразить никакого мнения по этому поводу.

Затем Бен-Гурион, у которого была высокая температура, вернулся в постель. Он попросил Герцога подготовить черновик ответного послания Эйзенхауэру, подчеркнув, что в нем не должно содержаться никаких обязательств воздерживаться от военных действий.

Американцы все еще не подозревали, что Израиль собирается действовать на юге, и обращали свои взоры к восточной границе. В тот день Абба Эвен, находившийся в Вашингтоне, был приглашен в государственный департамент, где в кабинете Джона Фостера Даллеса обнаружил гигантскую карту Израиля и Иордании. Американцы были уверены, что Израиль намеревается атаковать Хусейна.

Ссылка на обращение Эйзенхауэра к Франции и Англии доказывала, до какой степени ошибочной была оценка ситуации, сделанная президентом США.

29 октября незадолго до полудня Герцог пришел к Бен-Гуриону домой. Составленное им ответное послание клеймило "экспансионистскую политику" полковника Насера, приведшую к беспрецедентному усилению напряженности в регионе. В послании указывалось на массированное оснащение Египта советским оружием, угрозы Насера уничтожить Израиль, диверсии фидайунов, закрытие Суэцкого канала и Эйлатских проливов. Учреждение совместного египетско-сирийско-иорданского командования именовалось в этом письме "созданием стального кольца вокруг границ Израиля".

Наиболее важной была заключительная часть послания. "Ввиду размещения значительного количества иракских войск вдоль иракско-иорданской границы, ввиду учреждения совместного военного командования Египта, Сирии и Иордании, в свете растущего египетского влияния в Иордании и в связи с возобновившимися диверсиями египетских банд на территории Израиля, наше правительство не выполнило бы своего священного долга, если бы не приняло всех необходимых мер для того, чтобы не допустить уничтожения Израиля, которое арабы во всеуслышание объявили своей общей целью".

В этом послании не заключалось никаких обязательств воздерживаться от войны. Более того, опытный международный наблюдатель сразу понял бы, что оно предвещает близкую войну.

И действительно, в 16.59 из самолета "Дакота", находившегося над восточными подступами к перевалу Митле, на расстоянии нескольких десятков километров от Суэцкого канала, спрыгнул с парашютом майор Рафаэль Эйтан (Рафуль). За ним из других "Дакот" и "Нордов" выпрыгнуло еще 394 парашютиста. Чтобы ускользнуть от египетских радаров, десантная эскадрилья летела очень низко, почти касаясь вершин Синайских гор.

Синайская кампания началась.

23. ТРЕТЬЕ ЦАРСТВО ИЗРАИЛЬСКОЕ

”Я не знаю, какова будет судьба Синай. Мы заинтересованы прежде всего в побережье Эйлата и проливах. Могу себе представить, что найдутся такие силы, которые заставят нас отступить. Есть Америка, есть Россия, есть ООН, есть Неру, есть Азия с Африкой — и больше всех я опасаясь Америки. Америка вынудит нас уйти, ей не надо посылать армию, ей достаточно сказать, что она прерывает дипломатические отношения, прекращает деятельность Магбита*, приостанавливает ссуды и тому подобное... Не поручусь, что мы сможем навек удержать эти два острова, но шанс есть”.

Так говорил Бен-Гурион на заседании правительства 29 октября 1956 года. Тот, кто не был близко знаком с Бен-Гурионом, мог бы, пожалуй, и вправду поверить, что он не заглядывается на новые территории. На самом деле все обстояло как раз наоборот. Бен-Гурион, как обычно, скрывал свои мечты под личиной сомнений и пессимизма. Старик горел желанием захватить Синай и удержаться там. Но он был уже опытным политиком и потому никому не открывал своих истинных намерений, оставляя себе возможность отступления на случай, если вынужден будет подчиниться давлению извне. Он снова и снова расспрашивал Даяна о точном сроке высадки десанта. А тем временем танковая колонна уже прорвалась через египетскую границу и продвигалась в направлении Митле, на со-

* Магбит — ”Объединенный Еврейский призыв” — фонд сбора средств от частных жертвователей в США.

единение с парашютистами. Другая колонна пересекла границу в районе Кусейма. Соппротивление египтян на обоих участках было слабым, и израильские колонны глубоко врезались в территорию Синайского полуострова.

Было 30 октября — день, который вызывал у Бен-Гуриона наибольшую тревогу. Согласно плану, Израилю предстояло на протяжении всего этого дня одному нести всю тяжесть войны. Кроме того, ему угрожали египетские бомбардировки с воздуха. Но вскоре стало очевидно, что египетские военно-воздушные силы — это всего лишь "бумажный тигр"; не считая одного-единственного самолета Ил, проникшего ночью в израильское воздушное пространство, летчики Насера остерегались даже приближаться к границам Израиля.

В своем тель-авивском доме Бен-Гурион нетерпеливо ждал сообщения о предъявлении англо-французского ультиматума. Ультиматум задержался на несколько часов, и Старик страшно тревожился. "Лежа в постели, я все время поддерживал связь, с одной стороны, с генштабом, с другой — с министерством иностранных дел; я вовсе не был уверен, что Иден выполнит свои обязательства по договору".

Ночью ответные ноты Израиля и Египта были переданы правительствам Англии и Франции. Израиль принял ультиматум, Египет отверг его. Франция и Великобритания заявили, что в ближайшее время они откроют военные действия.

Весь день 3 октября прошел в нервном ожидании включения в операцию французов и англичан. К вечеру напряженность Бен-Гуриона достигла предела — бомбардировки египетских аэродромов не начинались. Срочный телефонный звонок Дана Толковского, общившего, о том, что по сведениям из достоверных источников, египтяне собираются бомбить Тель-Авив, только подлил масла в огонь. Толковский просил разрешения немедленно бомбить аэродром Каир-западный. Бен-Гурион ответил категорическим отказом. "Нет, — сказал он, — покуда египтяне не станут бом-

бить наших густонаселенных районов или аэродромов в нашем тылу, мы этого тоже делать не будем". Он предпочитал выждать еще несколько часов, пока к бомбардировкам приступят англичане и французы. Наконец, после изматывающего ожидания, пришло сообщение о начале англо-французских бомбардировок. Бен-Гурион вздохнул с облегчением. "Хотя (Иден) и проволынился лишних двенадцать часов, а я терзался тревогой, что египтяне начнут бомбить Тель-Авив или аэродромы — союзники все же выполнили свои главные обязательства".

Бен-Гурион не остановил наступления Цахала. В Совете Безопасности Великобритания и Франция наложили вето на проект резолюции, внесенный США и СССР, и требовавший немедленного прекращения огня и отхода Израиля к своим границам. Президент Эйзенхауэр усилил давление. Он лично позвонил Аббе Хиллелу Силверу и подчеркнул, что он "заинтересован в немедленном налаживании отношений с Израилем и если услышит о намерении Израиля отойти к границе, то сегодня же вечером выступит по радио с дружеским заявлением в адрес Израиля".

"Эйзенхауэр не отстанет от нас, — записал Бен-Гурион. — Два раздраженных послания до начала операции (по поводу мобилизации) и два после открытия военных действий, но до того, как я успел разъяснить наши мотивы, ему уже стало известно, что англичане и французы тоже вступили в войну, а потому его обращение к народу вечером 31 октября носило уже более умеренный характер в том, что касалось нас".

31 октября был день, решивший исход Синайской операции. Война бушевала на всем пространстве полуострова. В сражениях участвовали десятки тысяч солдат и тысячи транспортных средств. Армия Обороны Израиля продолжала быстро продвигаться вперед. На перевале Митле разгорелся кровопролитный бой между парашютистами и египетскими частями, заманившими их в смертельную ловушку. Напротив Хайф-

ского порта два эсминец израильского ВМФ захватили египетский эсминец "Ибрагим аль-Ауал", который под покровом ночи приблизился к Хайфе и собирался обстрелять с моря порт и нефтеперерабатывающие заводы. В 19.00 британская авиация начала бомбардировку египетских аэродромов. Это была "джентльменская война". Британское командование не забывало заранее с помощью Кипрского радио оповестить работников аэродромов о том, что им следует спрятаться в надежные бомбоубежища. Этим предупреждением пользовались и египетские летчики, переводившие свои самолеты на аэродромы южного Египта или других арабских стран. Египетские танковые части перекочевали в города, разместившись на перекрестках улиц, на пустырях, в тени парков. Результаты бомбардировок были до смешного ничтожными.

Но то, чего желал в данный момент Израиль, все же происходило. Давление, которое оказывали на него Соединенные Штаты, уменьшилось и почти сошло на нет. Прожектор общественного мнения обратился в сторону Франции и Англии. Эйзенхауэр оставил в покое сионистских деятелей Америки. Мишенью для его гневных стрел стали французы и англичане, и в первую очередь Антони Иден. "Бомбы, Боже всемогущий, — воскликнул американский президент, услышав о британских бомбардировках Египта. — Что за бес вселился в Антони? Так мне удружить!"

Когда провалилась попытка достигнуть прекращения огня с помощью Совета Безопасности, Югославия внесла предложение об экстренном созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи. Через 24 часа Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о прекращении огня и отводе израильских войск; лишь пять государств проголосовали против: Великобритания, Франция, Израиль, Австралия и Новая Зеландия.

Решение Генеральной Ассамблеи привело руководителей Израиля в состояние лихорадочной торопливости. Полагая, что с ООН можно будет торговаться

еще 48 часов, они решили завершить захват Синая и, особенно, Шарм-аш-Шейха, за последующие двое суток. Даян подгонял командиров Цахала; 1 ноября была взята Бир-Гафгафа и опорные пункты египтян в районе Рафияха; 2 ноября пали Газа и Эль-Ариш. На следующий день Цахал захватил Дахав и Рас-Нацраки на побережье Красного моря. 3 ноября почти вся территория Синайского полуострова была в руках Армии Обороны Израиля.

5 ноября Цахал полностью завершил захват Синая, овладев Шарм-аш-Шейхом и островами Тиран и Санафир. В этот день началось, наконец, вторжение в Египет французских и английских войск. Их парашютисты высадились в Порт-Саиде и, взяв город, начали медленно продвигаться на юг вдоль канала.

Однако в тот день произошло еще более важное событие — в конфликт вмешался Советский Союз.

4 ноября советским войскам удалось, наконец, подавить восстание в Венгрии. Теперь, развязавшись с Восточной Европой, СССР мог заняться Ближним Востоком.

5 ноября председатель Совета министров СССР маршал Булганин направил резкие ноты правительствам Англии, Франции и Израиля. В нотах английскому и французскому правительствам их действия были квалифицированы как агрессия.

В ноте содержалась завуалированная угроза применения против Франции и Англии ракет с ядерными боеголовками.

В кулуарах Организации Объединенных Наций, точно лесной пожар, разнеслись сообщения об угрозе третьей мировой войны. Заметно усилилось давление на Великобританию и Францию с целью заставить их немедленно прекратить операцию. Одновременно с давлением ООН возрастал и американский нажим. На следующий день в США должны были состояться выборы. Эйзенхауэр беспрерывно звонил Антони Идену, требуя прекращения войны. Иден, больной, охваченный нервной депрессией, не знал, как отвечать на этот

нарастающий натиск. Соединенные Штаты оказывали на Англию также мощное финансовое давление с помощью механизма валютного рынка, фунт стерлингов оказался на грани краха.

В отличие от посланий, направленных главам правительств Франции и Великобритании, тон советской ноты израильскому правительству был откровенно грубым.

”Правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой своего собственного народа. Оно сеет в народах Ближнего Востока такую ненависть к Израилю, которая, несомненно, наложит отпечаток на будущее Израиля и поставит под вопрос самое существование Израиля как государства.

Будучи кровно заинтересовано в поддержании всеобщего мира и обеспечении мира на Ближнем Востоке, советское правительство принимает в настоящий момент меры в целях прекращения войны и обуздания агрессоров”.

Ответом Бен-Гуриона на советскую ноту и сопровождавшие ее угрозы была демонстрация хладнокровия и выдержки.

Но на самом деле тревога Бен-Гуриона была куда глубже, чем казалось со стороны. ”Послание, которым почтил меня Булганин, — записал Старик в дневнике, — не будь оно подписано его именем, можно было бы принять за гитлеровское. Да и не велика разница между этими палачами. Меня беспокоит тот факт, что в Сирию устремился поток советского оружия и, надо думать, оружие не обходится без ”добровольцев”.

Между тем народ Израиля ликовал. Синайская кампания завершилась убедительной победой. Блокада Шарм-аш-Шейха была ликвидирована, тяжелые египетские пушки, нацеленные на проходящие по Эйлатскому проливу суда — взорваны. Для 6000 египетских военнопленных пришлось устраивать импровизированные лагеря; в плен к египтянам попало четверо израильских солдат. Потери Цахала были относительно невелики — 172 человека. С египетской стороны потери

составляли от 1000 до 3000 человек.

Бен-Гурион разделял всеобщую радость. "Сперва все это казалось мне иллюзией, потом сказкой, а под конец — цепью чудес" — записал он.

В тот день мощное международное давление принесло свои плоды — Великобритания и Франция капитулировали. Во второй половине дня Иден по телефону сообщил Ги Молле о своем намерении прекратить огонь. Правительство Франции также решило не участвовать далее в операции. В полночь военные действия были прекращены. Зона канала не была захвачена, и вся англо-французская операция закончилась позорным провалом.

Наступило 7 ноября — большой день в жизни Бен-Гуриона. Он на миг перестал быть сдержанным трезвым политиком, перестал прислушиваться к советам помощников. 7 ноября в 11 часов утра на трибуну Кнесета поднялся Бен-Гурион — завоеватель, Бен-Гурион — победитель. Он был бледнее обычного и еще очень слаб, не успев оправиться от болезни, приковывавшей его к постели на протяжении всех дней боев. Но Бен-Гурион не мог отказаться от триумфального выступления перед Кнесетом, от обзора событий "величайшей битвы в истории нашего народа".

Зал заседаний Кнесета был полон до отказа. На галерее разместились президент государства с супругой, начальник генштаба, руководящие работники правительственного аппарата, лидеры различных партий и Еврейского Агентства.

"В наши дни еврейский народ стоял у горы Синайской, но на этот раз он принес оттуда не откровения Торы, а военную победу, добытую беспримерным героизмом, — начал Бен-Гурион свою речь. — Это была самая славная и блестящая победа за всю историю нашего народа, одна из самых больших побед в мировой истории".

В этой речи Бен-Гуриона нашла косвенное выражение мечта о присоединении Синая к Израилю. Он сказал: "Наша армия не нанесла удара по территории

Египта... наши военные действия ограничивались исключительно территорией Синайского полуострова". Иными словами, Синай не является частью Египта, Армия Обороны Израиля не захватила чужих земель.

Если оставить в стороне патетику и пышную библейскую образность этой речи, становится ясно, что она концентрировалась вокруг семи центральных положений:

- 1) Соглашение о перемирии с Египтом похоронено, к нему нет возврата.
- 2) Вместе с этим соглашением канули в Лету и демаркационные линии между нами и Египтом.
- 3) Никакого конфликта между народами Израиля и Египта не существует. (В разжигании вражды между соседними народами повинны король Фарук и диктатор Насер, то есть желательны изменение правления в Египте как средство достижения мира.)
- 4) Мы не желаем увековечивать анархию, господствующую в наших отношениях с Египтом и готовы на переговоры о заключении прочного мира.
- 5) Мы готовы к таким переговорам с каждой из десяти арабских стран.
- 6) Израиль ни при каких условиях не согласится на то, чтобы иностранные силы, как бы они не именовались, взяли под свой контроль территорию Израиля или какую бы то ни было часть удерживаемых им областей.
- 7) Израиль не будет воевать ни с одной арабской страной, в том числе с Египтом, если не подвергнется их нападению.

По окончании речи Бен-Гуриона Менахем Бегин поднялся с места и, обращаясь к скамьям правительства, крикнул "Браво!" Все фракции Кнесета, кроме коммунистов, выразили одобрение предложениям Бен-Гуриона, собравшим подавляющее большинство — 88 голосов против 3.

Но еще более, чем речь Бен-Гуриона в Кнесете, врезалась всем в память одна фраза из его обращения к участникам парада победы, устроенного в Шарм-аш-Шейхе:

"Йотват — остров Тиран снова будет частью третьего царства Израильского!" — с пафосом воскликнул Бен-

Гурион. Увы! "Третьему царству" суждено было просуществовать лишь один день.

Уже завтра образное выражение Бен-Гуриона было навсегда похоронено. Оно больше не появлялось ни в его переписке, ни в воспоминаниях. После волшебного сна Израиль проснулся в обстановке безотрадной и угрожающей действительности, в которой вчерашние фанфары победы казались голосом из иного мира.

Горькое похмелье началось с первых откликов на речь Бен-Гуриона в Кнесете. Все они были крайне отрицательными и раздраженными.

Генеральная Ассамблея 65 голосами против одного — израильского — постановила, что Израиль должен уйти из Синая безо всяких предварительных условий. Решение ООН стало известно Бен-Гуриону утром 8 ноября, но не слишком обеспокоило его.

Однако два важнейших события заставили его пересмотреть свои расчеты — в дело энергично вмешались США и СССР. Сначала Бен-Гуриону передали срочное послание президента Эйзенхауэра. Накануне он был подавляющим большинством переизбран на второй срок и теперь мог свободно применять самые сильнодействующие средства. Это было самое резкое из всех дотоле полученных от президента Соединенных Штатов посланий. "Из кругов, близких к вашему правительству, до моего сведения дошли сообщения о том, что Израиль не собирается отступить с египетской территории", — писал Эйзенхауэр.

"Должен откровенно заявить вам, г-н премьер-министр, что Соединенные Штаты Америки относятся к этим сообщениям — в случае, если они истинны — с глубокой тревогой. Любое подобное решение со стороны правительства Израиля неизбежно подорвет экстренные усилия ООН по восстановлению мира на Ближнем Востоке и приведет к осуждению Израиля за нарушение основных принципов ООН... Обращаюсь к вам с призывом выполнить резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и не-

медленно сообщить мне о принятом вами решении. Для всех моих соотечественников будет чрезвычайно прискорбно, если в столь серьезном вопросе, касающемся всего мира, государство Израиль каким бы то ни было образом нарушит отношения дружбы и сотрудничества, существующие между нашими двумя странами”.

Послание президента США сопровождалось демонстрацией силы. Заместитель государственного секретаря Герберт Гувер, передавая его представителю Израйля в Вашингтоне Реувену Шилоаху, открыто сказал ему, чтобы Израиль не прибегал больше ни к каким словесным уверткам. Гувер утверждал, что Израиль ставит под угрозу всеобщий мир. ”Это самая серьезная ситуация из всех, в которых оказывался свободный мир, причем не только по отношению к будущему Ближнего Востока, но и всего человечества. Нам ясно, что Советы используют эту ситуацию в своих, чреватых катастрофой, целях. Если же катастрофа разразится, одним из первых будет уничтожен Израиль”. Гувер перечислил меры, грозящие Израйлю в случае его отказа отвести войска: прекращение всякой государственной и частной помощи Израйлю из США (включая поступления от Магбита); наложение санкций ООН и вероятное исключение из нее.

Американцы недвусмысленно заявили, что не вступят за Израиль, если он подвергнется нападению советских ”добровольцев”.

Эвен поспешно позвонил Герцогу и сообщил ему об американских угрозах.

Бен-Гурион записал в дневнике: ”Позвонил перепуганный Эвен. Телеграммы его тоже сеют ужас. Гувер предупредил Шилоаха, что американцы разорвут с нами все отношения, прекратят любую помощь и, быть может, выгонят нас из ООН. Видно, на них напал страх перед Россией. Поступают сообщения, что в Сирию рекой течет оружие вместе с ”добровольцами”.

Весь мир был охвачен тревогой, что Россия вмешается в конфликт. Одно за другим прибывали угро-

жающие известия: советская эскадра из пяти военных кораблей запросила разрешения пройти через Дарданеллы в Средиземное море; сообщалось, будто бы шесть советских подводных лодок появились в александрийском порту; согласно отчетам НАТО, над Турцией участились полеты реактивных самолетов в направлении Сирии; над сирийской территорией был сбит британский самолет "Канберра" — это вызывало предположение, что советские специалисты уже руководят системой ПВО Сирии; из французской секретной службы просочилась крайне настораживающая информация о том, что Советский Союз намеревается в течение 24 часов стереть Израиль с лица земли массированным воздушным налетом.

Бен-Гурион тоже поддался общей панике, хоть и не выказывал этого. "Это был кошмарный день, — записал он в дневнике. — Из Рима, Парижа и Вашингтона наперебой поступают сообщения о потоке советских самолетов и "добровольцев" в Сирию, об обещании разбомбить Израиль — аэродромы, города и тому подобное, если сирийцы и иорданцы отважатся на войну с нами... Все эти сообщения, наверное, сильно преувеличены, но письмо Булганина ко мне — письмо, которое было впору написать Гитлеру — бесчинства советских танков в Венгрии показывают, на что способны эти нацисты от коммунизма".

Весь этот кошмар был лишь плодом разгоряченного воображения. 6 и 7 ноября Советский Союз провел блестящую психологическую атаку. Наводящие ужас сообщения были все до одного ложными: советские эскадрильи не пролетали над Турцией и не приземлялись в Сирии; русские подлодки не всплывали в александрийском порту; сирийцы, а не русские, сбили британскую "Канберру"; слухи о намерении Советского Союза вмешаться в конфликт, о плане уничтожения Израиля в течение считанных часов, о потоке советских добровольцев — все это было частью прекрасно продуманной операции по дезинформации противника. В своих мемуарах Хрущев хвастал тем, как

его помощники распространяли сведения о посылке советских добровольцев на Ближний Восток.

Однако в тот "кошмарный день", 8 ноября, этого никто не знал. Внезапно перед глазами израильских руководителей померк свет. Страна стояла перед катастрофой, мир оказался на грани ядерной войны. Франция, Англия и Израиль начали войну, уверенные, что западная сверхдержава, США, защитит их от любой попытки советского вмешательства; оказалось, что это исходное предположение было неверным. Разгневанный Эйзенхауэр лишил союзников американской защиты. Израиль остался в абсолютном одиночестве.

Придя в канцелярию Бен-Гуриона, Даян застал его "страшно бледным"; он метался как раненый лев".

Утром и вечером состоялись заседания правительства. Теперь Ахдут ха-авода требовала: не отступать! Члены правительства от Мапам, бывшие в прошлом противниками проведения операции, переменяли курс и стали яростно выступать против ухода из сектора Газы. Но жребий уже был брошен — Бен-Гурион решил согласиться на американские требования. Хотя русские угрозы и привели Старика в ужас, но покориться его заставили именно американцы. В тот день Бен-Гурион составил два послания — руководителям США и СССР. Булганину он направил холодное и гордое письмо, где не связывал себя никакими обязательствами об отступлении.

"Должен выразить свое крайнее изумление и сожаление по поводу угроз в адрес Израиля, содержащихся в вашей ноте. Наша внешняя политика продиктована жизненными интересами Израиля, а также стремлением к миру — и никакое давление извне не определяет и не будет определять ее".

В письме к Эйзенхауэру Бен-Гурион заявил о готовности отступить. Но и тут он еще пробовал бороться, отчаянно пытаясь в последний момент выговорить определенные преимущества для Израиля. Он еще не отказался от притязаний на проливы, а может быть, и на сектор Газы; он стремился также заручиться гарантиями ООН о том, что на позиции, остав-

ляемые Цахалом, вступят международные силы, а не египетская армия; от Соединенных Штатов Бен-Гурион хотел добиться обещания, что они будут способствовать достижению окончательного мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Бен-Гурион и Герцог тут же сформулировали ключевое положение: "Мы охотно отведем свои войска, как только будет достигнута соответствующая договоренность с Организацией Объединенных Наций о введении международных сил в зону Суэцкого канала". Бен-Гурион утверждал также, что ни он, "ни любой другой авторитетный представитель израильского правительства никогда не заявлял, будто бы мы намерены аннексировать Синайскую пустыню".

Послания Эйзенхауэру и Булганину были отправлены. Тем временем израильтяне не отходили от радиоприемников, ожидая объявленного обращения Давида Бен-Гуриона к народу. Все понимали, что происходят события исторической важности, и напряженно ждали выступления, которое началось почти на час позже срока. Наконец из приемников послышался голос Бен-Гуриона; Старик говорил сдержанно, в тоне его чувствовалась усталость, многие различали нотки разочарования и боли. Бен-Гурион зачитал послания Булганина и Эйзенхауэра и свои ответы на них. Из ответа Эйзенхауэру люди поняли: Цахал уходит из Синай. В конце своей речи Бен-Гурион обратился к солдатам: "Нет в мире такой силы, которая могла бы стереть результаты вашей великой победы... Израиль после "Синайской операции" уже не будет тем, каков он был до нее".

В час ночи Старик вернулся домой в полном изнеможении. Долго лежал он, не смыкая глаз. Обращаясь к народу, он пытался поднять людям настроение. Но кто же ободрит его самого?

На следующий день Бен-Гурион получил признательную телеграмму от Эйзенхауэра, поздравлявшего его с решением отступить. Бен-Гурион с горечью записал: "Эх, кабы я мог послать ему телеграмму с

изъявлением благодарности за его поведение в этом кризисе”.

А как же заявление насчет ”третьего царства Израильского”?

Десять лет спустя Бен-Гурион с редкой для него откровенностью признавался интервьюировавшему его исследователю: ”Видите ли, тогдашняя победа пришла слишком быстро. Я был слишком опьянен ею”.

Весь мир неотступно следил за Израилем, ожидая, когда он исполнит данное им обещание и начнет отводить войска с захваченных в ходе войны территорий. А Бен-Гурион избрал тактику проволочек. Он надеялся, что когда развеется наваждение русских угроз, народы мира и органы ООН найдут более сбалансированный подход к проблемам Ближнего Востока; оттяжка позволит также развернуть разъяснительную работу в США и привлечь американскую общественность на сторону Израиля.

Вторая цель бен-гурионовской тактики проволочек состояла в том, чтобы как можно выгоднее для Израиля разыграть синайскую карту, то есть, чтобы Израиль мог добиться каких-то реальных политических успехов в обмен на возвращение территорий, находившихся в его руках. Но была у Старика еще одна, тайная цель, которую он не открывал никому, кроме ближайших друзей. В беседе с Даяном Старик сказал: ”Хоть этого и нельзя знать заранее, мне все же кажется, что нам не придется отступить с Эйлатских проливов и из Газы”. Бен-Гурион надеялся, что когда минует угроза тотальной войны, ООН смирится с закреплением Израиля в Газе и на проливах.

Бен-Гуриону не удалось добиться всех поставленных целей. Он ошибался, полагая, что со временем нажим на Израиль ослабнет и Цахал сможет удержать часть захваченных территорий.

Даг Хаммаршелд не отставал, он снова и снова требовал полного вывода израильских вооруженных сил, снова и снова по его инициативе Генеральная Ассамблея ООН принимала резолюции о немедленном

отводе войск из Синая. Бен-Гурион в дневнике и письмах на все лады склонял Хаммаршелда, называл его врагом и ненавистником еврейского государства. Однако истинным противником Бен-Гуриона на политической арене был не генеральный секретарь ООН, а президент США Дуайт Эйзенхауэр. За короткий срок политическая борьба двух стран превратилась в дуэль между президентом США и премьер-министром Израиля.

Поведение американского президента во время Суэцкого кризиса и после него вызвало у Бен-Гуриона глубокое разочарование. Он знал Эйзенхауэра — верховного главнокомандующего армией союзников в Европе, проявлявшего горячую заботу о еврейских беженцах, сосредоточенных по окончании Второй мировой войны в немецких лагерях. В памяти Бен-Гуриона Эйзенхауэр запечатлелся любезным, гуманным и порядочным человеком. Он не считал Эйзенхауэра крупным политиком, но мысленно относился к нему как к другу, чувствующему душу еврейского народа, понимающему его проблемы. Только в период Синайской кампании начал Бен-Гурион исцеляться от своих иллюзий. Когда Даллес попал в больницу (ему удаляли раковую опухоль), Эйзенхауэр стал на некоторое время государственным секретарем собственной администрации. По совету Генри Кэбота Лоджа и Герберта Гувера он повел бескомпромиссную по отношению к Израилю политику.

Да и на международной арене положение еврейского государства было поистине плачевным. Шесть раз в продолжение Синайского кризиса требовала Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, чтобы израильская армия ушла из Синая. Над головой Израиля навис дамоклов меч, то бишь санкции ООН, которые Генеральная Ассамблея грозила применить, если Израиль будет и впредь удерживать захваченные земли. Эйзенхауэр лично присоединился к этой угрозе. Бен-Гурион, желая узнать, каковы будут последствия этих санкций для страны, пригласил

к себе министра финансов Леви Эшкола. Эшкол утверждал, что страна располагает запасами продуктов питания и горючего, которые позволят ей продержаться в течение пяти месяцев.

У Израиля остался единственный друг, на помощь которого он еще мог рассчитывать в те тяжкие дни — Франция. Она, действительно, много сделала для еврейского государства. А главное, внешняя опасность способствовала небывалому сплочению граждан Израиля вокруг правительства. Дух народа, его решимость выстоять были непоколебимы, политика Бен-Гуриона пользовалась широчайшей поддержкой. Он сам это чувствовал. "Народ теперь сплочен как никогда раньше. Уныние, воцарившееся в первую минуту после моего выступления по радио, рассеялось без следа. В народе крепнет сознание того, что наша политика была разумной и отвечающей жизненным интересам государства". Так было на всем протяжении борьбы. И в начале февраля, когда Бен-Гурион выдерживал мощный натиск США, народ оставался верен своему вождю. "Похоже, что мы являемся свидетелями грандиозного зрелища под названием "Бен-Гурион против всего мира," — с изумлением записал Даян, — но нет никаких сомнений, что Кнесет и, по существу, весь народ поддерживают его".

Тактика Бен-Гуриона была такова: осуществлять поэтапный отход с занимаемых военных и политических позиций, пытаясь добиться максимальных результатов за каждую уступку Израиля.

15 ноября Израиль объявил, что начал вывод войск; однако лишь 3 декабря он отвел свои войска на 30 миль от Суэцкого канала. Сперва Бен-Гурион хотел было ограничиться этим на неопределенный период времени. Однако неделю спустя Франция и Англия заявили в ООН, что до 18 декабря они выводят все свои войска из зоны канала. Нажим на Израиль усилился, и Бен-Гурион обязался провести поэтапное отступление — на 25 км еженедельно. Одновременно Цахал сделал все возможное, чтобы замедлить процесс продвижения сил ООН и оттянуть вступление

египетской армии. Израильские солдаты перепахали синайские дороги, снесли телеграфные столбы, разобрали железнодорожные пути. Не прекращая жестоких перепалок с генеральным секретарем Организации Объединенных Наций и правительством США, Израиль отступил до Эль-Ариша; давление извне возрастало, и в середине января 1957 года израильские войска отошли на "последний рубеж" — границу подмандатной Палестины (включавшей сектор Газы) и Шарм-аш-Шейх.

В течение января позиция Эйзенхауэра еще более ужесточилась. В начале февраля он лично взялся за урегулирование Суэцкого кризиса. Послание президента США, переданное Бен-Гуриону 3 февраля американским послом Лоусоном, было исключительно резким, оно вызвало открытый личный конфликт двух государственных деятелей. "Я искренне надеюсь, что отступление (из сектора Газы и с проливов) будет завершено без новых проволочек, — писал Эйзенхауэр. — Если же правительство Израиля и далее будет игнорировать приговор международного суда, выраженный в решениях ООН, это почти наверняка повлечет за собой новые меры со стороны Объединенных Наций, которые нанесут серьезный ущерб отношениям Израиля с государствами-членами ООН, в том числе с Соединенными Штатами Америки". Это была неприкрытая угроза применения санкций.

Взбешенный Бен-Гурион предложил правительству отклонить требование Эйзенхауэра. Правительство поддержало его, и Бен-Гурион составил ответное послание президенту США:

"Разве согласно Декларации ООН не имеем мы права жить в безопасности, не подвергаясь нападению извне, как любая иная нация? Позвольте же мне, г-н президент, почтительно спросить вас, почему до сих пор ни правительство США, ни правительства других стран, поддержавших на Генеральной Ассамблее ООН предложения США, не сделали ничего реального для того, чтобы обеспечить нашу безопасность? Разве нет

у граждан Израиля права жить спокойно, не боясь убийств, которые сеют террористические банды, организованные Египтом, являющимся членом ООН? Разе нет у израильских судов права пользоваться международными водными путями наряду с кораблями всех других государств мира?

В своем послании вы намекаете на возможность того, что ООН применит "меры" против Израиля, если он не выполнит полностью резолюцию Генеральной Ассамблеи. Эти "меры" ни разу не применялись против Египта, который в течение многих лет нарушал решения Совета Безопасности и некоторые пункты Декларации ООН и продолжает нарушать их по сей день... Можно ли примириться с мыслью, что США — страна свободы, равенства и прав человека — поддержит подобную дискриминацию и ООН применит свои "меры", чтобы принудить нас вернуться к прежнему положению — к убийствам и блокаде?

Неужели теперь, восстановив нашу государственность на земле предков, мы подчинимся дискриминации? Наш народ никогда с этим не примирится, каковы бы ни были жертвы, которые мы должны будем принести".

В середине февраля поединок между Эйзенхауэром и Бен-Гурионом принял еще более острый характер. Эйзенхауэр пригласил в Белый дом 26 лидеров Конгресса и попытался убедить их поддержать занятую им в отношении Израиля позицию — но тщетно. Главными противниками линии президента оказались сенаторы Линдон Джонсон (демократ) и Уильям Ноланд (республиканец); Ноланд грозил даже выйти из состава американской делегации в ООН, если на Израиль будут наложены санкции. Пресса и влиятельные еврейские организации также подняли голос протеста против политики президента. Эйзенхауэр, не придав этому особого значения, решил обратиться непосредственно к американскому народу по радио и телевидению. "Перед своим выступлением он послал мне текст заявления, которое намерен был за-

читать в тот вечер”, — рассказывал Бен-Гурион.

Это заявление Эйзенхауэра было крайне резким: “Мне будет очень тяжело, если США будут поставлены перед необходимостью занять твердую позицию в ООН, а ООН, в свою очередь, примет меры, которые могут иметь далеко идущие последствия для отношений Израиля с большинством стран мира”.

Однако выступление президента США по радио и телевидению оказалось еще более решительным, чем его послание Бен-Гуриону. “Если мы согласимся с тем, что вооруженной агрессией можно расширить границы, это будет означать, что мы повернули вспять колесо истории. Я считаю, что ради спасения мира ООН должна усилить давление на Израиль и таким образом заставить его подчиниться резолюции о выводе войск...”

И Израиль, и США готовились теперь к последней схватке — сессии Генеральной Ассамблеи 26 февраля. “Сегодня вечером открывается сессия, — записал Бен-Гурион в дневнике. — Боюсь, к концу недели решение о санкциях будет принято. Хаммаршелд позаботится об этом”.

Но в последний момент снова произошло непредвиденное событие.

Утром 27 февраля Старик занес в дневник: “Из Нью-Йорка сообщают о каком-то неожиданном предложении Пино, но содержание его еще не известно”.

Тем же вечером Эвен телеграфировал подробности плана Пино. Французский министр иностранных дел находился в Вашингтоне вместе с Ги Молле. Согласно предложению Пино, Израиль должен был заявить о полном выводе войск из сектора Газы, исходя из “предположения” о том, что силы ООН возьмут в свои руки всю военную и гражданскую власть в нем. Силы ООН останутся в секторе Газы вплоть до подписания мирного договора. Если Египет нарушит это положение, за Израилем сохраняется право на самооборону. США и другие государства объявят на сессии Генеральной Ассамблеи, что они одобряют реше-

ние Израиля и согласны с указанным "предположением", таким образом под израильскую позицию будет подведен некий международный базис. Что же касается "права на самооборону", то Израиль сможет воспользоваться им, если египетская армия вернется в сектор Газы или если будет нарушена свобода судоходства.

Пино и Ги Молле изложили этот план американскому правительству, которое одобрило его.

В тот же вечер Бен-Гурион и Герцог направили Эвену подробные директивы. На следующий день израильская делегация во главе с Эвеном и группа американских специалистов, возглавляемая Даллесом, совместно составили заявление и разработали "сценарий" завершения борьбы на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Министр иностранных дел Израиля Голда Меир выступит на сессии с заявлением, основные принципы которого были сформулированы на совместном совещании; затем представитель США заявит о положительном отношении его страны к израильскому заявлению и содержащемуся в нем "предложению", после чего морские державы выразят поддержку пункта о свободе судоходства в проливах. Сценарий предусматривал снятие Суэцкого кризиса с повестки дня сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Воспользовавшись заявлениями Израиля, США и нескольких западных стран, можно будет не вводить в действие машину голосования в ООН, то есть избежать голосования на сессии Генеральной Ассамблеи, где большинство принадлежало советскому и афро-азиатскому блоку, и непременно провалило бы предложенный план.

Настал решительный день — 1 марта. Вечером, незадолго до того, как Голда поднялась на трибуну Генеральной Ассамблеи, Старик пригласил к себе домой военачальников Армии Оборона Израиля. Предложение объяснить военным позицию правительства по вопросу о проливах и секторе Газы исходило от Даяна. Бен-Гурион же чувствовал, что на нем лежит

моральный долг — попытаться убедить в правильности принятого решения тех, кто в его глазах олицетворял победителей операции "Кадеш".

В восемь часов вечера в доме Бен-Гуриона собрались генералы, полковники, офицеры генштаба. В Нью-Йорке перед представителями большинства стран мира Голда Меир готовилась произнести речь, которая должна была подвести черту под операцией "Кадеш" и наметить новое будущее Ближнего Востока. В тот же час в Тель-Авиве руководитель государства пытался оправдать перед теми, в ком видел символ возрожденного Израиля, свое решение. Нетрудно сказать, чье положение было тяжелее.

"Через полчаса Голда сделает свое заявление", — сказал Бен-Гурион. Потом он прочел некоторые выдержки из него, поясняя их смысл: право Израиля начать войну, если будет нарушена свобода судоходства в проливах или если обострится обстановка в секторе Газы. Он описал то, что происходило буквально в эти самые минуты на Генеральной Ассамблее ООН. "А теперь самое неприятное — мы уходим и из Шарм-аш-Шейха". Старик без прикрас рассказал об опасностях, с которыми связано для Израиля согласие на вывод войск. "Я уже говорил членам правительства, что это азартная игра, что риск существует и, может быть, нам придется еще раз воевать. Но когда дело снова дойдет до войны, за нами будет стоять если не вся Организация Объединенных Наций, то хотя бы несколько стран, и мы сможем с куда более спокойной совестью добиваться своего".

Похоже, что не меньше, чем приглашенных офицеров, пытался Бен-Гурион убедить самого себя в том, что это единственный оставшийся ему выход.

И в дневниковых записях, и в разговоре с офицерами явственно ощущается стремление оправдать сделанный шаг, насущная необходимость успокоить себя — не меньше, чем окружающих. Описывая ожидавшиеся на Генеральной Ассамблее политические события, Бен-Гурион перечислял офицерам Цахала

потери врагов Израиля. Прежде всего — Насер. "Весьма вероятно, что Насер долго не продержится после того, что произойдет через час в ООН, — говорил Бен-Гурион. — Эта ночь будет черной в жизни Насера".

Бен-Гурион ошибся. Позиции Насера не пошатнулись. Он знал о готовящемся сговоре. Хаммаршелду эта закулисная комбинация тоже не нанесла поражения. Он был ее участником.

Ни Хаммаршелд, ни Даллес ни на минуту не собирались соглашаться с израильским "предположением", что Египет не вернется в Газу, а обещания Даллеса израильтянам были лишь дымовой завесой. Даллес не отступился от своих требований, выставленных неделей раньше. Жестокая правда открылась Израилю уже в тот же вечер, открылась самым неожиданным и болезненным образом.

В назначенный час Голда Меир поднялась на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН. Она объявила о выводе израильских войск из сектора Газы и с побережья Эйлатских проливов в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи о введении туда военных контингентов ООН.

Голда окончила свою речь и вернулась на место. Теперь, в соответствии с заранее разработанным сценарием, чтобы выразить согласие Соединенных Штатов на израильское требование, на трибуну поднялся представитель США при ООН Генри Кэбот Лодж. Однако выступление его было иным, нежели ожидали израильтяне. Он определил требования в отношении проливов как "отнюдь не нелогичные" (Израиль ожидал, что он назовет их "законными"). Дойдя до вопроса о Газе, он резко отклонился от намеченного плана и вернулся к формулировкам американской администрации. "С великим изумлением услышала я, — писала Голда Меир, — как он заверял ООН, что будущее сектора Газы следует решать в соответствии с соглашениями о перемирии. Может быть, не все, кто в тот день находились в зале заседаний Генеральной Ассамблеи, поняли, что сказал Кэбот Лодж, но мы-то

поняли прекрасно. Государственный департамент США выиграл поединок с нами; египетским военным властям вместе с гарнизоном предстояло вернуться в Газу. Я ничего не могла сделать, ничего не могла сказать. Просто сидела на своем месте, кусала губы и не могла даже взглянуть на г-на Лоджа, когда он успокаивал всех тех, кто опасался, что мы не согласимся на отступление без предварительных условий. Эта минута была не из самых приятных в моей жизни”.

После представителя США на трибуну, как и намечалось, поднялись представители ряда стран, выразившие согласие с положениями Израиля о свободе судоходства в проливах. Но было ясно, что во всем, касающемся сектора Газы, Израиль попросту провেল... Узнав о происшедшем, Бен-Гурион загорелся, как человек, осознавший, что его водили за нос, хотел было даже отменить отступление.

Он тут же созвал членов правительства на специальное заседание, которое впервые после основания государства проходило в субботу. Правительство отдало Эвену распоряжение немедленно потребовать от Даллеса четкого заявления о недопустимости возвращения Египта в Газу. Но США увильнули от официального заявления, а Бен-Гуриону пришлось довольствоваться письмом, направленным ему в тот же вечер Эйзенхауэром. ”Я верю, что у Израиля не будет причин раскаиваться, после того, как он поступит в соответствии с решительным требованием всей мировой общественности”, — писал Эйзенхауэр. Напоминания о ”надеждах и чаяниях”, нашедших выражение в речи израильского министра иностранных дел и других представителей, американский президент заявлял: ”Полагаю, что для этих надежд есть серьезные основания. Хочу заверить вас, что США приложат все усилия к тому, чтобы эти надежды не оказались тщетными”.

Бен-Гурион пытался уцепиться за эти слова, и в ответном письме Эйзенхауэру снова требовал, чтобы Египет не возвращался в Газу. Но было уже слишком

поздно. Израиль, согласно своим обязательствам, вывел войска с побережья проливов и из сектора Газы. Несколько дней спустя в Газу вернулась египетская администрация. Бен-Гурион рвал и метал, но военным ударом не ответил. "Не лежит у меня душа к операции в Газе", — сказал он начальнику генштаба. В последние дни он, по словам Даяна, выглядел "как человек, поднявшийся на ноги после долгой, почти неизлечимой болезни — усталый, изнуренный, но уже прошедший через все".

В первое время после Синайской кампании казалось, что Бен-Гуриона разбили в дипломатической борьбе, что блестящая военная победа обернулась политическим поражением. Мечты о завоеваниях, присоединении новых территорий не осуществились. Насер не только остался у власти, но сумел превратить свое военное поражение в громадную пропагандистскую победу и стать одним из ведущих лидеров "третьего мира". Израиль отождествляли отныне с империалистическими странами. Отношения с Соединенными Штатами были в кризисном состоянии; Израиль утратил всякое доверие ООН и ее генерального секретаря. Египетская армия вернулась в Газу, и южным израильским поселениям снова угрожали вчерашние опасности.

Да, так казалось вначале. Но чем больше времени проходило, тем разительнее менялась эта картина. Синайская кампания принесла Израилю славные плоды. Бен-Гурион достиг в ней гораздо меньшего, чем мечтал, но гораздо большего, чем надеялся.

Прежде всего, эта кампания дала Израилю десять лет мира. Постепенно стихли пограничные стычки. Фидайюны не вернулись в Газу и на всех границах фактически воцарился мир. Молниеносная победа Армии Обороны Израиля в Синае доказала, что за время, истекшее с Войны за Независимость до 1956 года, резко увеличилась пропасть, отделявшая Цахал от арабских армий. На Ближнем Востоке установилось новое равновесие сил. Из сознания израильтян исчезло чувство неуверенности, ощущение шаткости самого

существования государства, на его месте выросло чувство полной уверенности в своих силах, вера в возможность спокойной жизни. Параллельно с этим в арабских странах происходил обратный процесс, там становилось ясно, что Израиль — это фактор, реально существующий в регионе, что его нельзя запросто стереть с лица земли.

Предвидение Бен-Гуриона относительно Эйлата также в значительной степени осуществилось. Эйлатский порт стал южными воротами Израиля. На долгий период была обеспечена свобода судоходства; от Эйлата к средиземноморскому побережью протянулась линия нефтепровода, давшая заметный толчок развитию Негева. Контингент сил ООН на побережье Тиранских проливов и в секторе Газы оказался весьма эффективным и помог Израилю гораздо больше, чем думалось поначалу.

Да и в плоскости международных отношений Синайская кампания привела к невиданному дотоле процветанию. Вопреки всем прогнозам специалистов, предсказывавших, что Израиль останется в изоляции, что страны Азии и Африки отвернутся от него, произошло нечто прямо противоположное. Как раз те самые молодые африканские и азиатские государства, которые клеймили Израиль позором в ООН, или те, которые добились независимости уже в последующие годы, видели в еврейском государстве символ прогресса и пример для подражания. Со всех концов света съезжались делегации развивающихся стран изучать жизнь Израиля и просить у него технической, сельскохозяйственной, военной помощи. Синайская операция открыла новую эру во внешнеполитических связях Израиля: в 1957–1967 годы наши отношения со странами ”третьего мира” достигли невиданного расцвета.

Отношения Израиля с западными державами также вступили в полосу благоденствия. Синайская кампания открыла американской администрации глаза на опасность советского проникновения в ближневосточный регион. В последующие годы Египет, Сирия и

Ирак все быстрее соскальзывали в просоветский блок, тогда как Израиль становился все более прочным оплотом западной демократии, заслоном для советской экспансии в районе Ближнего Востока, что привело к укреплению его связей с США.

Союз, заключенный между Францией и Израилем накануне Синайской кампании, расширялся и углублялся. В течение десяти лет Израиль не испытывал никаких затруднений в приобретении оружия, он смог снабдить свою армию первоклассным французским вооружением. Франция оказала Израилю помощь в постройке большого ядерного реактора в Димоне. В течение многих лет она была верным другом еврейского государства, его надежной опорой.

Синайская кампания вызвала прилив гордости у евреев стран диаспоры и особенно у евреев Соединенных Штатов. Стремясь подчеркнуть свою неразрывную связь с победоносным еврейским государством, они проявляли еще большую готовность всемерно помогать ему.

Наконец, для самого Бен-Гуриона операция "Кадеш" была, можно сказать, "животворным источником молодости", в котором он возродился как вождь. Синайская кампания открыла золотую полосу в истории государства Израиль и в жизни Давида Бен-Гуриона — национального и государственного руководителя.

24. ЗОЛОТОЙ ВЕК

В четверг 28 августа 1958 года Бен-Гурион по обыкновению участвовал в еженедельном заседании генштаба. Во второй половине дня, переговорив с некоторыми из своих ближайших помощников, Старик облачился в костюм защитного цвета, который всегда надевал, отправляясь на маневры Цахала. В святая святых военного ведомства циркулировали в тот день упорные слухи о том, что Бен-Гурион выезжает в Негев на испытания нового военного снаряжения. В 9.00 в доме Старика появился Хаим Исразли; вместе с ним Бен-Гурион направился к стоявшему на улице автомобилю. Машина тронулась, но, выехав из города, не свернула к Негеву. Окольными путями пробралась она к аэропорту в Лоде и через боковые ворота въехала на летное поле. На неосвещенной взлетной полосе уже поджидали — Голда Меир, Элияху Сассон, Реувен Шилоах, Ицхак Навон и несколько телохранителей. Вся компания быстро скрылась внутри самолета, разогревавшего двигателя в конце взлетной полосы. Без четверти десять самолет взмыл ввысь. Он взял курс на Средиземное море, а затем повернул на север. Полет был "легким и приятным". Вскоре после полуночи самолет совершил посадку в месте назначения.

Бен-Гурион сидел в окружении своих сподвижников, как обычно, погруженный в думы. Снова, как и два года назад, отправился он в секретную поездку, все обстоятельства которой еще долгие годы будут храниться в строжайшей тайне. Он намеревался вести переговоры с руководителями другого государства, заключить с ними договор о дружбе и сотрудничестве.

Секретной поездке Бен-Гуриона предшествовала цепь бурных событий. В августе 1957 года Сирия ста-

ла объектом всесторонней советской экспансии. Москва, с помощью чрезвычайно активного заместителя сирийского премьера, миллионера Халеда эль-Азама, пыталась распространить свое влияние на Дамаск. В порту Латакии то и дело разгружали транспорты советского оружия, в Сирию хлынул поток советских военных специалистов. Присоединение Сирии к коммунистическому лагерю представлялось лишь вопросом времени. В то же время нарастала напряженность на сирийско-израильской границе. Сирия спровоцировала несколько пограничных инцидентов, в результате которых с израильской стороны оказалось несколько убитых и раненых. Однако Бен-Гурион предпочитал сохранять сдержанность. В августе Бен-Гурион получил послание государственного секретаря США: "Я убежден, что вы разделяете нашу озабоченность по поводу последних событий в Сирии, — писал Даллес. — Мы получили сведения о том, что и другие государства региона, в особенности соседние с Сирией, крайне обеспокоены... Мы бы хотели в ближайшее время обменяться мнениями по этому вопросу с вашим правительством. Позвольте мне, однако, выразить надежду, что Израиль не предпримет тем временем против Сирии никаких действий, которые повлекли бы за собой углубление арабо-израильского конфликта".

Бен-Гурион и не думал нападать на Сирию, надеясь, что другие силы свергнут тамошний просоветский режим. Он ответил Даллесу, пользуясь американскими же формулировками: "Превращение Сирии в базу международного коммунизма — это одно из самых опасных событий, происшедших в свободном мире за последнее время... Мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что укоренение международного коммунизма в самом сердце Ближнего Востока чревато катастрофическими последствиями для соседних с Сирией стран и для всего свободного мира. Непосредственную опасность представляет распространение сирийской революции на Иран, где правительство весьма нестабильно".

Бен-Гурион знал, что Америка замышляет произвести в Сирии переворот, воспользовавшись силами Турции, Ирака и Иордании. Американцы, действительно, попытались устроить такой заговор. Однако он провалился. Тщетной оказалась попытка США оказать на Сирию давление, послав в прилегающие районы Средиземноморья 6-й флот, одновременно с концентрацией турецких, иракских и иорданских сил на сирийской границе. Израилю не отводилось в этих американских мероприятиях никакой роли.

В начале осени Бен-Гурион вновь попробовал пробить брешь в броне американской сдержанности. Он считал время подходящим, исходя из нескольких факторов. Советский Союз запустил свой первый искусственный спутник, что вызвало на Западе серьезные опасения. Правительства Сирии и СССР выступили с угрозами в адрес Турции, и Соединенные Штаты во всеуслышание заявили, что гарантируют ее безопасность. Израиль с тревогой замечал, что усиление советской опасности не побудило США взять еврейское государство, подобно другим странам, под свою защиту, гарантировать его существование. Бен-Гурион направил министра иностранных дел — Голду Меир — в Вашингтон, для переговоров с Даллесом. Голда стремилась добиться официального американского заявления советскому правительству относительно гарантий существования Израиля, а также военных поставок Израилю и оказания ему помощи в расширении портов и аэродромов с тем, чтобы "мы могли в нужный час выполнить свой долг". Бен-Гурион старался как можно лучше разыграть карту антисоветских настроений, являвшихся определяющими в американской политике на Ближнем Востоке. Переговоры Голды Меир с Даллесом не принесли ожидаемых результатов.

Но в ту пору, когда упования на Америку обернулись горьким разочарованием, Израиль стал подготавливать секретный союз на самом Ближнем Востоке. До сих пор широкой публике почти ничего не известно об истории так называемой "периферийной политики".

Началась эта история еще до Синайской операции. У Израиля стали втайне складываться особые отношения с двумя государствами, находящимися на периферии ближневосточного региона — Ираном на севере и Эфиопией на юге*.

Удар, нанесенный Насеру израильской армией во время Синайской кампании, вызвал неожиданный резонанс во всем ближневосточном регионе и на его окраинах. Страны, опасавшиеся агрессии со стороны Насера, обнаружили вдруг силу, способную разгромить его. Государственные деятели, которых тревожило, что с помощью Насера в этот район земного шара проникают коммунисты, поняли, что существует фактор, тормозящий экспансию Советского Союза. Особенно сильно беспокоились Эфиопия — единственная в Африке христианская страна, которая с растущим страхом внимала панисламистским и панафриканским лозунгам Насера. Вскоре после окончания Синайской операции в Эфиопию прибыл высокопоставленный израильский дипломат. Его принял император Хайле Селассие. Обсуждались совместные политические шаги против подрывной деятельности Насера, а также сотрудничество в области развития экономики. Разработанный план включал посылку израильских специалистов в Эфиопию и эфиопских студентов — в Израиль, создание совместных предприятий и учреждение курсов.

Тем временем Израиль поглядывал и на Восток. Параллельно с укреплением отношений с Эфиопией, были предприняты шаги по всестороннему развитию связей с Ираном. Посланцы Бен-Гуриона побывали в Тегеране, встречались с шахом Ирана, его премьер-министром и высшими чиновниками. Иран также стремился ослабить влияние Насера и коммунистов на Ближнем Востоке. Иран бился над решением сельскохозяйственных задач, изо всех сил пытался развить экономику, используя достижения науки. Изра-

* Иран — мусульманская, но не арабская страна, в Эфиопии большинство составляют христиане. (Прим. перев.)

иль готов был оказать ему помощь во всех этих областях.

Неофициальный союз с Ираном стал основой для создания "треугольника". В апреле 1958 года состоялась встреча посла Израиля Элияху Сассона с министром иностранных дел Турции Зорлу. Турецкий министр выразил опасения своего правительства по поводу новой расстановки сил, складывающейся на Ближнем Востоке.

Турецкие руководители с тревогой следили за развитием событий в Сирии. В продолжение всего 1957 года они ощущали, что союз между их северным соседом, СССР, и южным, Сирией, создает явную угрозу самому существованию их страны. Зорлу и Сассон разработали график переговоров между представителями двух стран на высоком уровне.

Теперь, на фоне многообещающего укрепления связей с государствами, расположенными к северу и к югу от Эрец, в умах израильских государственных деятелей стал вырисовываться общий план "Периферийного союза" — создания блока государств, находящихся на периферии Ближнего Востока и объединенных с Израилем в единый "треугольник": на севере — Турция и Иран, на юге — Эфиопия. Этот неофициальный блок имел ярко выраженную прозападную ориентацию. Соединенные Штаты были крайне обеспокоены советским проникновением на Ближний Восток. Израиль впервые почувствовал, что на этот раз у него есть что предложить Америке — уже не одинокого слабого союзника, ненавидимого и отвергнутого всем арабским миром, но государство, являющееся соединительным звеном и лидером блока стран, в состав которого входит один член НАТО, два члена Багдадского пакта и одно из центральных государств Африки.

Придавая большое значение участию Турции в планируемом им союзе, Бен-Гурион решил провести переговоры с турецким правительством на высшем уровне. Сомнительно, чтобы эти переговоры состоялись, если бы в 1958 году не разразилась на Ближнем

Востоке буря, втянувшая целый ряд стран в страшный водоворот. В мае 1958 года в Ливане вспыхнула гражданская война между христианами, сплотившимися вокруг бывшего президента Камилля Шамуна, и мусульманами, добивавшимися присоединения Ливана к насеровскому арабскому блоку. Начавшись с небольших стычек, вражда между христианами и мусульманами переросла в настоящую вооруженную борьбу, сопровождавшуюся пропагандой насеровских агентов, а также активной поддержкой одной из сторон египетскими и сирийскими деньгами, оружием и солдатами. Положение в Ливане крайне обострилось, в июле пожар перекинулся на Ирак и Иорданию. Когда ситуация в Иордании стала настолько напряженной, что под угрозой оказался королевский престол, правительство Ирака направило в помощь иорданскому королю дивизию под командованием генерала Касема. Но на полдороги генерал Касем командовал солдатам "кругом!" и повернул войска на Багдад. Вместе со своими сподвижниками из тайного общества "Свободных офицеров" он произвел молниеносный военный переворот и захватил власть. Король Ирака Фейсал был убит в своем дворце — его застигли сонного и прикончили, когда он, ползая на коленях в ночной рубашке, молил о пощаде. Регента Абдул-Илла постигла та же участь. Премьер-министр Нури Саид, уже десятки лет слышавший "сильным человеком Ирака", спасся было, переодевшись в женское платье. Но на следующий день он был узнан на улице и растерзан на клочки озверевшей толпой. В первом обращении к нации генерал Касем объявил, что Ирак будет "народной республикой".

После переворота в Ираке стало казаться, что один за другим рушатся все прозападные режимы Ближнего Востока. Нури Саид пользовался доверием англичан, Ирак был сердцевинной Багдадского пакта. Теперь он, похоже, должен был стать послушным придатком советской империи. Граничащие с Ираком Иран и Турция чувствовали, что кольцо советской блокады вот-вот сомкнется со всех сторон.

Крушение иракского престола чуть было не увлекло за собой Хусейна. Его режим лишился опоры в лице еще одного представителя Хашимитской династии, и тут подняли голову все пронасеровские элементы внутри Иордании. Хусейн стал заложником в собственном дворце, охраняемом несколькими батальонами английских солдат, которые были срочно переброшены в Амман с британских баз на Кипре. В первые дни после кровавых событий в Ираке казалось, что США отреагируют мощным ответным ударом. Уже на следующий день после переворота Вашингтон заявил, что согласно просьбе ливанского президента американские морские пехотинцы будут высажены в районе Бейрута. Одновременно с этим командование стратегической авиации и служба обеспечения горючим были приведены в состояние повышенной боевой готовности. В Персидский залив были срочно переброшены соединения морской пехоты из залива Окинава. На военную базу возле турецкого города Адана были направлены вспомогательные силы США. Турецкая армия сконцентрировалась в районе турецко-иракской границы. Американцы желали, чтобы кто-нибудь из уцелевших иракских лидеров обратился к Соединенным Штатам с просьбой вмешаться в иракские события ради спасения государства, но этого не произошло.

Иракская революция заставила руководителей Турции преодолеть последние колебания, подхлестнула их к укреплению связей с Израилем. "Наш посланник в Стамбуле Э. был приглашен к Зорлу, — взволнованно записал в дневнике Бен-Гурион через пять дней после переворота в Ираке. — Зорлу сказал ему, что они действуют параллельно с нами и будут рады полностью согласовать свою политику с нашей. Это поистине исторический момент, такая возможность больше не представится... Он сообщил также о принципиальном согласии Турции на проведение встречи глав двух правительств..."

На следующий день в доме у Голды состоялось совещание по вопросу "укрепление связей с Ираном".

Бен-Гурион набросал срочную памятную записку в адрес президента Эйзенхауэра, в которой американскому президенту впервые был представлен "Периферийный союз".

"Воцарение Насера, поддерживаемого всей мощью Советского Союза, на арабском Ближнем Востоке, будет иметь самые печальные последствия для Запада," — писал Бен-Гурион.

"Нет необходимости объяснить, какое значение имеет этот процесс для Израиля и Турции. Мы начали укреплять связи с государствами, расположенными на периферии Ближнего Востока: Ираном, Эфиопией и Турцией, стремясь создать надежный заслон советско-насеровской экспансии. У нас сложились отношения дружбы и взаимного доверия с правительством Ирана и императором Эфиопии. За последнее время наши контакты с правительством Турции также стали более тесными, выйдя за рамки обычных дипломатических отношений.

Наша цель заключается в сколачивании группировки государств, чей союз не обязательно будет носить официальный и гласный характер... Задача этой группировки — остановить расползание в нашем регионе советского влияния, проводником которого является Насер, и спасти свободу Ливана, а со временем, возможно, и Сирии. В эту группировку будут входить две мусульманских неарабских страны (Иран и Турция) и одна христианская (Эфиопия), а также государство Израиль".

Поздним вечером 24 июля Абба Эвен имел встречу с Даллесом, в ходе которой он вручил американскому государственному секретарю бен-гурионовскую памятную записку. Даллес тут же на месте прочел документ и передал его одному из своих помощников, сказав: "Следует немедленно довести это до сведения президента". И повторил: "Немедленно!"

На следующий день Бен-Гурион получил первый

официальный ответ Эйзенхауэра: "На меня произвел глубокое впечатление ваш всеобъемлющий подход к серьезным проблемам, стоящим перед свободным миром на Ближнем Востоке и за его пределами... Поскольку Израиль относится к ближневосточному региону, вы можете быть уверены, что Соединенные Штаты заинтересованы в целостности и независимости государства Израиль. Мы обсудили ваше послание с государственным секретарем, который в ближайшее время напишет вам более подробно".

Этот ответ несколько разочаровал Бен-Гуриона. Он надеялся, что получит приглашение в Вашингтон для официальных переговоров. Разочарование Старика отчасти проявилось в его беседе с одним высокопоставленным американским гостем. "Почему, рассылая приглашения премьерам больших и малых стран, президент не приглашает меня?" — спросил он с досадой.

Даллес и Эйзенхауэр все еще осторожничали. Однако, в конце концов, отвечая Бен-Гуриону, Даллес положительно отнесся к инициативе Бен-Гуриона и одобрил идею "Периферийного союза".

Бен-Гурион "дал зеленый свет" дальнейшим переговорам. Голда Меир встретила с министром иностранных дел Турции Зорлу; в ходе двух подробных бесед министры иностранных дел двух стран окончательно договорились о том, что следует провести встречу глав правительств.

28 августа Бен-Гурион отправился в свой секретный полет. В 12.15 ночи его самолет приземлился на военном аэродроме неподалеку от столицы Турции Анкары.

Бен-Гурион и сопровождавшие его лица были размещены в роскошном доме для правительственных гостей в пригороде Анкары. Утром 29 августа там появились премьер-министр и министр иностранных дел Турции со свитой тщательно отобранных советников. Сопровождение открыл Бен-Гурион, кратко

осветивший политическую ситуацию. Турецкий премьер-министр Аднан Мендерес в основном согласился с его оценкой. В ходе контактов с турецкими руководителями была достигнута договоренность об открытии в ближайшие месяцы дипломатических представительств обеих стран в ранге посольств. Бен-Гурион, учившийся когда-то в Турции, прислушиваясь к беседе турецких представителей, с удовольствием убедился в том, что он еще помнит турецкий язык.

Переговоры продолжались до 11 вечера, после чего израильтяне вылетели обратно.

”В половине третьего утра мы приземлились в Экроне, где нас, к моему великому удивлению, уже ждал Эзер Вейцман, доставивший меня в гостиницу ”Шарон”.

Никто из посетителей и служащих гостиницы, встретившихся Бен-Гуриону в тот поздний час, не удивился появлению главы правительства в военном костюме, ”прямо с учений на юге”. А Бен-Гурион уже планировал дальнейшие шаги и какое-то время носился с идеей организации аналогичного визита в Эфиопию.

Союз, заключенный Стариком с Турцией, Ираном и Эфиопией в 1958 году, оказался весьма долговечным. Не случайно 14 декабря 1960 года, когда вспыхнул бунт против императора Эфиопии, радиолюбители во многих уголках земного шара поймали призывы сторонников ”Отпрыска Иудейского льва”: ”Престол в опасности! Призовите на помощь Иерусалим!”

Иерусалим, действительно, помог императору вернуться на престол. Попытка переворота в Аддис-Абебе была совершена в тот момент, когда Хайле Селассие находился в пути, направляясь с официальным визитом в Южную Америку. Заговорщики захватили императорский дворец и некоторые узловыe центры страны. Императору доложили о перевороте, когда он приземлился в Бразилии. Он тут же вылетел обратно. Перед ним встал роковой вопрос — возвращаться ли на родину? Об истинном положении вещей в Эфиопии

ничего не было толком известно. Закрепились ли заговорщики во всей стране или только на определенной ее части?

Во время посадки в Либерии император обратился за помощью к представителям Израиля, прося их выяснить по своим каналам, какова истинная ситуация в Эфиопии. Он просил израильтян также оповестить его сторонников в Эритрее о скором возвращении императора. К утру просьбу Хайле Селассие передали на рассмотрение Бен-Гуриона. Приговор Старика был скор: "Император — наш друг, не правда ли? Следовательно, надо помочь ему!"

Так и поступили. Во время одной из промежуточных остановок императору сообщили, что повстанцы еще не овладели всей страной. Хайле Селассие вернулся на родину, возглавил верные престолу войска и снова захватил власть. Заговорщики были схвачены и казнены — среди них и несколько друзей Израиля.

"Периферийный союз" долго держался, несмотря на все потрясения, обрушившиеся на страны региона.

Когда 14 июля 1958 года в Ираке произошел военный переворот, начальник генштаба Хаим Ласков предложил Бен-Гуриону немедленно захватить часть Заиорданья. Старика останавливали соображения демографического порядка. "На сей раз арабы не сбегут!" — записал он в дневнике. Его давнишнюю мечту завоевать Западный берег Иордана сдерживали несколько важных факторов, прежде всего опасение перед тем, что в страну вольется миллион арабов.

В беседе с Ядином Старик подробно остановился на этих своих опасениях: "Там (на Западном берегу) живет свыше миллиона арабов, на этот раз они не сбегут. Если мы превратим их в автономную единицу, нет никакой уверенности в том, что они не решат присоединиться к Египту — а ведь Насеру присоединение этой территории, можно сказать, диктует объединение с Сирией. Так что перед нами встанут сразу три проблемы: миллион арабов, Старый город (христианский и арабский мир не смирится с нашим господством над

мечетью ал-Акса и церковью Гроба Господня) и отношения России с Соединенными Штатами”.

Проблема присоединения миллионного арабского населения более всего тревожила Бен-Гуриона и во время выступления на закрытом заседании правительства. ”У нас будет еще одна триумфальная победа, но в результате ее мы получим собственный Алжир, который расщатает все государство”. Бен-Гурион опасался не только того, что арабы создадут движение сопротивления, но и того, что они, вследствие высокой рождаемости, смогут быстро стать большинством в Эрец-Исраэль. ”Наша самая жгучая проблема, — говорил он, — это нехватка евреев, а не территории.

В другой раз он утверждал, что ”присоединение к Израилю миллиона арабов положит конец существованию еврейского государства. Больше, чем Западный берег, нам нужна река Литани, и если в Ливане вспыхнет серьезная междоусобная борьба и дойдет до раздела страны (а это очень вероятно), то присоединения южной части Ливана к Израилю не миновать. Он нам важнее всякого Заиорданья”.

Эти слова свидетельствуют о многозначительном изменении позиции Бен-Гуриона. После Синайской кампании он все более скептически относился к новым войнам и территориальным захватам. На него сильно повлияло то обстоятельство, что арабы Газы не сбежали во время операции ”Кадеш” и он опасался, что в случае быстрого и успешного захвата новых территорий государство столкнется с серьезными внутренними трудностями, которые лучше предотвратить. Отсюда Бен-Гурион приходил к выводу, что лучше вовсе не ввязываться в военную авантюру, которая поставит Израиль перед столь сложной дилеммой.

В ту затяжную пору, когда военный пожар запылал по всему Ближнему Востоку, Бен-Гурион с тревогой следил за бурей, громыхавшей на противоположном берегу Средиземного моря. Во Франции доживала последние недели Четвертая Республика.

13 мая на центральной площади города Алжира начался тот процесс, который привел к окончательному падению прежнего режима. По мере усиления опасности все громче стали раздаваться голоса, требовавшие, чтобы генерал де Голль вернулся из изгнания и возглавил государство. Правительство сдалось, и президент обратился к де Голлю с предложением сформировать новый кабинет министров. Это был конец целого периода в истории Франции. Франция при де Голле неминуемо будет совершенно иной, чем при его предшественниках. В Эрец ожили вечные страхи: не положит ли он переворот в парижских правящих сферах конец неофициальному союзу Франции и Израиля?

Это ведь и вправду был настоящий, хоть и неофициальный союз. Франция поставляла Израилю любое оружие, которое он просил: новые реактивные самолеты типа "Супер-Мистер" и "Витур", тяжелые транспортные самолеты типа "Норд", пушки, ракеты "воздух — воздух". Часть полученного во Франции вооружения еще не была внесена в счета, и французский министр обороны еще не доложил о его поставке министру финансов, чтобы облегчить Израилю выплату долга; другие секретные соглашения устанавливали, что в случае войны Израиль получит крупные партии французского оружия. Всестороннее сотрудничество связывало Армию Обороны Израиля с французской армией — обмен информацией, регулярные взаимные визиты представителей самого высшего ранга; израильские офицеры во главе с Моше Даяном присутствовали при испытаниях нового французского оружия в пустыне Сахара. Но самым важным с точки зрения перспектив развития Израиля был договор, подписанный Шимоном Пересом в начале октября 1957 года. Франция согласилась оказать Израилю помощь в создании установки, которую Бен-Гурион считал главной гарантией будущего Израиля — крупного атомного реактора в Негеве, неподалеку от Димоны.

Тайной мечтой Бен-Гуриона было заключение сою-

за с дружественной державой Запада. И тем не менее, даже в 1957 году, в период самых блистательных отношений, когда у власти во Франции стояло самое дружественное к Израилю правительство, какого только можно было пожелать, Бен-Гурион не присоединился к хору голосов, ратовавших за подписание официального договора о союзе с Францией.

31-го мая 1958 года де Голль возглавил правительство Франции.

В тот же день Бен-Гурион направил ему поздравительную телеграмму. С того самого дня, когда де Голль встал у руля французской политики, Старик сделался его верным приверженцем.

”Де Голль не фашист и не диктатор, — записал Бен-Гурион, закончив чтение воспоминаний знаменитого французского генерала. — Он верит (и надо сказать, для такой веры есть определенные основания), что он — это Франция, причем не ныне существующая Франция, а та, которая должна быть создана. По его определению *La France c'est la grandeur*. Он, вне всякого сомнения, великий человек, немного эгоцентрик, но всегда стремится к общему благу. Если ему удастся решить алжирскую проблему — а это не простое ”если” — он спасет Францию и сделает великую услугу всему Западу”.

Бен-Гурион ни от кого не скрывал своего глубокого преклонения перед де Голлем.

Признание величия де Голля, искренняя поддержка его выдвижения на пост главы правительства не уменьшали, а быть может, и увеличивали нервозность и волнение, царившее в израильском правительстве накануне первых контактов с генералом.

Голда Меир вылетела в Париж и с замиранием сердца вошла в канцелярию премьер-министра. ”И вот передо мною, во весь свой рост и во всем своем великолепии прославленный генерал де Голль”. Де Голль обошелся с Голдой исключительно любезно, успокоил ее заверениями о ”вечной дружбе с Израилем”. В беседе с Ги Молле, получившим министер-

ский портфель в его правительстве, он также отзывался об Израиле положительно, но с некоторой сдержанностью. Бен-Гурион записал: "Ги Молле продолжает утверждать, что де Голль испытывает большую симпатию к Израилю и что до сих пор он санкционировал все поставки оружия, о которых просил Израиль. Но Ги Молле добавляет, что при всей симпатии нового премьер-министра к нашей стране, его позиция по вопросу об открытом сотрудничестве и заключении с нами какого бы то ни было союза, более сдержанная, чем его собственная. Сдержанность эта вытекает из основных положений де-голлевского политического курса и не направлена исключительно против Израиля. Де Голль не хочет связывать себе руки. Он предпочитает, чтобы арабские страны опасались возможности франко-израильского союза, ибо такое опасение с их стороны усилит позиции Франции в арабском мире. Возможно, глава французского правительства обратится к одному из арабских лидеров и предложит ему провести прямые переговоры с Францией, но такой шаг не следует рассматривать как попытку договориться с арабскими странами за счет Израиля".

В своих воспоминаниях де Голль был более откровенен. Он писал, что положил конец "неоправданному" сотрудничеству, существовавшему между Парижем и Тель-Авивом после Суэцкой кампании, когда "Израиль имел постоянный доступ во все французские штабы и службы".

Позиция де Голля по отношению к Израилю была вполне дружественной и когда разговор шел всего лишь о поставках оружия, имевших для еврейского государства жизненно важное значение, например, о закупке самолетов типа "Мираж" — де Голль, действительно, без колебаний принимал сторону Израиля. Однако с назначением бывшего французского посла в Каире Кув де Мюрвиля на пост министра иностранных дел в кругах, близких к его министерству, стали относиться к Израилю с некоторой прохладцей. Да и в военных сферах, в министерстве обороны ста-

ла ощущаться определенная сдержанность и осторожность в отношении недавнего партнера. И поскольку де Голль еще не выступил публично за дальнейшее укрепление связей с Израилем, многие влиятельные лица заняли выжидательную позицию. Несмотря на всю поддержку де Голля, у израильтян возникло ощущение неуверенности.

Первые контакты Бен-Гуриона с канцлером Аденауэром имели место во время Синайской кампании. В разгар горячих боев поступили тревожные сообщения о наложении санкций ООН, а из Бонна просочились сведения о том, что Германия также прекратит поставки Израилю немецкого оборудования. 2-го ноября глава израильской торговой миссии в Германии Пинхас Шенар вручил канцлеру Аденауэру личное послание Бен-Гуриона, в котором разъяснялись мотивы, побудившие Израиль начать военные действия. Прочитав письмо, Аденауэр попросил Шенара передать Бен-Гуриону, что "федеральное правительство будет по-прежнему соблюдать условия соглашения о поставке Израилю товаров, предназначенных для развития мирных отраслей его хозяйства. Что же касается Суэцкого кризиса — германское правительство не может и не станет вмешиваться в него".

Старик санкционировал дальнейшие закупки оружия. Весной 1957 года Шимон Перес пришел к заключению, что в континентальной Западной Европе наметилась тенденция к объединению и тесному сотрудничеству; были заложены основы европейского экономического единства, страдания национальных хозяйств отдельных стран в общий рынок; обсуждался вопрос о политическом объединении Европы; разрабатывались планы создания единой оборонной промышленности, центральное место в которых отводилось Франции, Италии и Германии. Перес принял секретную поездку в расположенный неподалеку от Бонна городок Венсбург. Здесь находился особняк германского министра обороны Франца Иозефа Штрауса. Беседа, продолжавшаяся пять часов,

выявила полное взаимопонимание двух государственных деятелей.

Перес и Бен-Гурион считали, что укрепление связей между Западной Германией и Францией — главной союзницей Израиля, — а также усиление общеевропейского сотрудничества обязывают Израиль наладить отношения с Западной Германией. Однако существовали, безусловно, и более глубокие мотивы, которые нашли выражение в формулировке Переса — "дружба на черный день". Израиль должен был как-то подготовиться на тот случай, если Франция отдалится от него и поток оружия и различных видов помощи будет остановлен. Германия, с ее мощным промышленным потенциалом, с ее забитыми оружием складами (командование блока НАТО сконцентрировало в этой ключевой точке Европы колоссальные запасы оружия) и, наконец, с ее комплексом вины перед Израилем должна была в один прекрасный день стать важнейшей союзницей Израиля.

В начале 1960 года Бен-Гурион принял решение, что напряженное положение на Ближнем Востоке обязывает его встретиться с руководителями западных стран и добиться от них помощи в перевооружении израильской армии. Казалось, что Старику не о чем беспокоиться. Франция продолжала поставлять Цахалу оружие, укрепились секретные связи с Западной Германией; Англия отказалась от своей враждебной позиции. Да и отношение с США явно улучшилось — после событий 1958 года Соединенные Штаты согласились предпринять определенные шаги, означавшие несомненный и значительный прогресс по сравнению с прошлым периодом. Америка поставила Израилю 1000 безоткатных орудий и согласилась финансировать израильские закупки танков в Великобритании. Во время переговоров Голды Меир с Джоном Фостером Даллесом, состоявшихся в октябре 1958 года, была достигнута договоренность об увеличении помощи Израилю со стороны Международного

фонда развития (D.L.F.) на 10 миллионов долларов. Фактически эта сумма предназначалась для закупки танков типа "Центурион". США высоко оценили деятельность Израиля в Азии и Африке.

В публичных выступлениях Бен-Гурион демонстрировал оптимизм и уверенность в себе, но за этой маской благополучия скрывалась растущая тревога.

В ноябре 1959 года в сердце Старика закралось опасение близящегося нападения со стороны Египта. В декабре создалась серьезная напряженность на границе с Сирией; напряженность эта непрерывно нарастала вплоть до ответной операции Цахала в Тауфике, 31 января 1960 года. В Суэцком канале были задержаны два корабля, перевозившие грузы, предназначенные Израилю.

Вследствие заметного усиления арабских армий Бен-Гурион провел в генштабе совещание, посвященное соотношению сил между Израилем и арабами. Позиция генштаба казалась Старика "чересчур оптимистичной". Впервые после 1953 года, (когда он представил генштабу и правительству свой план из 18 пунктов) и во второй раз за всю историю государства Израиль, Бен-Гурион в присутствии президента изложил правительству план экстренного укрепления армии и закупок оружия на три ближайших года. Старика тревожила гонка вооружений на Ближнем Востоке. Он боялся, как бы количественное превосходство арабов не перешло с помощью Советского Союза в качественное.

Поскольку президент США все еще не желал приглашать его посетить Америку с официальным визитом, Бен-Гурион решил, воспользовавшись первым попавшимся поводом, отправиться в США и попросить президента принять его. Случай вскоре представился — присуждение Бен-Гуриону степени почетного доктора в университете Брандайза. Израильское посольство в Вашингтоне известило государственный департамент о приезде главы израильского правительства, и президент США согласился принять его в марте месяце.

Восемь дней провел Бен-Гурион в Америке. Программа визита была насыщенной и разнообразной. Он встречался с многочисленными еврейскими лидерами Бостона и Нью-Йорка, обедал с Дагом Хаммаршелдом, беседовал с Элеонор Рузвельт и Нелсоном Рокфеллером, устраивал торжественные приемы и пресс-конференции. В Вашингтоне Бен-Гурион вел переговоры с несколькими ведущими сенаторами, гостил у вице-президента Ричарда Никсона.

Центральным событием пребывания Бен-Гуриона в США была, разумеется, его встреча с президентом Эйзенхауэром. Результаты этой беседы не были слишком радостными. Правда, президент встретил Бен-Гуриона очень тепло и с подчеркнутым уважением, а описание деятельности Израиля в Азии произвело на президента большое впечатление, но практических плодов эта встреча так и не принесла. Продолжалась она более полутора часов и носила, по существу, характер монолога. Бен-Гурион говорил почти без передышки, и Эйзенхауэру удавалось лишь изредка вставить слово. Но когда Бен-Гурион завел речь об оружии, президент ответил ему, что Америка не будет "главным поставщиком" оружия на Ближнем Востоке и предпочитает, чтобы это взяли на себя европейские страны. Соединенные Штаты желают оставаться "судьей и арбитром", сказал Эйзенхауэр. Вместе с тем он заверил гостя, что Америка считает своим долгом гарантировать существование Израиля.

Бен-Гурион ушел из Белого дома разочарованный.

Главным событием визита в США стала другая встреча — нью-йоркская "встреча двух стариков" — Давида Бен-Гуриона и Конрада Аденауэра.

Ее справедливо называют "исторической". Здесь со всей наглядностью было продемонстрировано формальное примирение между еврейским народом в лице государства Израиль и новой Германией, Германией Аденауэра.

Секретные планы организовать встречу между Аденауэром и Бен-Гурионом существовали уже давно. Когда Аденауэру стало ясно, что Бен-Гурион не

хочет ехать в Германию, он предложил провести встречу в другом месте — на Родосе, в Афинах или в Тегеране. Наконец, узнав о намеченной на март поездке Бен-Гуриона в США, канцлер попросил, чтобы израильский премьер встретился с ним в Нью-Йорке. Он также собирался быть там в то же время.

Главными вопросами, которые Бен-Гурион намеревался обсуждать с Аденауэром, были оружие и деньги. Шимон Перес доложил Бен-Гуриону о секретной договоренности со Штраусом, согласно которой Германия безвозмездно "направит" в Израиль современное оружие разных типов — истребители и транспортные самолеты, вертолеты, подводные лодки, ракеты типа "воздух—воздух" и другое тяжелое вооружение. Однако это необычное обещание должно было быть одобрено Аденауэром. После того, как в политике Франции появились некоторыестораживающие признаки, вопрос приобрел еще большую актуальность. "Кто знает, не останется ли Германия единственной страной, где мы в ближайшие годы сможем закупать оружие", — записал Бен-Гурион со своим обычным пессимизмом.

Второй темой, которую хотел затронуть Бен-Гурион в беседе с канцлером, была экономика. За две недели до отъезда в Америку Бен-Гурион долго обсуждал этот вопрос со Шенаром. Он сказал Шенару, что считает десятилетние германские инвестиции в размере четверти миллиарда долларов, предназначенные для развития израильского хозяйства, "чрезвычайно важными".

И вот в 9 часов утра 14 марта 1960 года Бен-Гурион перешел из своего номера в нью-йоркской гостинице "Уолдорф-Астория" в другой номер, расположенный несколькими этажами ниже. В гостиной его ждал Конрад Аденауэр. Стае журналистов, подстергавших сансацию, было позволено войти в комнату и запечатлеть Бен-Гуриона, энергично пожимающего руку Аденауэра, а затем с широкой улыбкой разместившегося в кресле рядом с хозяином. Некоторые интерпретировали это руковожатие как символиче-

ское отпущение грехов — жест, который перед всем миром очищал Германию от преступлений против еврейского народа. Бен-Гурион смотрел на это иначе. Он различал нацистскую Германию и Германию Аденауэра, прилагавшую все усилия к тому, чтобы искупить преступное прошлое. Но уже с самого начала беседы Бен-Гурион подчеркнул, что Германия никогда не сможет вычеркнуть преступления прошлого из истории.

Два государственных деятеля пришли к выводу, что срок установления нормальных дипломатических отношений между Германией и Израилем еще не настал. Ни общественное мнение, ни настроение, господствовавшее в парламентах Бонна и Иерусалима, еще не созрели для такого шага. Главы правительств Израиля и ФРГ подробно обсудили вопрос о расширении поставок оружия и оказания помощи Израилю. Бен-Гурион говорил спокойно, избегая эффектных фраз. Он с самого начала заявил Аденауэру, что хочет просить его помощи. "Я не требую, — сказал он, — я предлагаю, чтобы вы выполнили нашу просьбу и помогли нам... И поймите, что это даст вам возможность участвовать в строительстве Израиля, после того, как стараниями ваших предшественников мы потеряли шесть миллионов братьев". Присутствующие заметили глубокое волнение Аденауэра при этих словах Бен-Гуриона.

Далее Бен-Гурион перешел к экономической части. Он уже давно собирался просить Аденауэра о займе в 250 миллионов долларов и говорил об этом с Шенаром. Эта просьба основывалась на оценке министров Эшкола и Сапира, полагавших, что в скором времени Израилю потребуется значительная финансовая помощь, ибо приближался срок выплаты долга. Старик, не любивший заниматься денежными вопросами, с горечью воспринял это заключение своих помощников. Но в последнюю минуту, под влиянием своего секретаря Ицхака Навона, Бен-Гурион передумал и попросил у Аденауэра заем в полмиллиарда долларов, который был бы предоставлен на 10 лет и

предназначен для развития промышленности и сельского хозяйства, главным образом, в Негеве. Старик мотивировал свою просьбу двумя аргументами: экономическим и моральным. "Экономический аспект состоял в необходимости развить Негев и превратить его в крупнейший центр торговли со странами Азии и Восточной Африки, с учетом удобного торгового пути через Эйлат и Красное море". Моральный же аспект — в том, чтобы немецкая молодежь, родившаяся уже после свержения нацистского режима и содрогающаяся от стыда за преступления своего народа, нашла себе какое-то удовлетворение в сознании того, что германский народ, свергнув нацизм, содействует достижению экономической независимости Израиля и, в частности, развитию пустынного Негева.

Аденауэр тут же согласился. "Мы вам поможем", — сказал он. Теперь Бен-Гурион перешел к военной теме. Он просил Аденауэра одобрить безвозмездную поставку оружия, о которой шла речь на встрече Переса со Штраусом. Аденауэр знал об этих переговорах и сразу же одобрил принятое решение. Он обещал поставить Израилю абсолютно безвозмездно крупные партии вооружения. Действительно, в последующие годы Германия передала израильской армии значительное количество вооружения, в том числе танки, вертолеты, самолеты и электронное оборудование стоимостью в десятки миллионов долларов, и Израиль ничего не платил за них.

Бен-Гурион был вполне удовлетворен состоявшейся беседой. Он заявил корреспондентам: "Прошлым летом я говорил в Кнесете, что сегодняшняя Германия не имеет ничего общего со вчерашней. После встречи с канцлером ФРГ я еще раз убедился в правильности такого суждения".

Всего через пару месяцев после поездки Бен-Гуриона в США францужско-израильские отношения резко обострились. Причиной этого был неожиданный демарш французского правительства. 14-го мая 1960 года министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль вызвал к себе израильского посла Вальтера

Эйтана и заявил ему, что французское правительство решило не поставлять Израилю уран для ядерного реактора в Димоне. Кроме того, Кув де Мюрвиль потребовал рассекретить строительство реактора и отдать его в ведение иностранцев, лучше всего международной инспекции. Много лет спустя де Голль писал об этом в своих воспоминаниях: "Мы прекратили помощь Израилю в строительстве установки неподалеку от Беер-Шевы, которая была предназначена для превращения урана в плутоний, и где в один прекрасный день могло начаться производство атомных бомб".

Это известие вызвало в Иерусалиме большую тревогу. Оно означало, по существу, крах планов создания ядерного реактора. Кроме того, оно свидетельствовало о коренных изменениях в позиции Франции, которая до тех пор оказывала Израилю помощь в области атомных исследований.

Израиль обратился к Франции с просьбой устроить встречу Бен-Гуриона с де Голлем. Эта просьба была воспринята во Франции положительно. За неделю до своего отъезда Бен-Гурион послал в Париж Шимона Переса, чтобы подготовить почву и разработать с руководителями Франции график предстоящих переговоров.

13 июня в 4 часа дня самолет "Британия", принадлежавший авиакомпании Эл-Ал, совершил посадку в парижском аэропорту и подрулил к "зданию для приема важных гостей". Хотя визит и не был официальным, он начался с впечатляющей церемонии. С аэродрома израильская делегация проследовала в отель "Бристоль", расположенный на расстоянии нескольких сот метров от Елисейского дворца.

До позднего вечера заносил Бен-Гурион в свой блокнот все подробности и цифры. Он готовился к предстоящим переговорам, как прилежный ученик к экзамену. На маленьких клочках бумаги записывал он имена и цифры, даты и другие детали, касающиеся новых африканских государств.

Наутро, вернувшись в комнату Старика, советники

застали его в той же позе, в которой оставили вечером, в окружении тех же шаргалок, нервного и натянутого как струна. Выяснилось, что, встав в семь утра, Старик в течение трех часов продолжал свои приготовления.

Около полудня кортеж машин проследовал из отеля "Бристоль" в Елисейский дворец. Все были взволнованы торжественным приемом. Израильская делегация поднялась в зал по широкой лестнице между двумя рядами солдат национальной гавардии, одетых в яркие мундиры, черные сапоги и золотые каски с плюмажами, с обнаженными шпагами в руках. Прежде, чем сесть за стол переговоров, Бен-Гурион и де Голль ненадолго остались наедине. Это было лишь беглое, поверхностное знакомство, за которым последовала длительная беседа. Бен-Гуриона, напряженного до предела, ждала приятная неожиданность. "У меня было странное представление о де Голле, — признавался он впоследствии. — Я слышал, что он человек закрытый, холодный, черствый, а меня ждала встреча с живым, обаятельным, полным юмора собеседником. Иногда в тоне его слышалась ирония, но она всегда была дружественной. А де Голль записал о встрече с Бен-Гурионом: "С первой минуты я почувствовал к этому мужественному воину и полководцу большую симпатию и уважение".

После краткой беседы оба руководителя присоединились к своим помощникам, уже сидевшим за обеденным столом. На обеде присутствовали премьер-министр Мишель Дебро, Кув де Мюрвиль, Андрэ Мальро, Ги Молле, барон Ротшильд, генерал Эли и другие. Де Голль и Бен-Гурион обменялись тостами. "Добрые отношения между нашими двумя странами будут продолжаться и впредь, — торжественно произнес де Голль. — Я глубоко симпатизирую Израилю, восхищаюсь этой страной. Бен-Гурион — это политический деятель мирового уровня, сама личность которого символизирует поразительное возрождение Израиля и его небывалое развитие". Старик отвечал на иврите, а сотрудник посольства тут же переводил его

речь на французский: "Де Голль — самый великий государственный деятель нашего времени. Я глубоко признателен ему и народу Франции за всестороннюю помощь нашей стране. Что же до создания Израиля — его создал не я, а еврейский народ".

Некоторое время спустя главы двух стран, расставшись со своими помощниками, перешли в президентскую канцелярию и приступили к переговорам. Бен-Гурион описал де Голлю подрывную деятельность Насера и рассказал о связях Израиля с государствами, входящими в "Периферийный союз".

Де Голля особенно интересовали опасения Израиля перед возможностью арабского нападения.

— Неужели вы действительно боитесь угрозы со стороны арабской коалиции? — спросил он.

— В коалиции нет нужды, — ответил Бен-Гурион. — В определенных условиях Египет может в одиночку напасть на нас. Я сказал это и Эйзенхауэру, который торжественно обещал мне, что США не допустят поражения Израиля.

— И Франция тоже! — решительно заявил де Голль.

— Я считаю, что вы, как и Эйзенхауэр, говорите искренне, — сказал Бен-Гурион, — но это не дает нам никакой уверенности. В тот момент, когда у Египта будут лучшие, чем у нас, самолеты, мы окажемся в большой опасности.

— Вы считаете, что вам будет грозить опасность только при неравенстве вооружений?" — спросил де Голль.

— Не столько в количестве, сколько в качестве вооружений, — ответил Бен-Гурион.

— Не думаю, чтобы они вас осилили, — сказал де Голль.

Он выразил уверенность в силе Израиля. Но именно эти слова вызвали тревогу Бен-Гуриона. Он всегда страшился, сталкиваясь в разных странах с легендой о непобедимости Израиля. Он пробовал было снова разъяснить де Голлю проблемы обороны Израиля.

— Если (арабы) разбомбят Тель-Авив или Хайфу,

мы не сможем отобилизовать резервистов, — сказал Бен-Гурион.

— Вы сказали обо всем этом Эйзенхауэру? — поинтересовался де Голль.

— Да, — отвечал Старик. — И Эйзенхауэр ответил мне, что Америка не может быть нашим главным поставщиком.

— Почему? — спросил де Голль.

— Из-за нынешней международной ситуации и соображений международного порядка вообще, — ответил Бен-Гурион. Затем он рассказал французскому президенту о своей просьбе относительно закупок в США ракет "воздух — воздух".

Беседа затянулась дольше, чем предполагалось. Было уже почти четыре часа, и через несколько минут Бен-Гурион должен был возлагать венок на могилу неизвестного солдата. Главные темы переговоров — поставки оружия и атомная энергетика — еще не были затронуты. Де Голль сам понял это: "Сколько времени вы собираетесь пробыть во Франции?" — спросил он Бен-Гуриона. И услышав, что тот пробудет в Париже еще несколько дней, пригласил его на вторую встречу. Двое государственных деятелей распростились очень сердечно.

17 июня, в последний день своего пребывания в Париже, Бен-Гурион снова встретился с президентом де Голлем. Беседа началась с обсуждения вопроса об атомных исследованиях. Бен-Гурион понимал, что де Голлю нелегко согласиться на дальнейшее участие Франции в сооружении атомного реактора. Было решено, что Шимон Перес приедет в Париж для переговоров с французскими министрами, и они будут совместно искать выход из создавшегося кризиса. Бен-Гурион заверил де Голля, что Израиль не собирается с помощью строящегося в Димоне реактора создавать ядерное оружие. Несмотря на определенную сдержанность в этом вопросе, де Голль санкционировал продолжение военного сотрудничества между двумя странами. "Думаю, что вы преувеличиваете грозящую

опасность, — сказал де Голль. — Мы ни в коем случае не допустим, чтобы вас уничтожили. Сегодня наша мощь невелика, но она растет, и мы защитим вас”.

Бен-Гурион возражал, что помощь может прийти слишком поздно. ”Если египтяне добьются господства в воздухе и станут бомбить наши города, то пусть мы потом и разобьем их, все равно это будет стоить нам слишком много крови. Мы просто не можем себе этого позволить”.

”Не думаю, чтоб они осмелились напасть на вас, — повторил де Голль. — Ведь война с вами — это мировая война”.

Бен-Гурион считал своим долгом разбить эти иллюзии и доказать, что Израилю действительно угрожает опасность. Он говорил о страстных мечтах Насера раздавить Израиль, утверждал, что если египетскому президенту удастся добыть современные самолеты, например, ”МиГ-19”, то офицеры толкнут его на войну с Израилем.

”Вам нужно оружие против МиГов, — спросил де Голль. — Против МиГов нужны ракеты, а у нас их нет”. Он пообещал обсудить этот вопрос при встрече с Макмилланом и Эйзенхауэром. Что же касается прочего оружия — ”Вы получите самые лучшие ”Центурионы” из Англии и самые лучшие наши самолеты”.

Бен-Гурион поднялся. Де Голль проводил его до машины и, пожимая ему руку, сказал: ”Я считаю наши беседы очень важными и полезными. Я рад, что вы приехали и мне довелось познакомиться с вами. Теперь, когда мы знакомы, вы можете обращаться ко мне лично всякий раз, как у вас будет какая-либо нужда”.

Своему зятю, полковнику де Буасье, де Голль сказал: ”Бен-Гурион и Аденауэр — это два самых крупных лидера Запада”. Много времени спустя он назвал личность Бен-Гуриона ”благородной” и написал, что Бен-Гурион — ”один из величайших политиков нашего времени”.

Бен-Гурион уехал из Парижа с чувством глубоко

го удовлетворения. Правда, вопрос о строительстве ядерного реактора так и остался нерешенным, но относительно поставок оружия и военной помощи де Голль дал недвусмысленные обещания. И что еще более важно — изъявления дружбы, которыми осыпал Бен-Гуриона де Голль, были прямо-таки открытием для Франции 1960 года. С той минуты, как президент де Голль продемонстрировал свою симпатию к Израилю, все чины военной и гражданской иерархии стали вести себя в соответствии с курсом Елисейского дворца. Широкая помощь Израилю стала одной из основ внешней политики Пятой республики.

Новая атмосфера, установившаяся во франко-израильских отношениях после встречи Бен-Гуриона с де Голлем, несомненно, облегчила решение атомной проблемы. Через несколько месяцев после визита Бен-Гуриона, Шимон Перес отправился в Париж, где вел переговоры с Кув де Мюрвилем, Гийома и их помощниками. Они договорились, что Израиль будет продолжать сооружение реактора своими силами, а Франция откажется от требования международной инспекции. Французские компании, участвовавшие в строительстве реактора, будут продолжать поставки уже заказанного оборудования. Было также решено, что в ближайшее время Бен-Гурион публично заявит о создании атомного реактора в Негеве и подробно остановится на научных исследованиях, которые будут там проводиться.

Но еще не успев приступить к выполнению своих обязательств по договору, Израиль оказался втянутым в бурный водоворот событий вокруг реактора.

9-го декабря 1960 года израильского посла в Вашингтоне срочно вызвали к государственному секретарю Кристиану Хартеру. Хартер заявил ему, что, по его сведениям, Израиль сооружает атомный реактор и что этот факт вызывает серьезное беспокойство американского правительства. За несколько часов до беседы с израильским послом, по инициативе админи-

страции, состоялось даже особое заседание совместной комиссии обеих палат конгресса по атомной энергии.

На следующий день в "Нью-Йорк Таймс" появилось ничем не примечательное сообщение о совещании комиссии конгресса по атомной энергии.

Три дня спустя, 13 декабря, в журнале "Тайм" была опубликована маленькая заметка о том, что на заседании комиссии по атомной энергии обсуждалось строительство ядерного реактора в стране, которая не принадлежит ни к НАТО, ни к восточному блоку.

16 декабря лондонская "Дейли Экспресс" сообщила сенсационную новость — Израиль создает атомную бомбу. Газета ссылалась на американские и английские разведывательные службы и упоминала о серьезном беспокойстве в странах Запада.

18 декабря "Вашингтон Пост" вышла под заголовком "Американские чиновники заявляют, что в Израиле секретно сооружается атомный реактор". По сведениям из официальных источников в Вашингтоне, через пять лет израильский атомный реактор сможет обеспечить выпуск атомных бомб, утверждала газета. На следующий день "Нью-Йорк Таймс" напечатала сообщение о том, что израильская атомная программа осуществляется при участии Франции. В тот же день пресс-секретарь "Кэ-д'Орсэ" опроверг сообщение об участии Франции в атомной программе Израиля.

Так взорвалась "израильская атомная бомба" — и эхо этого взрыва разнеслось по всему миру. Вскоре сенсационные факты стали известны во всех подробностях. На основании отчета ЦРУ, в воздушное пространство Израиля был направлен разведывательный самолет типа "У-2", сфотографировавший комплекс странных зданий в Негеве. На вопрос о назначении этих зданий израильские представители отвечали, что это якобы "текстильный комбинат". Однако данные аэрофотосъемки свидетельствовали о том, что эти здания, вне всякого сомнения, представляют собой реактор для атомных исследований, который, по

мнению американцев, можно использовать для выпуска атомного оружия. Выяснилось, что мощность реактора 24 000 киловатт. Реакторы такого типа уже действовали в США, Канаде и Индии. Юмор ситуации заключался в том, что в те самые дни Израиль в торжественной обстановке открыл крохотный атомный реактор в 1000 киловатт, тогда как подпольно сооружался другой реактор, превосходивший первый ровно в 24 раза...

С тех пор, как правда выплыла наружу, Израиль более не пытался отрицать, что сооружает ядерный реактор, но подчеркивал, что на нем будут проводиться лишь мирные исследования. Соединенные Штаты Америки отнеслись к этим заверениям с большой подозрительностью, поскольку реактор сооружался тайно. Английские и американские газеты задавали каверзные вопросы о назначении ядерной установки, которую тайно строят посреди пустыни, выдавая ее за текстильный комбинат, которую охраняют солдаты и полицейские и окружают провололочные заграждения с табличками "фотографировать запрещается". Тревога американцев достигла апогея 19-го декабря, когда президент Эйзенхауэр собрал своих ближайших помощников на чрезвычайное совещание.

В газетах всего мира замелькали сенсационные заголовки. Пристальное внимание журналистов обратилось также на характер помощи, которую Франция оказывала Израилю. Некоторые обозреватели утверждали, что реактор, сооружаемый с помощью Франции, был аналогичен тому, который обеспечил создание французской атомной бомбы.

Американцы оказывали на Израиль грубое давление, пытаясь добиться допуска американских ученых на строящийся реактор. Тем временем в Америке состоялись выборы и был избран новый президент — Джон Кеннеди.

В марте 1961 года у Бен-Гуриона созрело решение — он должен отправиться в США и встретиться с президентом Кеннеди.

В конце мая Бен-Гурион находился с официальным визитом в Канаде, и, по завершении намеченной программы, вылетел в Нью-Йорк. Он страшно нервничал, ожидая встречи с Кеннеди, боясь, как бы непреклонная позиция США в вопросе о реакторе не отразилась на всей системе американско-израильских отношений. Перед отъездом он послал личное письмо генералу де Голлю, где подробно излагал все аргументы, которые собирался представить президенту США по поводу реактора. Де Голль ответил дружеским письмом, в котором одобрял намеченные Бен-Гурионом шаги. В преддверии встречи главы израильского правительства с президентом Кеннеди Израиль пригласил двух американских ученых осмотреть реактор в Димоне. Американские специалисты тщательно изучили реактор и представили отчет администрации.

Встретившись с Бен-Гурионом в Нью-Йорке, Кеннеди любезно рассказал Старику, что американские специалисты, посетившие реактор в Димоне, убедились в точности израильских официальных сообщений. Ученые уверены, что реактор предназначен для мирных исследований и не используется в каких бы то ни было военных целях. Бен-Гурион вздохнул с облегчением. По крайней мере, на данный момент реактор был спасен. Беседа двух руководителей была деловой и благожелательной. Бен-Гурион вспомнил свои впечатления о первой встрече с Кеннеди год назад: "Он показался мне парнем лет 25. Я спросил себя: как такой молодой человек может стать президентом? Я поначалу не воспринимал его всерьез". Обсудив вопрос о реакторе, Кеннеди и Бен-Гурион перешли к ближневосточным делам. В тот момент началось новое сближение США с Египтом, и Кеннеди горел желанием найти решение, которое стабилизировало бы положение на Ближнем Востоке.

Бен-Гурион предложил, чтобы великие державы, в том числе Советский Союз, выступили с совместной декларацией о сохранении статус-кво и отказе от применения силы на Ближнем Востоке. Кеннеди вы-

разил сомнение в том, что Хрущев пойдет на такой шаг. Бен-Гурион изложил Кеннеди просьбу Израиля о поставке ракет класса "земля—воздух" но получил отрицательный ответ.

Присутствовавшие при встрече помощники Бен-Гуриона восхищались молодым и энергичным американским президентом, его манерой вести беседу. Бен-Гурион не разделял их восторга. Заключительные минуты встречи оставили у него ощущение горечи.

После встречи Старик сказал своим сотрудникам: "Он, по-моему, политикан".

В Лондоне ждала Бен-Гуриона волнующая встреча, о которой он мечтал долгие годы. С соблюдением полного церемониала, облаченный в визитку, полосатые брюки и сорочку с "бабочкой", его принял престарелый Уинстон Черчилль. Бен-Гурион встретился, наконец, с тем, кто был его кумиром. "Вы мужественный вождь великого народа — сказал ему Черчилль. Бен-Гурион отвечал: "Ваша стойкость в войне с Германией останется в памяти поколений".

Но был в этой ностальгической идиллии и печальный оттенок. На несколько минут силы изменили Черчиллю, и Бен-Гурион ощутил, что старый лев во многом утратил былую ясность мысли, что он подпадает под власть старости. Выйдя от Черчилля, Бен-Гурион сказал секретарю: "Видишь, Ицхак, что может случиться с человеком. Это, значит, и есть старость?"

Но если не считать этих волнующих минут, можно сказать, что в эту поездку (в отличие от предыдущей), путь Бен-Гуриона не был устлан розами.

Де Голль, встречая Бен-Гуриона в своей канцелярии 6-го июня 1961 года, был более сдержан в общении. Бен-Гурион рассказал ему о беседе с Кеннеди по поводу реактора, но де Голль никак не отреагировал. Молчал он и тогда, когда Бен-Гурион поднял вопрос о сотрудничестве между израильской и французской армиями.

Атмосфера несколько потеплела, когда двое ру-

ководителей и их сотрудники перешли к обеденному столу. В конце обеда де Голль поднялся, чтобы произнести традиционный тост. Подняв бокал, он сказал: "Хорошо, когда друзья видятся снова. Я поднимаю этот бокал за Израиль, нашего друга и союзника".

Это была блестящая концовка краткого визита Бен-Гуриона. Но ее было недостаточно, чтоб заставить Старика забыть о серьезных проблемах, ожидающих его по возвращении в Эрец. В тот же вечер, перед самым отлетом в Израиль, в честь Бен-Гуриона был устроен торжественный ужин. Среди приглашенных были многие известные политические деятели, в том числе Пьер Мендес-Франс. "Я возвращаюсь в Эрец перед самыми выборами, — сказал Старик Мендес-Франсу. — Надеюсь, что мы победим и соберем 51 процент голосов, а тогда сможем изменить саму систему выборов!" Француз недоверчиво покачал головой. "Я не верю, что это вам удастся" — тихо сказал он.

Мендес-Франс оказался прав. Бен-Гурион вернулся в Эрец на злосчастные выборы. Никакие успехи за границей не могли изменить того факта, что в Израиле его положение сильно поколебалось. Мутная волна "дела Лавона" захлестнула и его.

25. ОБРАЗ ВОЖДЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ И ЧЕЛОВЕКА

”Если бы меня спросили, на какой идее зиждились все деяния Бен-Гуриона, — сказал однажды его верный секретарь Ицхак Навон, — то я бы ответил одной фразой: обеспечить существование народа Израиля”.

А от чего зависит существование народа Израиля? На этот вопрос ответил сам Бен-Гурион: ”Судьба Израиля зависит от двух факторов: от его силы и справедливости”.

Два эти принципа составляли не только основу политики Бен-Гуриона, но и самой его личности. Это были две главных цели, к которым он стремился, два императива, побуждавших его к действию — сила и справедливость, войско и дух. Бен-Гурион — государственный деятель — всю жизнь боролся за то, чтобы обеспечить безопасность Израиля, то есть его мощь и силу во всех смыслах. Бен-Гурион — духовный вождь своего народа — пытался укоренить в нем начала справедливости, сделать его провозвестником будущего, превратить его ”в народ избранный, свет для народов”. Жажда справедливости наложила отпечаток и на политическую деятельность Бен-Гуриона. ”Нельзя представить себе государство Израиль без примата духовного начала”, — утверждал он. Но насущная необходимость обеспечить существование государства требовала своего: ”Если вы положите на одну чашу весов все идеалы на свете, а на другую — существование Израиля, я выберу второе. Ибо мертвые не восславят Господа!”

Если судить Бен-Гуриона по его достижениям, то выйдет, что он достиг в области силы большего, нежели в сфере духа. Он укрепил оборону Израиля, сделал его жизнеспособном государством. Но ему не

удалось превратить свою страну в образцовое государство, в путеводную звезду человечества. Большинство поступков Бен-Гуриона было продиктовано жестокой действительностью, и в истории еврейского народа Бен-Гурион останется кузнецом духовной и физической мощи, благодаря которой еврейское государство было создано и сумело выстоять. Выковывание этой мощи перед Войной за Независимость и в ходе самой войны было гигантской, но все же ограниченной задачей — ибо сила эта должна была соответствовать потребностям битвы во времени и пространстве. Куда более тяжелая задача встала, когда стихли бои и Израиль оказался в странном положении между миром и войной. Бен-Гуриона преследовала, не давала ему покоя опасность, угрожавшая самому существованию Израиля.

Чтобы Израиль мог выстоять, Бен-Гурион без устали укреплял Цахал, прилагал гигантские усилия, чтобы оснастить его новейшим оружием, превратить в первоклассную армию. Но отличавшая Бен-Гуриона трезвость анализа и реалистически-мрачный взгляд на вещи приводили его к неизбежному выводу: даже качественно превосходящая противника армия не сможет на протяжении поколений противостоять численному превосходству арабов. Поэтому Бен-Гурион неутомимо искал других гарантий существования своего народа. Такими гарантиями могли служить, с одной стороны, внешняя опора в форме союза с какой-либо западной державой; с другой — повышение обороноспособности Израиля. Достижению двух этих целей посвятил Бен-Гурион свои главные усилия. Все остальные политические и дипломатические цели Израиля были в его глазах мало значащими. Он мало считался с министерством иностранных дел, отводя ему скромную роль — разъяснять позицию Израиля в мире, а поиски союзников и оружия взял на себя или возлагал своей властью на ближайших помощников. Такой политический курс характерен для Бен-Гуриона на протяжении всех лет его пребывания у власти — попытки укрепления связей с

Англией в начале пятидесятых годов; контакты с французскими государственными деятелями, приведшие к снабжению израильской армии новым оружием; план союза с США; пробные шаги в направлении НАТО; переговоры о закупках оружия в Америке и Германии; создание "Периферийного союза", который должен был стать и средством укрепления сил Израиля в борьбе против арабов, и рычагом, способным превратить Израиль в желательного и важного для Запада союзника.

Тактика, которой пользовался Бен-Гурион для достижения этих целей, тоже была характерной для него — чуткость к любым политическим и военным переменам на Ближнем Востоке и во всем мире, использование каждой возможности для новой инициативы (корейская война и международный кризис 1950 года были средством для сближения с Соединенными Штатами, ослабление позиций Англии в Египте в 1951 году стало стимулом для заключения политического и военного союза с нею; Алжирская война 1954 года была фактором, способствовавшим неофициальному союзу с Францией; проникновение Советского Союза в Сирию в 1957 году явилось поводом для получения американской поддержки) и наоборот — потрясения на Ближнем Востоке в 1957 году воспринимались Бен-Гурионом как дополнительный стимул к сближению с Западом и созданию "Периферийного союза", план раздела Алжира — как способ предотвратить окончательное примирение между Францией и арабами, что привело бы к охлаждению франко-израильских отношений.

Большинство своих политических целей Бен-Гурион хранил в строжайшей тайне, и некоторые из них не открывал даже ближайшим помощникам. Скрывание конечных целей также было характерной чертой Бен-Гуриона-политика. Лишь изредка, в моменты сильного волнения, в нечаянной дневниковой записи или случайном письме обнажал он свои тайные замыслы. Так, считанные разы он говорил о том, что в Войне за Независимость стремился освободить всю

Эрец-Исраэль; намекал на территориальные притязания во время речи в Кнесете после Синайской кампании и в послании к войскам, захватившим Шарм-аш-Шейх. Но чаще всего он остерегался преждевременно раскрыть свои планы. В начале 1957 года, вскоре после завершения Синайской операции, Менахем Бегин пришел к Бен-Гуриону в его тель-авивский дом на бульваре Керен каемет. В те дни в их борьбе наметилась краткая пауза и в течение нескольких месяцев взаимоотношения этих двух людей были нормальными. Бегин рассказал Бен-Гуриону, что его пригласили совершить лекционную поездку по Америке, но определенные круги американского еврейства воспротивились его приезду вследствие того, что Бегин выдвигает вредное требование "исторических границ". В ответ Бен-Гурион произнес фразу, которая выдавала его мечты и особенно наглядно характеризовала его политику: "Есть вещи, о которых надо думать, но никогда нельзя говорить вслух".

Бен-Гурион был человек горячий, неумолимый в ненависти, жестокий в войне. "Я рожден для распрей и вражды", — не раз говорил он о себе. У него, безусловно, было множество врагов, и он без устали наносил им удары. Но так же сильно умел он любить, почитать, восхищаться. Из крупных политиков, с которыми ему доводилось встречаться, он высоко ценил Черчилля, де Голля и, в меньшей степени, Аденауэра. В письмах к ним и в беседах с ними Бен-Гурион держался скромно, даже робко, и совсем не отдавал себе отчета в том, что его собственные заслуги на весах истории не уступают их деяниям. Он глубоко почитал Джавахарлала Неру, питал теплые чувства к главе правительства Бирмы У Ну, хоть и не слишком понимал его безоглядную приверженность буддизму. С глубоким уважением относился он к людям искусства и науки, даже если резко расходился с ними в политических вопросах. Высказывания Бен-Гуриона об Эйнштейне, его письма к Швейцеру, переписка с Бертраном Расселом, полемика с израильскими мыслителями, писателями и учеными — обнаруживают

глубокий интерес и к личности корреспондента, и к сфере его деятельности. Бен-Гурион отводил израильской и еврейской интеллигенции первостепенную роль в деле национального возрождения, надеялся, что она даст ему оружие, с помощью которого можно будет сделать Израиль "светочем для народов". Но непроизвольную, исконную любовь питал он к людям совсем иного сорта — простым, скромным и неизвестным земледельцам, осваивающим пустыню, к халуцам.

Бен-Гурион высоко ценил смелость во всех ее проявлениях — будь то смелость халуца, который решил поселиться среди враждебной природы и изменить ее законы, смелость подпольщика, ведущего опасную, полную неожиданностей борьбу, или смелость солдата, идущего в бой. Он осуждал путь борцов Эцела и Лехи, но открыто восхищался их мужеством. Он превозносил государственные таланты Игаэля Ядина, прославлял солдатскую стойкость Маклефа и Ласкова, но признавался, что более всего он преклоняется перед героизмом двух других военных — Моше Даяна и Ариэля Шарона. Сам он был человеком исключительного мужества, сочетая физическую смелость с духовной. Во время Войны за Независимость он, пренебрегая опасностью, оставался в штабе во время воздушных налетов, и помощники отчаялись уговорить его спуститься в бомбоубежище. Когда в бытность его министром обороны, офицеров Цахала охватила "парашютная лихорадка", 68-летний Бен-Гурион тоже решил пройти курс прыжков с парашютом. Он не успокоился и не сдался, пока начальник генштаба Моше Даян не сказал ему: "Если вы собираетесь записаться в Армию Обороны Израиля, то должны подчиняться приказам. Приказ таков: оставайтесь министром обороны. Это ваше призвание".

Бен-гурионовская смелость ярко проявилась в тех исполинских целях, которые поставил он перед своим народом и которые были плодом его отважной, дерзновенной мысли, восстающей против общепринятого, разбивающей привычные рамки и правила.

Человек, лишенный подлинной отваги, не мог бы привести свой народ к таким рубежам, как провозглашение государства, создание армии, освоение Негева, развитие округа Лахиш, сооружение ядерного реактора в Димоне, строительство современной авиационной промышленности... Каждая из этих задач и все они, вместе взятые, были решены вопреки мнениям и советам специалистов в конкретных областях. Об одном, пожалуй, самом поразительном из подобных случаев рассказал нам Иехошуа Кохен:

”После Синайской операции поселенческие учреждения решили аннулировать план создания цепи поселений вдоль египетской границы, вблизи Ницаны, ссылаясь на нехватку воды. Чтобы убедить Бен-Гуриона, ответственные работники поселенческих организаций пригласили его на пространное заседание. Ему читали лекции, объясняли ”с картой в руках”, почему невозможно создать эти поселения и, наконец, выложили решающий аргумент: ”Специалисты утверждают, что в этих местах пустыню возделывать нельзя”. Бен-Гурион гневно выпрямился и произнес: ”Значит, надо сменить специалистов!”.

Тридцать лет — с тех пор как в 1933 году повел он свою партию на ”завоевание сионистского движения” и вплоть до отставки в 1963 году — был Бен-Гурион вождем еврейского населения Эрец-Исраэль. Апогей его авторитета, ”бен-гурионовская эра”, приходится на годы между 1942, когда была принята Билтморская программа, и 1953, когда он первый раз ушел в отставку и переехал в Сде-Бокер. В этот период он принял решения великой исторической важности. Его возвращение в правительство в 1955 году в качестве министра обороны, приведшее к Синайской операции и к победе в ней, принесло Бен-Гуриону еще четыре блистательных года, которые совпали с ”золотой полосой” в истории государства Израиль в конце 50 годов. В 1960 году начался закат Бен-Гуриона. Это был длительный и отнюдь не непрерывный процесс, когда взлеты чередовались с падениями.

Бен-Гурион смирился с состоянием статус-кво на

восточной границе. Уже задолго до Шестидневной Войны он отказался от каких бы то ни было планов, связанных с завоеваниями, в результате которых к Израилю были бы присоединены заселенные территории. Захват Западного берега он рассматривал теперь только как вынужденный шаг в случае установления египетского или иракского господства в Иордании.

Бен-Гуриону не давала покоя арабская проблема. Время от времени он пытался подступиться к ней, выдвигая разнородные и смелые мирные предложения. Но он не видел возможности решить эту проблему в ближайшем будущем. У него не было никакого душевного тяготения в арабам. За все годы пребывания у власти он, как уже упоминалось, лишь один-единственный раз, в 1959 году, накануне выборов в Кнесет, посетил арабскую деревню, Бакаэль-Гареле. Считанные разы, главным образом перед выборами, принимал он делегации арабских старейшин. Он провозгласил гражданские права арабов — жителей Израиля — и требовал уважать эти права, но решительно настаивал на сохранении военного управления в арабских поселениях. Военные гарнизоны он считал жизненно необходимой гарантией внутренней безопасности государства. Когда министерство внутренних дел выпустило новый тип удостоверений личности, с параллельным текстом на иврите и арабском, Бен-Гурион некоторое время упрямо отказывался получать такое удостоверение.

Свой подход к арабской проблеме Бен-Гурион четко сформулировал в 1967 году: ”Не существует вообще никакого исторического права, но история нашего народа и земли нашей — единственная в своем роде. Нет народа, который, будучи оторван от своей родины и рассеян среди других народов, чувствовал бы после двух тысячелетий изгнания непрерывную связь с нею. У арабов есть право на Эрец-Исраэль, но нет такого права у арабской нации. Только один народ имеет право на Эрец-Исраэль — ибо нет у него другой страны... У арабского же народа есть множество стран и заселены они лишь в незначительной степени”.

Мысли Бен-Гуриона отпились в стройную систему образов, символов, формулировок. В некоторых из них, безусловно, проглядывает неосознанное стремление подразделить людей, ситуации и концепции на четкие группы и категории, согласно привычному для него образу мышления. Бен-Гурион придавал большое значение национальным символам, символическим формулам и церемониям, которые содействовали созданию эталонов израильского образа мысли и действия. Бен-Гурион взял себе за правило посылать каждому начальнику генштаба в день его вступления в должность и ухода в отставку приветственное послание, где, в обрамлении высокопарных похвал содержалась трезвая оценка его деятельности. Он имел обыкновение каждое воскресенье обедать у президента, каждый год писать статью в правительственной сборник, встречаться с журналистами на традиционном приеме 29 ноября и т. д. и т. п. У него были постоянно в ходу расхожие штампы: "два символа современного человека" (вождение автомобиля и печатание на машинке), "трое истинных сионистов" (имена которых иногда менялись в соответствии с направлением мыслей Бен-Гуриона), "два принципа безопасности" и тому подобное. Он умел отчеканить лозунг — одновременно воодушевляющий и исчерпывающий. Он понимал, что штампы и лозунги помогают нагляднее объяснить народу отвлеченные понятия и цели; при всем при том он следил за тем, чтобы не скатиться к треску и пустопорожней символической.

Самой удивительной чертой Бен-Гуриона была его детская наивность. Свежим и восторженным взглядом подростка глядел он на мир, когда его товарищи уже взирали вокруг скептически и без иллюзий. Его приводили в восторг фокусники и мастера быстрого счета. Однажды Бен-Гурион наголо обрил свою шею, повязался платком до ушей и начал выпытывать у служащих своей канцелярии "Ну, можно меня узнать?" Зачем он сделал это? Потому что хотел выйти на улицу и поглядеть "как живут евреи", подобно

тому, как хаживал, бывало, по багдадским базарам халиф Гарун аль-Рашид.

В середине 1959 года у Бен-Гуриона появилось новое хобби — он начал встречаться с гадалкой. Звали ее Сали Линкер, она была румынская еврейка, наделенная, видимо, необыкновенными талантами и провидческим даром. Случайно познакомившись со служащей аппарата Мапай Ханой Ламдан, она попросила устроить ей встречу с Бен-Гурионом, ибо "она получила для него известие". Через несколько дней Ицхак Навон привез ее к Бен-Гуриону. Они долго проговорили наедине, и в дневнике Старик назвал ее "испытательницей сердца". Она подробно рассказала Бен-Гуриону о нем самом и о людях, занимающих его мысли, в том числе о Пинхасе Лавоне, Голде Меир и Моше Даяне. Сали Линкер говорила по-французски. Старик сидел перед нею, склонив голову, с широко раскрытыми глазами и, как зачарованный юноша, внимал каждому ее слову. "Я разочаровался в ней", — записал он в дневнике. Неужели? Зачем же тогда он на четырех листах со всеми подробностями записывает ее пророчества?

Сали предсказала ему исход ближайших выборов. Как только они закончились, Хана Ламдан пришла к Бен-Гуриону и напомнила ему, до какой степени оказались верными прорицания "румынки Сали". Бен-Гурион и сам вспоминал ее слова: "Несколько месяцев назад... она предсказала мне, что после выборов будет хорошо, очень хорошо, но я не обратил на это внимания, да и теперь сомневаюсь в том, существует ли у человека способность видеть будущее".

Одно из первых мест в бен-гурионовской иерархии ценностей принадлежало правде. Он был фанатичным приверженцем правдивого слова. Однажды произнесенная ложь была, по его мнению, достаточной причиной для того, чтобы навсегда прогнать даже близкого человека. Бен-Гурион был готов без предварительных разбирательств верить каждому, но если ловил человека на нечестном поступке, ярости его не было предела. "До тех пор, пока я не убедился, что

человек действительно нечестен, я к каждому отношусь с полным доверием”, — говорил он о себе. При этом он признавался, что “не понимает” в людях и считал, что его жена Поля разбирается в них куда лучше него.

За год, проведенный Бен-Гурионом в Сде-Бокер, супруги снова сблизились. Решив переехать в киббуц, Старик сказал жене: “Ты не обязана ехать со мной. Я еду в пустыню, жить там трудно. Если хочешь, оставайся в Тель-Авиве. Я буду раз в две недели навещать тебя и ты сможешь каждые две недели приезжать ко мне”. Но Поля отказалась от этой идеи и уехала с ним в Негев. Он был страшно растроган. Одна из его последних книг посвящена Поле. На титульном листе воспроизведена факсимильная надпись с цитатой из Иеремии: “Поле с любовью. ”Я помню о благосклонности ко мне в юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестой, когда последовала за мною в пустыню, в землю незасеянную”. Давид”.

В год, прожитый в Сде-Бокер, Бен-Гурион и вправду чувствовал, что Поля близка ему, и дорожил этой близостью. Когда она на несколько дней уезжала в Тель-Авив, он не находил себе места. “Наш домик пуст, без тебя тяжело... Когда ты вернешься?” Поле и в самом деле очень трудно давалась жизнь в киббуце. Она поехала за мужем в Негев, потому что любила его и знала, что ее место подле него, но ей не хватало города, подруг, не раз ей бывало грустно. Бен-Гурион этого не осознавал. Погруженный в свой мир, в записки, книги, он не замечал душевного состояния окружающих.

Бен-Гурион не привык уделять внимание ни Поле, ни остальным членам семьи. Он почти не встречался с сестрами и братом Михалем, державшим киоск прохладительных напитков в северном Тель-Авиве. Дети выросли, у них появились свои семьи, родились внуки. Бен-Гурион старался быть хорошим дедом, из года в год переписывал в дневник дни рождения внуков, чтоб не забыть поздравить их и порадовать подарком. Первый его внук, Ярив, был сыном старшей

дочери Геулы. Вторым женился Амос; он взял в жены молодую англичанку по имени Мэри, которая служила медсестрой в военном госпитале в Лондоне и ухаживала за ним после ранения, полученного во время службы в британской армии. Поля была против того, чтобы Амос женился на нееврейке и просила Бен-Гуриона повлиять на сына. Но Бен-Гурион не стал делать ничего подобного. Поле он, правда, отписал, что старается помочь Амосу "выпутаться из затруднительного положения", но встретившись с Амосом и Мэри, от всего сердца пожелал им счастья.

Последней вышла замуж Ренана. Она всегда была любимицей Бен-Гуриона, а потом завоевала и его уважение тем, что хорошо училась, получила степень доктора, а затем и звание профессора микробиологии. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов он любил по вечерам, обычно в четверг, ужинать в доме Ренаны и разговаривать с ее друзьями.

Огромное удовольствие доставляли Бен-Гуриону субботние вечеринки у Ренаны. Он встречался там с учеными: профессором А. Д. Бергманом, Амосом де-Шалитом, Ахароном Кациром, иногда появлялись гости из-за границы. Бен-Гурион проводил с ними долгие часы, обсуждая различные научные и философские темы. Одна из любимейших его тем была "человек и машина". Некоторые из присутствующих, в первую очередь Амос де-Шалит, уподобляли человека машине. Старик же страстно верил в превосходство человеческого духа.

Однажды, услышав от профессора Бергмана определение "нигде, кроме Земли, жизни не существует", Бен-Гурион вскипел. Ренана вспоминает, что отец был просто ошеломлен. "Да как он осмеливается говорить такое? — сказал Бен-Гурион дочери. — Он же умный человек. Ясно ведь, что жизнь есть и на других планетах". Старик очень нравилось поддразнивать Ахарона Кацира научными загадками, которые он вычитывал из американского журнала "Scientific American".

Эти вечера в доме Ренаны вносили совершенно но-

вую струю в занятия Бен-Гуриона. Ему нравилась царившая там интеллектуальная атмосфера. Он держался как человек, принадлежащий к тому же кругу. Ренана и ее молодые приятели увлекались играми: каждый должен был движениями и мимикой изобразить пословицу, заголовок книги, спектакля или фильма. Старик с удовольствием и вполне успешно участвовал в забавах молодежи.

Но была еще одна, более глубокая причина, привлекавшая Бен-Гуриона в дом дочери, на эти бесконечные диспуты о проблеме "человек-машина". В то время он из-за собственного состояния здоровья начал интересоваться биологией. В предшествующие годы Бен-Гурион углубленно занимался иудаизмом, историей Эрец-Исраэль и древнегреческой государственности, западной философией и религиями Азии. Но с тех пор, как в 1955 году он надолго свалился с тяжелой болезнью и почувствовал, что его физические силы не вечны, он стал заботиться о своем здоровье и всерьез интересоваться вопросами жизни и смерти. Он пунктуально посещал врачей всякий раз, как чувствовал себя плохо, стал преданным адептом доктора Фельденкрайза, научившего его увеличивать нагрузки на организм, ежедневно удлиняя пешеходные маршруты. Такие походы стали неотъемлемой особенностью образа жизни Бен-Гуриона.

Озабоченность своим здоровьем и надвигающейся старостью увеличивала интерес Бен-Гуриона к биологии. Больше всего занимал его человеческий мозг. Бен-Гурион всегда гордился своей феноменальной памятью и когда увидел, что начинает забывать имена и разные подробности, в сердце его закралась глубочайшая тревога. Он знал, что процесс старения начинается с мозга, который теряет 100 миллионов клеток ежедневно. Забывчивость он называл "сигналом тревоги, который возраст подает мозгу". Быть может, он тянулся к беседам с биологами и книгам по биологии в надежде замедлить наступление старости, приводившей его в ужас. В более поздние годы, уже уйдя в отставку, он бывал страшно угнетен, когда замечал,

что память ему изменяет. Иногда он пытался успокоить себя тем, что забывчивость появляется у него под влиянием снотворного, которое он принимал каждый вечер.

После семидесяти он частенько приговаривал: "Когда я был молодым, я изучал право. Если б я мог сейчас начать все сначала, я бы выбрал биологию".

На самом деле Бен-Гурион не прекращал учиться всю свою жизнь. Он был книжником в полном смысле этого слова. В его тель-авивском доме и в маленьком домике в Сде-Бокер собрана одна из богатейших частных библиотек по филологии, иудаизму, истории, политическим вопросам. Бен-Гурион глотал книги с ненасытной жадностью. В начале пятидесятых годов он стал учиться у Ицхака Навона испанскому языку, так как хотел прочесть "Дон Кихота" в подлиннике. Но, как правило, он был не способен читать романы и беллетристику; редкие книги составляли исключение.

Интерес Бен-Гуриона к вопросам философии и истории далеко выходил за рамки иудаизма и еврейского народа. Он переписывался и вел дискуссии с мыслителями и религиозными деятелями всего мира. Интенсивные занятия Бен-Гуриона вопросами философии нашли отражение и в глубоких нравственных принципах, на которых основывался его политический курс. И в политике он не замыкался в кругу чисто израильских проблем. Он внимательно всматривался в отношения между главными мировыми силами, в конфронтацию великих держав, в процесс возникновения и краха могущественных империй и коалиций. Он имел четкие понятия о роли Китая в завтрашнем мире, об объединении Европы, о будущем Африки, о развитии отношений между Востоком и Западом. Главы великих мировых держав, встречаясь с Бен-Гурионом, неожиданно для себя понимали, что это не просто руководитель крохотного ближневосточного государства, но опытный политик, напряженно раздумывающий над теми же глобальными проблемами, которые занимают их, человек, способ-

ный предложить им новые впечатляющие концепции. Это качество, которое они открывали в Бен-Гурионе, усиливало их уважение к нему, даже если они и не соглашались с большинством его концепций. Де Голль не принял его подхода к вопросам объединения Европы, Кеннеди не прислушался к его совету улучшить отношения с Советским Союзом. Но оба они поняли, что по интеллектуальному уровню и политическому кругозору Бен-Гурион является одним из виднейших руководителей земного шара.

И все же, Бен-Гурион был прежде всего вождь еврейского народа. Не было еще у государства Израиль руководителя, который до такой степени чувствовал свою кровную связь с историей и культурой еврейства, который бы до такой степени символизировал собой свой народ, так любил культурно-историческое наследие своих предков. Он более, чем кто-либо другой, жил Библией, культурой Израиля, питал огромное уважение к еврейской религии и тем, кто ее исповедует.

Эта пламенная любовь к народу Израиля, тревога за его жизнь, его будущее, полное слияние с интересами своего народа, постоянная забота о его благе, не дававшая ни минуты покоя, стоявшая выше любых принципов, способная заглушить даже голос совести, эта беспредельная преданность делу всей жизни, заставлявшая его непрестанно сражаться со своими и чужими, и определила путь Бен-Гуриона — политика и вождя.

26. "ДЕЛО ЛАВОНА"

29 октября 1957 года, в разгар пленарного заседания Кнесета с галереи для гостей невысокий смуглый юноша бросил на стол правительства какой-то небольшой предмет. Сильный взрыв сотряс стены здания. Предмет, брошенный с галереи, оказался гранатой типа "Миллс". Она взорвалась рядом с креслом министра по делам религий Моше Шапира, тяжело ранив его. Голда Меир, Моше Кармел и Давид Бен-Гурион получили более легкие ранения. Бен-Гурион был ранен в руку и ногу осколками гранаты. Раненых немедленно отправили в больницу Хадасса. Злоумышленника схватили. Выяснилось, что зовут его Моше Дуэк, что он душевнобольной и, по его словам, совершил покушение, чтобы отомстить за плохое отношение к нему Еврейского Агентства.

На следующий день, еще находясь в больнице после операции, Бен-Гурион послал письмо родителям Моше Дуэка. Почерк у Старика был еще неуверенный, искривленный. "Я знаю, что вы, вместе со всем народом Израиля, сожалеете о глупейшем и отвратительном преступлении, совершенном вашим сыном. Вы в нем не виноваты. Вы живете в государстве Израиль, которое основано на честности и справедливости, и я надеюсь, что ни с вами, ни с другими вашими детьми не случится ничего плохого, что вы сумеете воспитать их для добрых дел, привить им любовь к еврейскому народу".

Совершившееся покушение потрясло израильскую общественность. Из Тель-Авива примчался перепуганный Нехемия Аргов. В течение нескольких последующих дней он почти не отходил от кровати Бен-Гуриона.

В субботу 2 ноября, побыв неделю в Тель-Авиве,

Нехемия снова отправился в Иерусалим. В дороге он на секунду потерял управление, и его машина врезалась в ехавшего рядом велосипедиста. Когда пострадавший, Давид Кадош, был доставлен в больницу, врачи выразили сомнение в том, что смогут спасти его. Давид Кадош был женат и имел четырех детей.

Услышав об этом, Нехемия заперся в своей комнате, и приложив пистолет к виску, покончил с собой. На столе его остались два письма: одно к товарищам, другое, в запечатанном конверте, к Бен-Гуриону. Товарищам Нехемия написал: "Сегодня я сбил велосипедиста Давида Кадоша. Боюсь, что он не выживет... Поверьте, я не могу этого пережить".

Некоторые считали, что на Нехемию тяжело повлияло недавнее покушение на Бен-Гуриона. Он всегда думал, что если бы кто-нибудь покушался на жизнь Бен-Гуриона, а он, Нехемия, сумел бы заслонить его своим телом — это было бы самым прекрасным завершением его жизни.

Нехемия Аргов горячо любил Бен-Гуриона. На оставленной им Бен-Гуриону картине он сделал краткое посвящение: "С любовью". В течение тех лет, что Нехемия был секретарем и доверенным помощником Бен-Гуриона, он не только работал не за страх, а за совесть, но и охранял "своего" Бен-Гуриона, преданно ухаживал за ним. "Если осталось мне что-нибудь в жизни, то это работа, выпавшая мне на долю, давшая мне возможность быть рядом с этим великим человеком, который заполнил собою все мое существо", — записал он однажды в дневнике.

Бен-Гурион не любил проявлений экстаического обожания Нехемии. Однако он знал, что Аргов предан ему душой и телом, и потому чувствовал себя в его обществе совершенно раскованно, без опаски раскрывался перед ним. В присутствии Нехемии Старик говорил абсолютно свободно, как будто наедине с собой. Он во всем полагался на своего военного секретаря и покорно подчинялся его приказаниям. Нехемия и вправду командовал Стариком — то велел надеть пальто, то отдохнуть, то отложить какое-ни-

будь дело — и Бен-Гурион слушался. Бен-Гурион доверял Нехемии решать, каких посетителей следовало ему принимать, какие письма читать, какими вопросами заниматься. Вряд ли среди всех окружавших Бен-Гуриона людей был ему кто-нибудь ближе Нехемии. На любовь своего младшего друга он отвечал искренней симпатией и привязанностью.

Трагическая смерть Аргова повергла товарищей в замешательство — они не знали как сообщить о происшедшем Бен-Гуриону. Старик еще не оправился после ранения, и ближайшие помощники решили на несколько дней отложить мрачное известие. К этому заговору молчания примкнули и редакторы газет — впервые за историю израильской прессы несколько газет выпустили особый одностраничный номер, где не упоминалось о смерти Нехемии Аргова. Этот выпуск и был доставлен Бен-Гуриону. Наконец 5 ноября в палате Бен-Гуриона появились Шимон Перес, Тедди Колек и Моше Даян. Моше Даян и рассказал Старику о смерти Нехемии. Бен-Гурион был сражен. Молча вскрыл он конверт, оставленный ему Нехемией. "Мой дорогой, любимый Бен-Гурион, — писал Нехемия своим четким аккуратным почерком, — содержанием моей жизни было служение вам. Я глубоко верю, что если бы не ваша удивительная личность, еврейский народ не достиг бы независимости и нынешнего положения в мире... У меня нет сомнений в том, что поступок, который я собираюсь совершить, продиктован слабостью, недостойной того, кто работает рядом с вами. Вы — человек сильный и, конечно, хотели бы, чтобы ваши сотрудники были такими же и не сдавались перед трудностями, подстерегающими нас на каждом шагу. Простите меня за эту слабость и не огорчайтесь слишком из-за меня — я этого не стою...

Вы должны и дальше руководить этим "жестоковым народом" — заключил свое последнее письмо Нехемия. — Будьте здоровы и сильны, ибо эти люди нуждаются в вас, даже те, кто не сознает этого. Любящий вас Нехемия".

Окончив читать, Бен-Гурион, ни слова не сказав,

сперва откинул голову, потом медленно повернулся спиной к гостям. Никто не проронил ни слова. И тогда в воцарившейся тяжелой тишине из груди Старика вырвались сдавленные рыдания.

Две недели спустя, еще не сняв повязок, глава правительства поднялся на трибуну Кнесета, чтобы открыть политические дебаты. Первые его слова были посвящены Нехемии:

”Отличительной чертой характера Нехемии была безграничная способность к верности и преданности. Он был наделен редчайшим и ценнейшим даром Господним — даром великой любви. Это было всепоглощающее пламя, ни на минуту не затухавшее в нем. И в огне этого пламени он погиб, раздираемый любовью и мукой.

Позвольте же мне здесь почтить его память минутой молчания”.

В тот черный день, когда Моше Даян сообщил ему о смерти Нехемии, Бен-Гурион, взяв за руку начальника генштаба, попросил его: ”Моше, останься в армии”.

Даян твердо решил уйти с поста начальника генштаба, несмотря на весь натиск Бен-Гуриона. Но Бен-Гурион упрямылся. ”Все мое время”, — угрожал он Даяну. В конце концов ему пришлось сдаться и, проведя тур переговоров с начальниками отделов, Старик решил назначить новым начальником генштаба Хаима Ласкова.

В конце января состоялась церемония смены руководства. В прощальном послании Моше Даяну Бен-Гурион отметил два качества, сделавшие его одним из выдающихся солдат Армии Обороны Израиля: почти бесшабашная смелость, уравновешиваемая глубоким стратегическим и тактическим анализом. Бен-Гурион подчеркнул также ”величайший военный талант Даяна и его всестороннее понимание политической обстановки”.

При всей своей любви к другим солдатам и офицерам израильской армии, именно в Даяне видел Бен-Гурион лучшего командира Цахала. Даян выде-

лялся и своими блестящими политическими способностями. С той минуты, как Даян оставил армию и занялся политической деятельностью в Мапай, началась открытая борьба между старыми руководителями партии и ее молодыми силами.

Впервые после создания государства у молодежи Мапай появился так недостававший ей лидер.

11 марта 1958 года в генштабе состоялась церемония отставки Моше Даяна. Не прошло и трех недель, как Бен-Гурион по своей инициативе созвал руководителей "молодого поколения" Мапай на конференцию по вопросу "о роли молодого поколения в государстве".

Своими впечатлениями об этой конференции Бен-Гурион поделился с секретарем Мапай Гиорой Йосефталем во время их беседы, состоявшейся в начале мая и имевшей решающее значение для дальнейших событий. "Я намереваюсь говорить на съезде (Мапай) о необходимости введения молодых кадров в руководство партии. У нас есть три поколения, или три типа: первый — это те, кто родились в галуте, сформировались там, галут остался в их сердцах и поныне. Второй тип — те, кто восстали против галута, отреклись от него и приехали сюда, чтобы совершить здесь революцию; они, действительно, совершили ее в тех условиях, которые существовали тридцать или пятьдесят лет назад, но они и по сей час живут в обстановке пятидесяти- или тридцатилетней давности, этих лет будто и не бывало для них. Есть, наконец, поколение, родившееся здесь до провозглашения государства, и молодое поколение, воспитанное уже в период существования государства — все те, кому было по десять лет, когда было создано государство Израиль. Это будущее нашего народа. Они уже совершили великие подвиги, сражались в Войне за Независимость и в Синайской кампании и показали, на что способны. И надо возложить на них руководство страной и партией — пока что вместе со старшими, но уже ненадолго. По этому вопросу в партии начнутся разногласия, но с ними надо справиться".

Эти слова предвосхищали жестокую "войну за наследство", которая в ближайшие годы разразится между старым и молодым поколением и послужит фоном для "дела Лавона". Слова эти свидетельствуют о том, что Бен-Гурион не только поддерживал выдвижение молодых, но и был его инициатором. Они показывают также, что подозрения старого поколения Мапай были оправданными: Бен-Гурион действительно решил в середине 1958 года постепенно оттеснить их от власти и поставить вместо них молодежь. Однако он стремился не к резкой смене руководства, а пытался сделать этот процесс постепенным.

План включения молодых в руководящие органы оформился у Бен-Гуриона к началу ноября. Он решил ввести в состав правительства, которое будет создано после выборов, трех молодых деятелей: Аббу Эвена, Моше Даяна и Игаэля Ядина. Пересу он отводил пост заместителя министра обороны. Старик говорил с Даяном о его планах на будущее, но тот продолжал уклоняться и утверждал, что не хочет выставлять свою кандидатуру на выборы в Кнесет. Несмотря на это, Бен-Гурион решил, что Даян должен занять в будущем правительстве пост министра сельского хозяйства. С Эвеном Бен-Гурион переговорил, когда тот приехал в Эрец, чтобы произнести речь на церемонии памяти Вейцмана. Эвен намеревался окончательно вернуться на родину лишь в середине 1959 года, но уже был избран президентом Института им. Вейцмана. Старик уговорился с Эвеном, что он будет баллотироваться в Кнесет и получит в новом правительстве пост министра без портфеля. По словам Эвена, Бен-Гурион обещал ему, что если Голда уйдет в отставку, к нему перейдет министерство иностранных дел. Но Игаэль Ядин, который уже тогда серьезно занимался наукой и был крупным специалистом в области археологии, так и не согласится выполнить просьбу Бен-Гуриона.

Отказ Ядина сильно огорчил Старика. Он очень

высоко ценил Ядина и прочил ему блестящую карьеру.

Но еще до того, как Ядин отклонил предложение Бен-Гуриона, взбунтовалась его партия. Когда Бен-Гурион рассказал Голде о содержании своих бесед с Ядином, Даяном и Эвеном, она тут же сказала (уже не в первый раз), что после выборов не останется в правительстве. Секретарь Гистадрута Пинхас Лавон также восстал против выдвижения молодежи. Буря разилась и в аппарате Мапай.

Неоднократные попытки Бен-Гуриона примирить стариков и молодежь не увенчались успехом. Он, правда, добился видимости мира в партии, но фактически поединок стал даже более ожесточенным. Старое поколение Мапай во главе с Голдой Меир, Залманом Араном, Пинхасом Лавоном и Пинхасом Сапиром вело против молодых непрекращающуюся борьбу.

С самого начала избирательной кампании 1958 года Бен-Гурион замыслил с помощью молодого руководства привлечь на свою сторону молодежь страны. Не ограничиваясь включением имен молодых кандидатов в список на выборах в Кнесет, он в выступлениях перед народом и партией постоянно подчеркивал, что молодые пользуются его личной поддержкой. Он добился участия Даяна в работе нескольких центральных предвыборных конференций партии и поставил его во главе штаба молодых. Когда Эвен вернулся из Вашингтона, Бен-Гурион в нескольких речах с необычайной похвалой отозвался о нем. На собрании в Институте им. Вейцмана Старик назвал его "самым замечательным израильским послом нашего поколения". Сомнительно, чтобы подобные панегирики были по душе старой гвардии, которая предпочла скрыть свой гнев до окончания избирательной кампании, а пока изливала досаду только в своем кругу. У Бен-Гуриона был долгий примирительный разговор с Голдой. Но все примирительные беседы, все обещания, все красивые слова не стоили

для "стариков" Мапай и выеденного яйца в сравнении с демонстративными проявлениями симпатий Бен-Гуриона к его "молодым протеже", которые достигли наивысшего размаха за сутки до выборов, когда Бен-Гурион неожиданно появился на массовом митинге в поддержку Моше Даяна. Бывший начальник генштаба выступал в тот вечер в Кфар-Шалом. Старик записал: "Я приехал туда без пяти семь, когда по закону предвыборные собрания полагалось уже заканчивать. Поднялся шум, Моше должен был прекратить свою речь и собравшиеся потребовали, чтобы я выступил. Я сказал, в чем сила Моше Даяна — командира Цахала: в мужестве, вере в народ, ответственности за порученное дело, любви к еврейству. На меня накинулись с поцелуями и я с трудом ушел". Этот символический акт поддержки Даяна был последним аккордом, которым Бен-Гурион счел нужным завершить свою предвыборную кампанию.

3-го ноября состоялись выборы в Кнесет. После опубликования результатов стало ясно, что Мапай одержала самую крупную в своей истории победу. Она получила семь дополнительных мандатов, что дало ей в общей сложности 47 мест. В тот день, 3 ноября 1959 года, партия Бен-Гуриона достигла предела своего могущества.

Естественно, что многие комментаторы связывали внушительную победу Мапай с молодыми силами, появившимися в ее руководстве. Но если кто-нибудь тешил себя надеждами на то, что после выворов замрет вражда между старым и молодым поколениями, и старики признают вклад молодежи в усиление партии, он жестоко ошибался. Наоборот: выборы укрепили силы и положение молодых, и старый аппарат стал усердно оборонять свои позиции. Он в полном составе поднялся на борьбу; ударная группа: Лавон, Шарет и троица Голда-Аран-Сапир, которая получила русское прозвище "тройка".

Голда Меир и Залман Аран подняли знамя восстания. Они наотрез отказались участвовать в новом правительстве. К этому Бен-Гурион не был готов.

Он направил главные усилия на то, чтобы убедить Голду Меир и Залмана Арана вернуться в правительство и умиротворить Пинхаса Лавона.

Только в конце ноября Голда согласилась вернуться в министерство иностранных дел. В тот же день Аран тоже выразил согласие продолжать работу.

За согласие Голды пришлось заплатить. Бен-Гурион намеревался использовать Эвена как своего рода министра пропаганды, в обязанности которого входило бы разъяснять позицию Израиля за границей. Голда наотрез отказалась, она воспротивилась даже тому, чтобы канцелярия Эвена расположилась в здании министерства иностранных дел. Бен-Гурион покорился. С Лавоном он тоже нашел, хоть и неустойчивый, модус вивенди.

16 ноября Бен-Гурион представил Кнесету свое новое правительство, Даян был назначен министром сельского хозяйства, Гиора Иосефталъ — министром труда и строительства, Абба Эвен — министром без портфеля. Перес стал заместителем министра обороны. Голда, Аран, Эшкол и Сапир продолжали работать на прежних постах.

Но утихли ли на этом страсти? Под тонким слоем пепла тлели горячие уголья. Старики и молодежь почти непрерывно обменивались ударами.

Бен-Гурион вновь поднялся на защиту молодых. Они сплоченной группой держались позади него, а он прокладывал им дорогу, невзирая на противодействие и тревогу своих старых товарищей. Замечал ли Бен-Гурион, что между ним и его старой гвардией воцаряется все большее отчуждение, что вихрь горечи и злобы вырывает из их сердец чувства доверия и уважения к нему?

Конфликт поколений создал новую обстановку внутри Мапай. И обстановка эта служит главным ключом к пониманию событий 1960-65 годов, которые вошли в историю государства Израиль под названием "дело Лавона".

Один за другим отходили от Бен-Гуриона его то-

варищи, вместе с которыми он уже много лет нес бремя власти. Первым, кто повел себя как ярый враг Бен-Гуриона, был Моше Шарет. После своего ухода с поста министра иностранных дел Шарет стал угрюм, ущемленное самолюбие заставляло его без конца ворошить мысли о совершенной по отношению к нему несправедливости. С течением времени его обида перешла в глубокую неприязнь к Бен-Гуриону.

Так Бен-Гурион потерял одного из ближайших друзей, который в прошлом, несмотря на все разногласия, был исключительно лоялен по отношению к нему, всегда вставал на его сторону в критические минуты борьбы. Теперь, когда в Мапай началась война между старым и новым поколением, было ясно, что Шарет и мизинцем не пошевелит, чтобы помочь Бен-Гуриону.

Голда Меир тоже все более отходила от Старика, соскальзывая постепенно в антибенгурионовский стан. В прошлом она была безмерно предана ему. В политических вопросах она занимала более бенгурионовскую позицию, чем сам Бен-Гурион. Однако за последние годы Голда оказалась в сильном замешательстве. Она по-прежнему преклонялась перед Стариком, без колебаний подчинялась его партийному и государственному авторитету. Но война поколений внутри партии и конфликтные отношения между ее министерством и министерством обороны, а в личном плане — между нею и Шимоном Пересом вызвали в ней отчаянное противодействие натиску молодых. Ее верность партии как товарищескому братству, сердечные нити, связывавшие ее с поколением людей, прошедших вместе долгий путь, усиливали в ней враждебность к молодежи, казавшейся ей тщеславной и циничной. На этом фоне испортились и отношения Голды с Бен-Гурионом.

Через две недели после выборов, в чистосердечном разговоре Голда излила долю накопившейся в ней досады. Она ведь с самого начала не хотела быть министром иностранных дел, говорила Голда Бен-Гуриону, но ее позвали и она пошла. Однако вскоре у

нее возникло ощущение, что Бен-Гурион не считается с нею, не ценит ее.

Обвинения Голды были справедливы. Она была министром иностранных дел скорее для проформы, чем на самом деле. Отношения с Францией были изъяты из сферы ее деятельности. В развитии связей с Германией она также не принимала участия. В создании "Периферийного союза" ее роль была второстепенной. В отношениях с Англией и Италией она сталкивалась на каждом шагу с представителями министерства обороны; работники того же министерства поддерживали прямые отношения с Бирмой и другими азиатскими странами, продавали оружие южноамериканским и африканским государствам. Важные контакты с Соединенными Штатами Бен-Гурион поддерживал лично, она лишь выполняла его инструкции. Да и позднее, когда Бен-Гурион совершил несколько поездок по Европе и США, Голда только раз сопровождала его на обеде в Елисейском дворце. Разве что в отношениях с Африкой у Голды были развязаны руки, да и то лишь в странах, не принадлежавших к "Периферийному союзу" или не связанных с поставками оружия или доверительными контактами с министерством обороны. Напрашивался неизбежный вывод, что Голда Меир не являлась министром иностранных дел государства Израиль, а его внешней политикой заправлял Бен-Гурион, иногда пользуясь министерством Голды, иногда представителями министерства обороны, иногда секретными каналами.

Не у одной Голды накопился за последние годы на душе горький осадок. Аран, Сапир, Намир и другие ведущие деятели Мапай видели в заботе Бен-Гуриона о молодых силах угрозу своему положению, занимаемым ими постам. Правда, Бен-Гурион снова и снова уверял, что не собирается выживать их, но они ему не верили. Главной причиной, побудившей сплотиться всех этих людей, был натиск молодежи.

Та же опасность привела в смятение и аппарат Ма-

пай. Партийным работникам среднего звена, аппаратчикам, приверженным к устоявшимся формам, наступление молодежи казалось угрозой целостности партии. Эти люди считали, что Бен-Гурион пошел на поводу у "пришлых парашютистов" и это чревато полным разгромом Мапай.

Так сложился широкий и мощный фронт, выступивший против бен-гурионовской молодежи, и, тем самым, против самого Бен-Гуриона. Пародоксально, но к этой группировке примкнул и человек, против которого она в прошлом боролась по той же самой причине — Пинхас Лавон. И Голда, и Залман Аран, и Намир, и Эшкол, и аппарат Мапай — все они шесть лет назад воспротивились назначению Лавона на должность министра обороны, для всех них оно было "катастрофой", все они бушевали по поводу его грубого обращения с Шаретом. Именно они, в конце концов, отстранили Лавона. Бен-Гурион снова высил его, отдал ему управление Гистадрутом и вернул его в высшие сферы Мапай. Лавон не забыл того, что сделали с ним товарищи. Да и в 1960 году многие из них продолжали весьма резко высказываться против него. И тем не менее, в борьбе между стариками и молодежью Лавон стал одним из столпов "старой гвардии" и, пожалуй, ее самым непримиримым оратором. Перес и Даян были в глазах Лавона главными виновниками его личной трагедии 1955 года. Этого он не мог им простить.

Такова была Мапай после величайшей победы в своей истории, в тот момент, когда престиж Бен-Гуриона достиг своего апогея. Это была гигантская пороховая бочка и не хватало только искры, чтобы она разлетелась вдребезги, сотрясая все вокруг.

Этой искрой и стало "дело Лавона".

В конце 1957 года агенты израильской разведки наладили контакты с одним западногерманским гражданином, имевшим широкие связи в шпионском мире. Израильтяне действовали под иностранным прикрытием, и немец не понял, с кем имеет дело. Они

попросили своего нового знакомого выполнить несколько разведывательных заданий в Египте. Немец отклонил предложение, однако сказал, что у него есть на примете человек, который возьмется за такую работу. Он давно, с 1954 года, знаком с крупным офицером египетской разведки. Имя этого "подходящего человека" — Пауль Франк.

Это открытие ужаснуло израильских агентов. Ведь "Пауль Франк" было вымышленное имя офицера израильской разведки Аври Эльада, который стоял во главе агентурной сети в Египте во времена "гиблого дела" и единственный из всех своих товарищей спасся после провала 1954 года. Теперь Аври Эльад действительно находился по делам в Германии и продолжал пользоваться подложным паспортом, полученным перед отъездом в Египет.

Агенты Мосада начали срочное расследование деятельности Аври Эльада. Вскоре открылись поразительные факты: Эльад был тесно связан с египетским военным атташе в Боне адмиралом Сулейманом, тем самым Сулейманом; который в 1954 году был одним из главных следователей на процессе молодых подпольщиков в Каире и Александрии. С тех самых пор остался он другом "Пауля Франка"!

Эта новость заронила страшное подозрение в сердца руководителей израильской разведки: неужели Аври Эльад был двойным агентом, выполнявшим также задания египтян? Неужели в 1954 году он был завербован египетской разведкой, предал родину и выдал товарищей? Или он был схвачен вместе с остальными членами организации и купил свободу, заключив сделку с разведывательной службой Египта?

Это подозрение пролило новый свет на цепь таинственных событий, которым в 1954 году не находилось объяснения.

Почему потерпели провал все акции, проводившиеся агентурными группами в Египте?

Как удалось египтянам в течение считанных дней раскрыть всю агентурную сеть?

Почему в тот момент, когда все вокруг рушилось,

когда египетская полиция проводила волну арестов и все члены организации один за другим оказались в ее руках, Аври Эльяду удалось сохранить полное самообладание, ликвидировать свое дело, продать машину и благополучно уехать из Египта — и никто из секретных агентов даже не побеспокоил его? Не является ли одно это достаточным доказательством того, что Эльяд был уверен в своей безопасности, ибо работал на египетскую полицию? И еще один вопрос: как мог Аври Эльяд по-прежнему жить в Германии под именем Пауля Франка, после того, как Египет опубликовал его имя в списке израильских агентов и объявил его "розыск"? Неужели он не опасался, что египтяне нападут на его след?

Предложение, что Аври был двойным агентом и состоял на египетской службе, давало ответ на этот вопрос: он не боялся египтян, потому что продолжал сотрудничать с ними.

Руководители Шин Бет решили доставить Аври Эльяда в Эрец и провести расследование его деятельности. Под вымышленным предлогом он был вызван в Израиль и вскоре после приезда арестован.

Расследование не ответило на все поставленные вопросы. Правда, были получены достоверные сведения о том, что Эльяд поддерживал в Бонне подозрительную связь с адмиралом Сулейманом. Но находились люди, которые утверждали, что в такой связи еще нет греха — ведь, в конце концов, Эльяд был знаком с адмиралом еще с тех пор, как под личиной гражданина ФРГ жил в Каире. Египтянин, безусловно, ни на минуту не подозревал, что его немецкий друг является на самом деле офицером израильской разведки, утверждали друзья Аври.

В ходе досконального расследования не удалось доказать, что Аври Эльяд действительно был двойным агентом и выдал своих товарищей. Однако выплыли наружу некоторые другие преступления Эльяда против безопасности государства. В 1959 году он был отдан под суд по обвинению в "незаконном хранении

секретных документов”, полученных им из своего секретного подразделения 131. Суд признал Эльада виновным, и в августе 1960 года он был приговорен к 12 годам тюремного заключения. Верховный суд сократил срок заключения до десяти лет.

Однако в процессе судебного разбирательства, стремясь выгородить себя, Эльад раскрыл следователям другие, не менее поразительные факты: он рассказал о том, как к нему в Европу был послан специальный связной, потребовавший, чтобы Эльад дал ложные показания комиссии Олшана-Дори, и как он подделал свои дневники.

Эти показания Эльада были доведены до сведения суда. Вывод был прост — после провала агентурной сети в Египте, по инициативе начальника военной разведки началась серия подлогов и лжесвидетельств. Все эти ложные показания преследовали одну-единственную цель — придать убедительность версии, состоявшей в том, что именно министр обороны Пинхас Лавон отдал приказ начальнику военной разведки Беньямину Гибли провести в Египте операцию, закончившуюся столь оглушительным провалом.

12 сентября по приказу Бен-Гуриона была назначена армейская комиссия по повторному расследованию ”дела Лавона”. Ей было поручено расследовать факты возможной подделки документов и дачи ложных показаний комиссии Олшана-Дори по приказу Беньямина Гибли, Мордехая Бен-Цура и других начальников.

В те дни Лавон проводил свой отпуск в Женеве. Неожиданно к нему приехал один из его близких друзей Эппи Эврон, рассказавший Лавону о новом обороте событий.

21 ноября Лавон вернулся в Эрец. В тот же вечер он пообещал выступить с заявлением ”по поводу некоторых приятных и некоторых, быть может, не слишком приятных вещей”. Газета ”Маарив” вышла под сенсационным заголовком во всю ширину первой полосы: ”Бен-Гурион приказал провести повторное расследование показаний, приведших к уходу

Лавона из правительства в 1955 году". Опубликованное ниже сообщение гласило: "Узнав о происшедшем, г-н Лавон сказал, что он не заинтересован в дальнейших разбирательствах. Он будет удовлетворен, если на заседании правительства и в комиссии Кнесета по иностранным делам и обороне будет сделано заявление о том, что его оклеветали, что обвинения, выдвигавшиеся против него, были беспочвенными и не было никаких оснований для требования о его уходе в отставку".

Итак, Лавон не желал более никаких расследований и разбирательств, но требовал немедленной и окончательной реабилитации.

Сторонники Лавона впоследствии утверждали, что Лавон не хотел дополнительного расследования, так как ему уже опостытели всякие разбирательства, а его противники полагали, что Лавон страшится основательного расследования, которое доказало бы, что должные показания, сфабрикованные отделом военной разведки, не освобождают Лавона от своей доли вины за операцию в Египте и ее провал.

И когда, 26 сентября, Бен-Гурион и Лавон встретились лицом к лицу, за фасадом товарищеской близости уже ощущалось напряжение.

В четыре часа дня Лавон вошел в канцелярию главы правительства.

Вот как описал эту встречу Бен-Гурион: "Лавон сказал мне: "Распустите комиссию по расследованию и заявите, что я невиновен, а вся вина лежит на Гибли". Старик ушам своим не поверил. "Я ответил Лавону: "Я вас не обвинял, да и сейчас не обвиняю, но у меня нет полномочий оправдать вас, поскольку я не судья и не следователь. Да и другого человека я не могу объявить виновным, пока суд не доказал его вины".

Бен-Гурион прибавил: "Я не изучал египетского дела, но считал своим долгом выяснить историю подлога в документах, представленных отделом военной разведки". Лавон ответил, что он обратится в комиссию Кнесета по иностранным делам и обороне.

”Я не советовал ему делать этого, но, в конце концов, это его частное дело. Я сказал ему, что я представлю правительству выводы комиссии по расследованию, как только получу их”.

Этот разговор был поворотным пунктом во всей истории 1960 года — истории, в ходе которой Лавон и Бен-Гурион вступили и в принципиальный, и в личный конфликт.

Бен-Гурион, свято веривший в принципы правосудия и справедливости, был просто потрясен просьбой Лавона оправдать его и так положить конец этому позорному делу. А Лавон после обнаружения подлога был, видимо, настолько уверен в себе, что не представлял, как его просьба может быть отклонена, а потому не взвесил хладнокровно своих шагов. Человек таких моральных устоев и такой природной прямоты, как Бен-Гурион, не мог, даже если бы и хотел, ”обелить” Лавона. И с принципиальной, и с моральной точек зрения Бен-Гурион был абсолютно прав, отказываясь реабилитировать Лавона.

Иначе обстояло с ”человеческой” точки зрения. Перед ним стоял сломленный человек, который вот уже пять лет носил в душе жгучую обиду. Бен-Гурион не знал, отдал ли он в самом деле тот злосчастный приказ. Разве не состоял его человеческий и товарищеский долг в том, чтобы помочь Лавону оправдаться? Ведь Лавон был его соотечественником, товарищем по партии и, разумеется, имел право на справедливый суд! Почему Бен-Гурион был с ним так резок и черств? Уже на этом этапе Бен-Гурион осознанно или неосознанно занял негативную позицию по отношению к Лавону. За последние годы в сердце Старика усилилась неприязнь к Лавону, которая несомненно, проявилась в его теперешнем безразличии.

Лавон ушел от Бен-Гуриона с ощущением, что здесь ему нечего ждать помощи. Даже если формально он и не был прав, то сердце его не обманывало. Но следует, однако, отметить одно бросающееся в глаза при анализе тогдашнего поведения Бен-Гуриона важнейшее обстоятельство. Его можно определить как

слабость, инертность или пассивность. Бен-Гурион должен был предвидеть, что выступление Лавона перед комиссией Кнесета по иностранным делам и обороне вызовет бурю в израильском обществе. Почему же он ничего не предпринял, чтобы предотвратить его? Он ровно ничего не сделал для этого. Со странным спокойствием продолжал он заниматься текущими делами, а вечером уехал в Сде-Бокер, где собирался провести праздничные каникулы и написать статью в правительственный ежегодник.

Пожалуй, в беседе с Лавоном вдруг сказаласть усталость, накопившаяся у Бен-Гуриона за долгие годы власти, а может, это внезапно проглянула старость? За последний год в его дневнике стали появляться признаки забывчивости, из его некогда безупречной памяти вдруг исчезали важные детали, начали путаться события. Похоже, после изнурительной избирательной кампании лета 1959 года и связанной с ней внутрипартийной борьбы за молодежь, силы изменили Старику, он был уже не тот, что прежде.

Лавон, напротив, действовал очень решительно. Пережитая трагедия и вновь возникшая надежда оправдаться толкали его на борьбу любыми средствами, лишь бы добиться полной и быстрой реабилитации. Инициатива была в его руках и именно он диктовал дальнейший ход дела.

На следующий день события уже развивались с головокружительной быстротой, набирая скорость и накручиваясь друг на друга, как огромный снежный ком, скатывающийся с крутого склона. Газеты одна за другой вступали в бурную, еще невиданную в Израиле битву. Урезанный односторонний отчет о содержании беседы Лавона с Бен-Гурионом появился уже в утренних газетах. День ото дня множились обвинения, все более крупными делались заголовки, все более резкими становились передовицы. Почти все газеты были на стороне Лавона и требовали "справедливости немедленно". Все более отчетливо звучали антибенгурионовские мотивы: почему он не желает обелить Лавона? Почему назначает комиссию,

которая неприемлема для Лавона?

Под градом газетных обвинений Бен-Гурион как-то смешался, не знал, что предпринять. Он был один в Сде-Бокер. Газеты приходили к нему с опозданием на несколько часов, иногда — на целый день. Близких помощников не было рядом. Шимон Перес находился во Франции, целиком отдавшись переговорам по деликатному вопросу о ядерном реакторе в Димоне. Ицхак Навон улетел с визитом в Иран. Моше Даян отправился в Африку. Нехемия Аргов покончил с собой, а его преемник Хаим Бен-Дор не был настолько близок к Бен-Гуриону, чтобы давать ему советы, да и вообще не был создан для решения политических проблем.

Находясь почти в полном одиночестве, Бен-Гурион безуспешно пытался сдерживать нарастающий газетный вал.

Он послал подряд три письма Моше Шарету, прося его предоставить ему информацию о "гиблом деле", и причинах отставки Лавона. Шарет поспешил направить ему требуемые сведения, и Бен-Гурион стал медленно вникать в суть дела. Но в критические дни, когда в прессе разразилась настоящая буря, он беспомощно прислушивался к ее раскатам, не сумев повести правительство и свою партию в контрнаступление.

Лишь 2 октября, словно вдруг очнувшись от дремоты, он неожиданно объявился в Иерусалиме, вынес "дело Лавона" на обсуждение правительства, выступил в комиссии по иностранным делам и обороне и сделал подробное заявление для печати.

Но и 2 октября, когда буря охватила уже всю страну, Бен-Гурион еще не отдавал себе отчета в необходимости решительного наступления, новой инициативы.

В те дни их отношения с Лавоном еще были корректными, но постепенно все чаще стали слышаться колкие замечания, обидные намеки и косвенные обвинения.

Между ними происходил лихорадочный обмен письмами, но настоящая схватка началась, когда Лавон стал давать показания комиссии Кнесета по иностранным делам и обороне.

Лавон явился на заседание комиссии вместе со своим помощником Эфраимом (Эппи) Эвроном. В продолжение трех следующих недель он выступил на четырех заседаниях комиссии; его показания ошеломили не только присутствующих, но и весь Израиль. Уже после первой встречи с Лавоном члены комиссии были крайне взволнованы и даже потрясены. Центральное место в показаниях Лавона занимала его собственная версия "гиблого дела".

Лавон выступил с серьезными обвинениями против тех, кто стоял в ту пору во главе системы обороны, в первую очередь против Переса и Даяна. Лавон не утверждал, что они непосредственно участвовали в неблагоприятной истории с подлогом документов, но намекал, что они воспользовались ею для того, чтобы свести с ним счеты.

На последующих заседаниях комиссии по иностранным делам и обороне Лавон дополнил картину, набросанную им в первом выступлении. Он напрямую обрушился на министерство обороны, раскрывая подробности секретных военных операций, как связанных с "гиблым делом", так и не имеющих к нему никакого отношения.

Обвинения Лавона в значительной своей части были ложными. Множество приводимых им подробностей было либо извращено, либо просто неверно. Показания Моше Шарета показали надуманный характер многих утверждений Лавона, касавшихся обстоятельств его отставки. Шимон Перес, вернувшись 7 октября из Франции, предстал перед комиссией по иностранным делам и обороне, и с документами в руках одно за другим опроверг обвинения Лавона.

Да и сам Бен-Гурион, все больше разгораясь гневом, направил комиссии несколько каверзных вопросов, которые были переадресованы Лавону.

Показания Лавона дали толчок настоящему поли-

тическому землетрясению. Оппозиционные партии сразу почуяли в них идеальное оружие, возможность основательно лягнуть Мапай, а может быть, и положить конец ее правлению. Эта шумиха находила живой отклик в обществе. Если в прошлом содержание дебатов в комиссии по иностранным делам и обороне сохранялось в строжайшей тайне, то теперь какая-то неведомая сила позаботилась о том, чтобы редакции газет получали подробные отчеты о показаниях Лавона.

Несмотря на то, что цензура наложила запрет на публикацию имен участников "гиблого дела", широкая общественность отлично поняла, что правящая партия и государственный аппарат затрещали по всем швам. Лавон одним ударом отменил правила игры, которые с самого основания государства соблюдали и правительство, и Кнесет, и все политические партии.

Руководители Мапай вели себя так, будто оказались вдруг в беспросветном мраке. Шарет окрестил все учиненное Лавоном в комиссии по иностранным делам и обороне "фабрикой кошмаров". Залман Аран говорил, что слова Лавона "перевернули ему душу". Показания Лавона в комиссии по иностранным делам и обороне имели два непосредственных результата. Во-первых, руководство Мапай, потрясенное "фабрикой кошмаров", решило сделать все возможное, чтобы немедленно снять это дело с повестки дня комиссии Кнесета и "спустить его на тормозах", либо передав на рассмотрение правительства, либо немедленно удовлетворив требования Лавона.

Во-вторых, Бен-Гурион, забыв свою нейтральную позицию, открыто ополчился на Лавона.

Бен-Гурион вольно или невольно стал на сторону одной из враждующих группировок. С той минуты, как он открыто выступил против Лавона, произошла моральная девальвация выдвигаемого Бен-Гурионом требования о судебном разбирательстве. Многие журналисты, представители широкой общественности и даже члены Мапай стали вслед за Лавоном считать бен-гурионовские требования "пустыми отговорка-

ми". Широкая общественность перестала воспринимать позицию Бен-Гуриона в ее истинном смысле. Стала вырисовываться совсем иная картина — будто бы Лавон требовал справедливости, обвиняя оклеветавших его высших офицеров Цахала и руководителей министерства обороны, а Бен-Гурион выступил против него, чиня всяческие препятствия его справедливой борьбе. Честная в принципе позиция Старика стала для него камнем преткновения вследствие долгих колебаний, неверного образа действий, а также — следует признать — вследствие его враждебного отношения к Лавону.

Можно лишь удивляться беспомощности, проявленной Бен-Гурионом. В те дни, когда он обратился к министру юстиции с просьбой учредить комиссию по расследованию, Старик неоднократно говорил и писал, что "не будет вмешиваться". "Я высказал свое мнение министру юстиции, а затем членам правительства и на сем мое участие в этой афере кончается" — сообщает Старик Натану Ротенштрайху... "Я больше этим делом не занимаюсь, — пишет он Ури Цви Гринбергу. — А если шантажисты и охотники за сенсациями хотят и дальше рыться в грязном белье — на доброе здоровье". В Кнесете Бен-Гурион также отказался высказаться о деле Лавона.

Бен-Гурион буквально жаждал, чтобы правительство, наконец, назначило судебную комиссию по расследованию, которая разрешит спор между Лавоном и Гибли. Однако на заседании правительства 30 октября Пинхас Розен, министр юстиции, внес предложение, которое вовсе не отвечало желаниям Бен-Гуриона. Он предлагал создать правительственную комиссию в составе нескольких министров, которая изучит материал, относящийся к афере, и "затем решит, какова будет дальнейшая процедура".

Бен-Гурион слышал предложение Розена. Он даже поставил его на голосование. Ему это предложение не понравилось, но он не высказался против него. Он просто не участвовал ни в дебатах, ни в голосовании. "Я буду только председательствовать на заседании

правительства”, — сказал он.

Члены правительства были знакомы с Бен-Гурионом не один день. Они знали, что если он хотел провести какую-то резолюцию, то четко выражал свое мнение и боролся за него. Не так поступил он на этот раз, пытаясь продемонстрировать свою непричастность к дебатам и к решению. Это было, по существу, молчаливое согласие на учреждение правительственной комиссии.

Заседание правительства закончилось голосованием. Двенадцатью голосами при двух воздержавшихся было решено создать комиссию из семи министров, получившую название “Комиссия семи”. Бен-Гурион и пальцем не пошевелил, чтобы помешать этому решению.

Мапай вздохнула с облегчением. Проклятая афера была снята с повестки дня комиссии Кнесета по иностранным делам и обороне и передана в надежные руки.

Комиссия семи интенсивно занималась “делом Лавона” с 3 ноября по 20 декабря 1960 года. Она была облечена полномочиями исключительно процедурного характера, то есть могла рекомендовать правительству дальнейшие пути решения проблемы.

Иначе смотрел на дело Леви Эшкол. С первой минуты министр финансов непреклонно стремился предотвратить судебное разбирательство и покончить с аферой в правительственной комиссии. Он честно выполнял миссию, наложенную на него аппаратом Мапай, ее старой гвардией — не выносить сор из избы, предотвратить раскол, “привести судно в тихую гавань”.

И вот, не имея ни надлежащей юридической подготовки, ни разрешения со стороны правительства, Комиссия семи присвоила себе гораздо более широкие полномочия — практически полномочия судебной комиссии по расследованию. 20 декабря комиссия представила правительству не процедурные выводы о том, как далее разбирать дело, а окончательный при-

говор: "Мы установили, что Лавон не отдавал приказа, за который несет ответственность "офицер высокого ранга" (так по указанию цензуры именовался Гибли) и что "гиблое дело" велось без его ведома".

"Следует считать разбирательство по этому вопросу законченным", — указывалось в отчете Комиссии семи. "Комиссия не заслушивала свидетелей. Большинство членов комиссии выразило мнение, что заслушивание свидетельских показаний не входит в ее компетенцию".

В отчете подробно излагались выводы комиссии, включая решающий параграф о том, что Лавон не отдавал приказа.

Бен-Гурион прочел отчет и "глазам своим не поверил". "Особенно поразило меня, что под этим документом стояла подпись министра юстиции Пинхаса Розена", — записал он. Бен-Гурион считал, что работа Комиссии семи характеризовалась "поблажками и полуправдой", а ее выводы — отсутствием правды и справедливости". На заседании правительства он не принял участия в голосовании по выводам комиссии. Восемь министров проголосовали "за", четверо, в том числе Абба Эвен и Моше Даян, воздержались. Бен-Гурион взял слово. "Я обращаюсь к министру юстиции. Существует определенная судебная процедура, и только благодаря ей можно обнаружить истину. Вызывают свидетелей, устраивают перекрестные допросы, очные ставки, у каждой из сторон имеются адвокаты, которые выставляют свои требования. Почему же вы так боитесь судебной комиссии по расследованию?" Заключительные слова Бен-Гуриона повергли всех в крайнее смятение: "Что вы решили, то решили. Есть выводы. Есть решение правительства, одобряющее их. По закону правительство несет коллегиальную ответственность. Но я не разделяю ответственности ни за назначение Комиссии семи, ни за ее выводы ни за решение правительства. Я не участвую в ваших решениях. Знайте же: я вам не партнер, я не член правительства".

31 января Старик подал президенту государства заявление об отставке.

Выводы комиссии и последовавшая за ними отставка Бен-Гуриона вызвали, выражаясь языком техники, "короткое замыкание" между Бен-Гурионом и его старыми товарищами. Глава правительства потерпел поражение, ибо с самого начала не сумел однозначно заявить им, что ни в коем случае не примет решения правительственной комиссии, отрицающего необходимость судебного разбирательства. Он, правда, написал Эшколу, что "сделает выводы", если судебная комиссия по расследованию не будет создана, но Эшкол вместе с другими считал, что Бен-Гурион примет решение комиссии.

К этому поражению Старик добавил еще одну тяжелую ошибку, роковым образом повлиявшую на его положение. Он смешал две линии борьбы, одна из которых подрывала моральные основы другой. Одной из них была политическая борьба между Бен-Гурионом и Лавоном, другой — принципиальная борьба Бен-Гуриона за судебное разбирательство.

Каждая из двух этих линий была сама по себе вполне оправданной, но их смешение привело к трагедии.

После того, как правительству был передан отчет Комиссии семи, Бен-Гурион неоднократно давал понять, что Лавона следует убрать с поста секретаря Гистадрута. 27 декабря Бен-Гурион написал Эшколу: "Мне очень-очень тяжело "проглотить" пребывание П. Л. на посту генерального секретаря Гистадрута, ибо Гистадрут этот дорог мне, но я все же не ассенизатор нашей общественной жизни, и если уж наши товарищи, заклеившие Лавона позором еще шесть лет назад, смирились с его пребыванием на этом посту — я не считаю себя вправе раздувать всю эту аферу сызнова".

Письмо это никому не было известно, но по другим намекам Бен-Гуриона товарищи по партии поняли, что Старик теперь требует отставки Лавона — вследствие выводов Комиссии семи. Слова Бен-Гу-

риона: "Я рядом с Лавоном сидеть не стану" комментировалось в газетах как требование выбрать между ним и Лавоном. Некоторые сподвижники Бен-Гуриона заявили газетчикам после его отставки, что Бен-Гурион вернется к своим обязанностям только если партия сплотится вокруг него и Лавон будет отстранен.

Когда все другие предложения провалились, то остался, казалось, лишь единственный путь, путь жестокий и отвратительный — смещение Лавона безо всякого предварительного разбирательства, без суда и справедливости. Большинство членов Мапай готовы были пойти по такому пути, лишь бы угодить Бен-Гуриону.

Время устранения Лавона взял на себя Леви Эшкол. Бен-Гурион до последнего момента не участвовал в событиях. Он не требовал смещения Лавона и впоследствии утверждал, что ответственность за этот акт несет Эшкол.

В субботу 4 февраля в тель-авивском зале "Охел" собрался пленум ЦК Мапай, вынесший решение об отстранении Лавона с поста генерального секретаря Гистадрута. Решение это было принято, несмотря на отчаянное сопротивление Моше Шарета.

Голосование по этому вопросу было тайным. 159 членов ЦК проголосовали за, 96 — против, пятеро воздержались.

Это был конец Лавона. Но молодые сподвижники Старика, с таким энтузиазмом и усердием агитировавшие за смещение Лавона, не поняли, что его устранение означает также конец Бен-Гуриона. Оно не только привело к открытому расколу между его лагерем и старой гвардией Мапай, но и подорвало моральные устои бен-гурионовского авторитета, веру в его непогрешимость. Он предстал вдруг мстительным диктатором, навязывающим партии свою волю. В глазах партии и народа Бен-Гурион лишился своего прежнего ореола, перестал быть самим собой. Смещение Лавона ознаменовало прежде всего конец правления Бен-Гуриона.

Через несколько дней после отстранения Лавона Бен-Гурион согласился сформировать новое правительство, но тут же столкнулся с серьезными трудностями. Мапам и Ахдут ха-авода отказались участвовать в возглавляемом им кабинете. Пинхас Розен был также задет критическими высказываниями Бен-Гуриона о Комиссии семи. Не оставалось иного выхода, кроме роспуска Кнесета и проведения досрочных выборов.

Менее, чем через два года после своей крупнейшей победы, Мапай, расшатанная и потрепанная, оказалась перед новыми выборами.

Выборы состоялись 15 августа 1961 года. Мапай потеряла 5 мест в Кнесете; в соотношении сил остальных партий не произошло существенных изменений.

27. БУРЯ

2 ноября 1961 Бен-Гурион представил Кнесету свое новое правительство. На душе у него было горько, он ощущал падение своего престижа, ослабление своих позиций.

Еще около двадцати месяцев будет Бен-Гурион возглавлять правительство государства Израиль, двадцать месяцев странной, угасающей власти.

В апреле 1963 года Амос Эйлон написал в газете "Хаарец": "На 77 году жизни, через тридцать лет после того, как он впервые взял власть в свои руки, Давид Бен-Гурион — премьер-министр, уже наполовину ушедший в отставку... Его партия больна. Бен-Гуриону не дано ее излечить. Важные экономические вопросы его почти не занимают. Все чаще Леви Эшкол фактически исполняет обязанности главы правительства. Бен-Гурион, точно конституционный монарх, лишь скрепляет своей подписью большинство политических решений кабинета министров. Он по-прежнему погружен в "дело Лавона", ставшее для него настоящей травмой. Бен-Гурион, в отличие от Мапай, еще не разделался с этой аферой. Знающие его люди свидетельствуют, что он крайне одинок. Подчас создается впечатление, что он умышленно изолирует себя, занимаясь делами и науками, далекими от нынешней израильской политической ситуации".

"Бен-Гурион, — продолжал Эйлон, — всегда умел концентрироваться на центральных, важнейших задачах, от решения которых зависело все остальное. Бывали периоды, когда последовательность действий Бен-Гуриона как главы правительства Израиля отражала иерархию национальных целей. Его героическая односторонность соответствовала нашим потребностям. Это были такие задачи, как разрыв с Англией и

собрание сил для борьбы за независимость, затем победа в войне любой ценой и защита границ — ответственные моменты, когда обычные заботы глав государств как будто удваиваются.

Но пора исторических решений миновала. Со времени последнего исторического шага Бен-Гуриона (Синайской операции) прошло почти семь лет. Наши нужды уже не столь однобоки, как во дни "Билтмора", Войны за Независимость или Синайской кампании. И потому мы частенько ощущаем, как барахлит государственная машина".

Бен-Гурион признавался Эйлону, что в его словах есть доля истины. Старик и сам не чувствовал, что ему необходимо по-прежнему стоять у руля государства.

Но была одна серьезная, хоть и не единственная причина, оправдывавшая пребывание Бен-Гуриона у власти и после выборов — создание атомного потенциала в Негеве. Американцы стали снова настаивать на инспекции ядерного реактора. Эти требования достигли накала в резком послании, направленном Кеннеди Бен-Гуриону в мае 1963 года, где американский президент требовал разрешить дополнительные инспекционные поездки американских специалистов. Бен-Гурион ответил столь же резко. Он заявил Кеннеди, что Израиль не согласится на прием иностранных специалистов более одного раза в год. Старика приходилось выдерживать не только американское давление. Некоторые из его ближайших друзей, и прежде всего Голда Меир, яростно спорили с ним. Голда опасалась, что конфликт с американцами из-за ядерного реактора в Димоне может нанести ущерб отношениям Израиля с США. Аналогичные доводы приводил и Иссер Харэль. Оба они предлагали Бен-Гуриону предпринять ряд шагов, означавших, по существу, конец израильской атомной программы. Но Бен-Гурион выдержал упрямые предостережения Голды и Иссера так же твердо, как нажим со стороны Кеннеди. Пинхас Сапир также разделял опасения Голды, а Леви Эшкол заявлял, что не в состоянии

финансировать строительство реактора из государственного бюджета.

Бен-Гурион был снова вынужден действовать самостоятельно. Он тайно направил посланцев к богатым евреям в разных концах мира, прося их оказать Израилю помощь в сооружении ядерного реактора. Шимон Перес, Артур Бен-Натан и некоторые другие помощники Бен-Гуриона встречались с десятками еврейских богачей, которые согласились пожертвовать крупные суммы денег, причем деньги должны были быть выплачены не в виде одноразового пожертвования, а поступать регулярно, в установленные сроки на протяжении нескольких лет. Таким образом, с помощью частного капитала было гарантировано продолжение строительства реактора.

И реактор все же был построен в соответствии с первоначальным планом. Остается только добавить, к чести Леви Эшкола, что когда после ухода Бен-Гуриона он стал главой правительства, то упорно продолжал его дело, не поддаваясь ни на давление извне ни на предостережения изнутри.

Атомный реактор в Димоне не был единственным камнем преткновения в отношениях между Израилем и Соединенными Штатами. Подобно любой новой американской администрации, и администрация президента Кеннеди пыталась разрешить проблемы Ближнего Востока. Кеннеди предложил смелый и наивный план ближневосточного урегулирования, включавший решение проблемы беженцев.

В январе 1963 года госдепартамент США представил израильскому правительству новый план решения проблемы беженцев. Этот план не предусматривал ни заключения мирного договора, ни даже признания Израиля со стороны арабов. Кеннеди предложил расселить арабских беженцев в Израиле и арабских странах в соотношении один к десяти, то есть Израилю надо было принять 10% арабских беженцев, а остальные должны были расселиться в арабских странах. Переговоры об этом Израилю предстояло вести с США, поскольку арабы отказывались встре-

чатся с представителями "сионистского государства". Соединенные Штаты, со своей стороны, обязывались предоставить Израилю гарантии безопасности. План предусматривалось осуществить в течение десяти лет, так, чтобы каждый год в Израиле и арабских странах расселялось определенное количество беженцев, которые параллельно будут исключаться из соответствующих списков. Когда весь список окажется исчерпанным, проблема беженцев будет решена.

План этот был интересен — и поразительно наивен. Американцы соглашались, чтобы арабы не объявляли в официальном порядке о том, что проблема беженцев находится в стадии своего решения. Более того, арабов даже не обязывали прекратить враждебные заявления в адрес Израиля; они могли по-прежнему проповедовать, что "Палестина" — это арабская земля и арабы вправе освободить ее. Бен-Гурион не мог скрыть своих сомнений. "Пока арабские страны не согласятся положить конец конфликту, или хотя бы объявить о решении проблемы беженцев, — говорит он, — что мешает им в любой момент пренебречь секретным соглашением и провозгласить эту проблему нерешенной? Через десять лет мы окажемся в той же самой точке с тою лишь разницей, что за этот срок мы примем 100 000 арабских беженцев!"

Под американским нажимом Израиль вынужден был согласиться на переговоры с США по проблеме беженцев. Кеннеди проводил политику кнута и пряника: одновременно с переговорами о новом плане начались деловые контакты о продаже Израилю новейших ракет типа "Хок"...

Переговоры действительно начались, но кризис, разразившийся весной, привел сперва к их отсрочке, а затем и к полному прекращению. После убийства Кеннеди в ноябре 1963 года его план был окончательно похоронен.

Споря с официальными представителями государственного департамента, Бен-Гурион предпринял несколько тайных попыток вступить в переговоры с

арабскими странами. В 1961 году он отправился в Бирму, желая получить более углубленное представление о буддизме и попробовать уединиться в буддийском монастыре. Находясь в Бирме, он рассказал своему доброму другу У Ну о том, что страстно стремится к миру с арабами и особенно с главной страной арабского мира — Египтом. Старик просил У Ну передать Насеру, что он "готов встретиться с ним с любом месте (даже в Каире) для секретной беседы безо всяких предварительных условий, чтобы вместе попытаться найти путь урегулирования конфликта". Из этой попытки ничего не вышло.

В декабре 1962 года Бен-Гурион решил использовать в качестве посредника между Израилем и Египтом друга Насера, президента Югославии Тито. Старик направил в Югославию старого парашютиста Шайку Дана, хорошо знакомого с крупным югославским деятелем, близким к президенту Тито. Бен-Гурион снабдил Дана письмом к югославскому президенту, где предлагал приехать в Югославию для переговоров с Тито об организации встречи между Бен-Гурионом и Насером. Но Тито уклонился от посредничества и эта попытка тоже кончилась ничем.

Еще до того, как рассыпался в прах план "операции Тито", Бен-Гурион предпринял еще одну попытку. На сей раз в центре стоял редактор лондонской "Санди таймс" Чарлз Дж. Гамильтон. Гамильтон посетил Каир в начале 1963 года. В неофициальной беседе Насер сказал ему, что "по его мнению, всю проблему (отношений между Израилем и Египтом) можно решить, если они вдвоем с Бен-Гурионом зайдутся в кабинете на три часа". Гамильтон рассказал об этой беседе барону Ротшильду, который поспешил написать израильскому послу в Лондоне.

Получив сообщение посла, Бен-Гурион страшно разволновался. Он немедленно направил личное письмо Ротшильду. "Позволю себе просить вас договориться с г-ном Гамильтоном о том, чтобы он возможно скорее посетил меня в Иерусалиме. Через него я пошлю личное послание Насеру о том, что я со-

гласен встретиться с ним, при условии абсолютной секретности, в любом месте, которое он предложит (Швейцария, Греция, Италия — или даже Каир, если Насер гарантирует мою безопасность), и просидеть с ним столько часов, сколько потребуется, чтобы добиться мира и даже договора о сотрудничестве в культурной, экономической и политической областях...”

Быть может, Провидение возложило на вас историческую миссию — помочь достижению мира между государством Израиль и Египтом”.

Ротшильд немедленно связался с Гамильтоном. Редактор “Санди таймс” согласился быть посредником; 28 марта он прибыл в Израиль и встретился с Бен-Гурионом. Бен-Гурион повторил ему оба своих предложения Насеру: тайно встретиться и заключить мирный договор. Гамильтон вылетел обратно в Лондон, а оттуда в Каир. В египетской столице у него состоялись две беседы с Насером. “С тех пор, как мы виделись в последний раз, — сказал Гамильтон египетскому президенту, — я встречался с главой правительства Израиля и заявил ему, что вы единственный в арабском мире лидер, одаренный качествами политика, и единственный человек, который, если захочет, способен разрешить проблему израильско-арабских отношений. Бен-Гурион готов встретиться с вами в любом месте — даже в Каире”.

Но Насер уклонился от ответа. “Сейчас такую встречу не следует принимать в расчет, — сказал он, — так как в сентябре я буду крайне занят внутренними арабскими проблемами — созданием федерации с Сирией и Ираком”. Насер выразил опасение по поводу неустойчивой ситуации в Иордании. Если Хусейн будет свергнут, говорил он, то Израиль захватит иорданскую половину Иерусалима, а, может быть, и другие стратегически важные пункты. Тогда его положение осложнится, и потому он не может оставаться пассивным наблюдателем; однако Египет не желает начинать большой войны.

Гамильтон вернулся в Лондон ни с чем.

Но пока он носился между Иерусалимом, Лондоном и Каиром, в Израиле произошли важные события. Гамильтон не знал, что только из-за его поездки Бен-Гурион отложил на несколько недель свою окончательную отставку. Он хотел сперва знать результаты миссии Гамильтона. И вот весной 1963 года Старик окончательно отошел от власти.

21 июля 1962 года на Израиль обрушился тяжелый удар, приведший страну в замешательство: Египет провел испытания четырех ракет класса "земля—земля" модели "Эль-Зафр" ("победитель") с радиусом действия 280 км и "Эль-Кахэр" ("завоеватель") с радиусом действия 560 км. Выступая в Каире перед пылающей воодушевлением толпой, Гамаль Абдель Насер провозгласил, что египетские ракеты могут поразить любую цель "южнее Бейрута".

Ракеты были созданы сотнями секретно нанятых западногерманских специалистов и ученых. Под их руководством было построено три секретных предприятия: "36 завод", где велась разработка египетского реактивного самолета, "135 завод", где производились реактивные моторы и наиболее секретный "333 завод", на котором выпускались тактические ракеты среднего радиуса действия.

Израильские специалисты опасались, что египетские ракеты будут оснащены особыми боеголовками, например, атомными, или оружием, запрещенным международными конвенциями, вроде химического, бактериологического или радиоактивного. Однако выяснилось, что у египетских ракет есть своя ахиллесова пята: западногерманские ученые еще не успели разработать систему их наведения, и ракеты не были готовы к практическому использованию.

Начальник Шин Бет Иссер Харэль предложил Бен-Гуриону немедленно обратиться к канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру и потребовать, чтобы правительство ФРГ предприняло решительные меры в целях прекращения работы немецких ученых в Египте.

Бен-Гурион отказался. Он предпочел, чтобы Ши-

мон Перес переговорил на эту тему с министром обороны ФРГ Францем-Иозефом Штраусом; несколько дней спустя, 20 августа, Голда Меир и Шимон Перес обратились с аналогичной просьбой также и к президенту Кеннеди. В декабре того же года, встретившись с президентом Кеннеди во Флориде, Голда снова подняла вопрос о египетских ракетах и просила американского президента энергично вмешаться в это дело. Но просьбы Израиля оказались тщетными.

И тут некто, по имени Отто Иоклик, связавшись в Европе с агентами израильской разведки, сообщил им, что побывал в Каире и убедился, что египтяне разрабатывают боеголовки, снабженные зарядами радиоактивных веществ. Взрываясь на территории Израиля, египетские ракеты станут испускать опасное радиоактивное излучение, которое на месяцы, а то и на годы может отравить все вокруг.

Отто Иоклик явился в Эрец, где с ним беседовали Иссер Харэль и его сотрудники. По словам Иоклика, Египет пытался создать радиоактивное оружие, которое способно уничтожить "все живое". В целях выполнения этого плана глава египетской ракетной программы пробовал раздобыть большое количество радиоактивного изотопа кобальта — кобальта-60, которым египтяне хотели начинить боеголовки своих ракет.

Когда теперь оглядываешься назад, отчеты Иссера Харэля об особом египетском оружии представляются чрезвычайно раздутыми.

Но в тот момент, когда события эти еще только происходили, руководителей государства объяла глубокая тревога. Необходимо было как можно скорее прекратить ведущиеся немецкими специалистами изыскания.

В конце 1962 года в западногерманских научных кругах воцарилась атмосфера ужаса. Причиной тому было весьма странное происшествие.

11 сентября в помещении солидной мюнхенской фирмы "Интро" (которая секретно занималась военными разработками для Египта), появился неизвест-

ный. Административный директор фирмы доктор Круг вышел на улицу вместе с ним. Через несколько дней белый автомобиль доктора Круга был найден пустым на опушке леса. Его владелец бесследно исчез.

Утром 27 ноября в руках секретарши Вольфганга Файльца, руководившего "333 заводом", взорвался заряд взрывчатки. В результате взрыва женщина потеряла зрение и слух. На следующий день другая бомба взорвалась в дирекции "333 завода". При взрыве погибло пятеро египтян.

20 февраля было совершенно покушение на доктора Клиноктера, разрабатывавшего систему наведения для ракет. Неизвестный стрелял в него из бесшумного пистолета, но промахнулся. Во всем мире задавались вопросом, кто направляет руку убийц, покушавшихся на жизнь немецких ученых.

Инициатива проведения этих акций не принадлежала Бен-Гуриону, он не хотел превращать вопрос о немецих ученых, работающих на Египет, в центральный аспект израильско-западногерманских отношений. Старик предпочел бы провести операцию в иной плоскости. Он верил, что новая Германия искренне стремится искупить грехи гитлеровской Германии. Обещанный Аденауэром заем в полмиллиарда долларов был уже в процессе осуществления. Более того, Западная Германия начала секретно поставлять Израилю самое современное вооружение, в том числе танки, самолеты, вертолеты, причем условия поставок были просто фантастическими: за часть поставленного вооружения немцы взымали лишь 10% его стоимости, другое, особенно дорогостоящее оружие, направлялось в Израиль безвозмездно. Бен-Гурион не хотел рисковать этими отношениями. Как раз в те дни, когда Иссер Харэль начал операцию против западногерманских ученых, происходили оживленные переговоры с Германией о поставке крупной партии оружия, а также об установлении дипломатических отношений. Бен-Гурион не хотел лишиться поддержки ФРГ.

В этом вопросе, как и во многих других, у Харэля была серьезная союзница — Голда Меир. За последние годы позиции Голды и Иссера сильно сблизились — они были единодушны по многим вопросам внутренней и внешней политики; в отношении Германии их мировоззрение было идентичным. Голда резко критиковала "германскую" политику Бен-Гуриона и Переса. В те годы отношения Шимона Переса с Голдой Меир и Иссером Харэлем были весьма напряженными. Эта напряженность придавала особо эмоциональную окраску острому политическому спору по германскому вопросу.

Иссер продолжал секретную операцию, начатую им несколько месяцев назад и одобренную главой правительства. Угрозы и нажим на немецких ученых в Египте продолжались. Угрожающие письма и телефонные звонки распространились на их родственников и друзей, от которых требовали повлиять на ученых, заставить их уехать из Египта, и, чтобы с ними не стряслось беды, вернуться в Западную Германию.

Иссер и его помощники не учли того обстоятельства, что израильская общественность обладает повышенной чувствительностью к германским делам. Подняв волну истинных и ложных обвинений против Германии, они, вольно или невольно, породили в Израиле панику.

Израильские и зарубежные газеты запестрели броскими заголовками. Появились сенсационные сообщения: "Бывшие нацисты разрабатывают для Насера химическое, биологическое, атомное и лучевое оружие, они производят смертоносные газы, болезнетворные бактерии, "лучи смерти", которыми будут оснащены насеровские ракеты. Наряду с ними создаются атомные бомбы и радиоактивные заряды, излучение которых несет смерть людям, животным и растениям". Этот крестовый поход печати сопровождался намеками на то, что правительство ФРГ попустительствует сатанинской деятельности своих граждан против еврейского народа.

Изучив материалы, свидетельствующие о том, что

деятельность западногерманских ученых в Египте чревата величайшей опасностью, все партии, представленные в комиссии по иностранным делам и обзоре, решили представить на рассмотрение Кнесета совместный проект резолюции, который продемонстрирует перед всем миром единство народа Израиля. Проект резолюции был одобрен Бен-Гурионом, и 20 марта Голда Меир зачитала его в Кнесете.

Невозможно не заметить поразительного сходства между поведением Бен-Гуриона при первой вспышке "дела Лавона" и в начале кризиса вокруг западногерманских ученых. Он и на этот раз предпочел удалиться в уединение, читал, писал записки, ходил в походы, отдыхал, а снежный ком тем временем набирал скорость. И на этот раз не сработал его легендарный инстинкт ситуации, он не сразу уловил смысл происходящего. Реакция его была импульсивной и слабой, а когда он решил вмешаться и натянуть вожжи, лошадь уже понесла и бешено мчалась под гору.

Начальник генштаба запросил из отдела военной разведки оценку планов развертывания египетских ракет.

В процессе расследования не обнаружилось никаких доказательств того, что западногерманские ученые в Египте занимаются разработкой химического или бактериологического оружия. Что же касается лучевого и атомного оружия, в создании которого был так уверен доктор Иоклик — оно тоже существовало скорее в сфере воображения, чем в реальности. Позднее выяснилось также, что количество кобальта, направленного в Египет, было мизерным. Если Иоклик доносил о заказах на сотни тысяч кюри — которых, впрочем, также было недостаточно для создания смертоносного оружия, — то фактически Египет получил лишь 40 кюри, то есть количество, которое никому бы не пришло в голову считать опасным.

Известие о более умеренных оценках военной разведки поступило к Бен-Гуриону 24 марта. Он вернулся в Тель-Авив из Тверии и вызвал к себе Иссера Ха-

рэля. В начале разговора Старик сказал, что материал, переданный прессе Иссером, оказался вредным. Из записей Бен-Гуриона явствует, что он упрекал Иссера за ошибки, допущенные им в последние недели, а тот пытался защищаться.

По словам Иссера, расстались они поздно вечером "в обстановке корректной, но несколько напряженной".

Но на следующее утро разразилась настоящая буря.

Утром 25 марта к Бен-Гуриону пришел Шимон Перес в сопровождении начальника генштаба и начальника военной разведки. Бен-Гурион долго выпытывал у Меира Амата все подробности, и в результате воспринял ситуацию совершенно иначе, чем Иссер Харэль, видевший в работе западногерманских ученых колоссальную опасность для Израиля.

Данные, собранные начальником военной разведки, создавали четкую картину: в Египте работала группа посредственных западногерманских ученых, занимавшаяся разработкой ракет устаревшего класса. Хотя деятельность их, несомненно, наносила ущерб интересам Израиля, паника, охватившая руководителей государства, в том числе специалистов министерства обороны и генштаба, была совершенно неоправданной.

Сразу после окончания беседы с Амитом Бен-Гурион вызвал к себе Иссера Харэля. Войдя к Старику, Иссер застал его весьма раздраженным и мрачным. Бен-Гурион сообщил Харэлю о том, как оценивают ситуацию начальник генштаба и начальник военной разведки.

Иссер разгорячился и стал оспаривать выдвинутые Стариком положения. "Ваша новая оценка явно противоречит сведениям, которые я считаю достоверными и общепризнанными", — сказал Харэль.

Старик, упорно держась за свое мнение, объявил, что собирается созвать комиссию Кнесета по иностранным делам и обороне и доказать ее членам, что египетские ракеты не так уж страшны. Иссер возражал.

Вернувшись к себе на работу, он послал Бен-Гуриону короткое письмо, где говорилось, что "ввиду существенных разногласий между вами и мной по вопросу о деятельности западногерманских ученых в Египте, я решил уйти в отставку с поста начальника службы безопасности".

Внезапная отставка Иссера Харэля сильно подорвала позиции Бен-Гуриона. Со временем выяснилось, что правда была на стороне Бен-Гуриона, а не Иссера — египетские ракеты не представляли опасности для еврейского государства, их система наведения не работала, да и боеголовки не были оснащены никаким сверхсильным оружием. В результате неофициальных контактов с правительством ФРГ, часть западногерманских ученых вернулась домой — где им была гарантирована высокооплачиваемая работа. В своих последующих выступлениях и письмах Бен-Гурион указывал, что все дело о египетских ракетах было раздуто в демагогических целях и принесло Израилю только вред.

Эта история стоила Бен-Гуриону кризиса по трем направлениям: в его германской политике; в отношениях с его ближайшими товарищами и помощниками, в первую очередь, с Голдой Меир и Иссером Харэлем, и, наконец, в отношениях с парламентской оппозицией, особенно с движением Херут. Именно этот тройной кризис привел к окончательному падению Бен-Гуриона, которое произошло через десять недель. После отставки Харэля начался "сумеречный период" правления Бен-Гуриона, длившийся до середины июля. В разных сферах деятельности Старика замечался печальный процесс спада. Он как будто утратил способность хладнокровно оценивать события, затуманилась всегдашняя ясность политического видения, появилась импульсивность мысли, неуравновешенность реакций.

В канун Дня Независимости скончался последний из оставшихся у Бен-Гуриона близких, сердечных друзей — Ицхак Бен-Цви, второй президент Израиля.

Боль утраты излил Бен-Гурион в письме к Рахел

Бейт-Халахми. "Было у меня три близких товарища, три друга, с которыми меня связывало большее, нежели простая дружба. Первым из их был Бен-Цви; вторым был Явнеэли, с которым мы сошлись, когда я работал в Седжере, а он — в Явнеэле. Третьим был Берл.

Берл ушел первым, вторым — Явнеэли. А вот теперь Бен-Цви. У меня есть, конечно, много товарищей, даже друзей, но с теми тремя меня связывала глубокая сердечная близость, даже если мы порой расходились во мнениях — и теперь я чувствую себя осиротевшим.

Но зачем оплакивать их? В конце концов и я уйду вслед за ними..."

Обнаженная искренность этого письма позволяет нам на миг почувствовать рвущее сердце одиночество и подавленность, которые были уделом Бен-Гуриона весной 1963 года.

Но окончательное решение Бен-Гуриона уйти в отставку пришлось на самый разгар нового кризиса. 17 апреля 1963 года Египет, Сирия и Ирак объявили о своем намерении объединиться в "Арабскую федерацию". Это известие сильно встревожило Бен-Гуриона. Он видел серьезную опасность в том пункте учредительной хартии о создании "Арабской федерации", где говорилось: "объединение трех стран позволит соединить их вооруженные силы для освобождения нашей арабской родины от сионистского врага".

Этот абзац был вполне стандартной декларацией, подобной множеству других заявлений арабских правителей до и после нее. Но у Бен-Гуриона она вызвала тревогу, какой он никогда доселе не выказывал. Он воспринял новую федерацию как прямую угрозу существованию государства. Еще в 1948 году он страшился создания сплоченного фронта арабских стран под предводительством "арабского Ататюрка", который пойдет войной на Израиль и уничтожит его. Очень немногие разделяли мрачные прогнозы Старика. Но Бен-Гурион, утратив всякое чувство меры, непоправимо скатывался к крайним решениям, побу-

дившим его начать невиданную в истории государства Израиль политическую кампанию. Он обратился к "главам всех государств мира" с патетическим посланием, призывая их "потребовать на ближайшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы арабские страны подчинились принципам Организации Объединенных Наций и обязались заключить постоянный мир с Израилем". В течение пяти недель секретарши Старика печатали десятки экземпляров этого послания и рассылали их во все концы света.

Главам великих держав Бен-Гурион направил особые письма. Председателю Совета Министров СССР Хрущеву Бен-Гурион предлагал, чтобы правительства Советского Союза и Соединенных Штатов Америки совместно заявили о том, что все народы Ближнего Востока обязаны уважать независимость и территориальную целостность всех государств региона и прийти к мирному урегулированию".

Президент Джон Кеннеди получил более подробное предложение: "...катастрофу можно предотвратить, если президент США и председатель Совета Министров СССР... выступят с совместным заявлением о том, что обе великие державы гарантируют государственную целостность и независимость всех государств Ближнего Востока в нынешних границах; а также о том, что любая страна, грозящая нападением другим странам, не будет получать ни финансовой, ни политической, ни какой бы то ни было иной помощи от великих держав и государств членов ООН. Кроме того, две великие державы заявят, что применят санкции к любому ближневосточному государству, нарушающему Декларацию ООН и решения Совета Безопасности и продолжающему сохранять состояние войны с другим государством, отказывающемуся признать это государство и установить с ним отношения, как с признанным членом ООН". Бен-Гурион определил существующее положение на Ближнем Востоке как "крайне серьезное" и сделал Кеннеди далеко идущее предложение: "Если вы сумеете уделить час или два для беседы со мной о нынешних проблемах и

путях их решения, я готов приехать в Вашингтон в любой удобный для вас день и безо всякой публичной огласки”.

Это последнее предложение Бен-Гуриона придало его обращению к Кеннеди крайне драматическую окраску. Патетично и необычайно было и его обращение к президенту Франции де Голлю.

”Главное, по-моему, — предотвратить войну, а этого можно достичь, лишь заключив военный союз между Францией и Израилем...”

Вопрос, с которым я обращаюсь к вам, г-н президент, состоит в том, не пора ли облечь верную дружбу, существующую между нашими двумя странами, в форму политической декларации о том, что в случае нападения на нас со стороны Египта или его союзников Франция окажет нам военную помощь (особенно в воздухе и на море)? Мне также представляется, г-н президент, что желательнее было бы, если позволяет ваше время, встретиться и переговорить на эту тему”.

Бен-Гурион ошибся. ”Арабская федерация” испустила дух, не успев родиться. Его обращения к главам правительств потерпели полный провал — все его просьбы были отвергнуты. Правительство Великобритании выразило мнение, что ”арабские страны отнюдь не намереваются нападать на Израиль”. Президент де Голль вежливо отклонил и предложение Бен-Гуриона приехать в Париж, и его просьбу о заключении военного союза.

Президент Кеннеди отверг бен-гурионовское толкование текста учредительной хартии ”Арабской федерации”, утверждая, что по мнению Вашингтона, ”эта декларация практически ничем не отличается от множества предшествующих заявлений, составленных в других выражениях”. Кеннеди указал также, что он не расположен к каким-либо совместным декларациям с Хрущевым, и отверг весь план Бен-Гуриона в целом. Американский президент неодобрительно отнесся также к предложению Бен-Гуриона приехать в Вашингтон: ”Опыт говорит мне, что в периоды, подобные нынешнему, когда внимание мира обращено на

ваш район и на роль США в нем, нет никаких разумных шансов сохранить нашу беседу в тайне. Я также опасаюсь, что официальная встреча между нами приведет к усилению напряженности в регионе и эскалации беспочвенных догадок, способных лишь подорвать наше общее стремление к поддержанию стабильности и мира”.

Итак, дипломатическое наступление Бен-Гуриона закончилось сокрушительным поражением. Голда Меир знала об инициативе Старика, но не принимала участия в ее осуществлении. “Мы знали об этих обращениях, — говорила Голда много лет спустя. — Мы относились к Давиду Бен-Гурцону с таким благоговением, что ничего не сказали ему, хоть и сильно удивились”.

Но еще до того, как Бен-Гурион разослал свои многочисленные послания, произошло событие, взволновавшее и потрясшее всю страну.

15 июня 1963 года во второй половине дня Бен-Гурион приехал в Иерусалим, где у него состоялась встреча с Голдой Меир. Голда была необычайно возбуждена. Ей попала на глаза телеграмма западногерманского информационного агентства об участии израильских солдат в испытаниях новейшего немецкого оружия. В последнее время Голда все более резко нападала на германскую политику Бен-Гуриона. Она потребовала, чтобы Бен-Гурион отдал военному цензору распоряжение запретить публикацию сообщения об учениях израильских солдат на военной базе ФРГ. “Появление такого сообщения вызовет излишние неприятности” — говорила Голда.

Бен-Гурион отказался. Он объяснил, что не вправе запрещать публикацию каких-либо сообщений; это относится к компетенции военного цензора, который действует в соответствии с четкими директивами. Голда Меир ушла от Бен-Гуриона ни с чем.

Тедди Колек, знавший, как велик был гнев Голды, решил снова устроить ей встречу со Стариком. Около одиннадцати вечера Тедди и Голда вошли в дом Бен-Гуриона. Все трое уселись в кухне, и между Гол-

дой и Бен-Гурионом начался яростный спор по германскому вопросу. Около полуночи они расстались, так и "не преодолев своих разногласий". На следующее утро Бен-Гурион явился в свою канцелярию. "Я иду подавать в отставку", — сказал он своему секретарю.

Известие об этом разнеслось как гром среди ясного неба. Были немедленно вызваны Тедди Колек и Ицхак Навон. Но Бен-Гурион стоял на своем. Он продиктовал секретарше лаконичные, состоявшие из одной фразы, заявления об отставке, адресованные президенту государства и председателю Кнесета. Никакие уговоры не помогали.

Более других тронули его просьбы генералов Ицхака Рабина и Меира Амата. Рабин был крайне взволнован. Он рассказал Старику, что оповестил о его отставке генералов Армии Обороны Израиля и "все онемели". Один из генералов сказал, что "это катастрофа". Рабин подчеркнул, что армия не вмешивается в политику, не участвует в ней и не оказывает какого-либо давления, но армия, тем не менее, "видит в этом катастрофу".

"Что будет теперь с армией?" — спрашивал Рабин. Бен-Гурион пробовал объяснить, что он должен уйти в отставку по причинам, не связанным с армией. "Все генералы говорят, что это невероятно, — повторял Рабин, — они не понимают, как можно без Бен-Гуриона".

"Нет для меня ничего дороже армии", — растроганно ответил Бен-Гурион.

"Армия — это не просто орган обороны, это самая халуцианская часть нашего народа, — продолжал Старик. — Но я не могу согласиться, не могу по причинам, не касающимся армии".

Бен-Гурион был взволнован до слез. "Слова Ицхака Рабина тронули меня до глубины души", — записал Старик в дневнике. — Я с трудом сдержал слезы". Он отказался подробнее объяснить причины своего ухода.

Истинные мотивы решения Бен-Гуриона можно

отыскать в его дневниковой записи за тот же день 16 июня. Запись эта свидетельствует о том, что хотя решение зрело в нем на протяжении долгого времени, принято оно было импульсивно, под влиянием толчка извне. "Я, в сущности, решился уйти еще два с половиной года назад, но тогда я боялся, что мой уход может вызвать развал в партии... "Вождь" (Бегин) почувствовал, как крепнет его сила, а с нею выросла и его наглость, и он начал силой подчинять себе Кнесет, что продемонстрировали бурные дебаты по внешнеполитическим вопросам. Да и по вопросу о западногерманских ученых Кнесет принял не обычную резолюцию, какую принимают обычно по заявлению министра иностранных дел, а резолюцию, продиктованную Херутом. Только слепому неясно, что "вождь" рвется к власти.

Я опасался, что теперь и либералы протянут руку Херуту, и, игнорируя угрозу со стороны Египта, попытаются представить Западную Германию главным врагом Израиля. Ахдут ха-авода и, разумеется, Мапам, вместе с Маки тоже непременно присоединятся к этой опасной сделке. Я не уверен в том, что Голда не пойдет у них на поводу. Весьма вероятно, что в центре окажется Иссер, на сей раз исполняющий роль, которую Лавон играл два года назад. А ничто не приблизит так фашистского режима в Израиле, как это сумасшествие".

В этих словах вновь виден и страшный, чудовищный ужас, который внушал Бен-Гуриону Херут, и обида на товарищей, и ярость из-за удара по его германской политике. Бен-Гурион ушел в отставку в состоянии колоссального душевного напряжения, и двигавшие им мотивы были иррациональны.

Случившийся накануне спор с Голдой был лишь последней каплей — в том душевном состоянии, в котором Бен-Гурион пребывал последние десять недель, он не мог управлять государством.

Бен-Гурион не рассуждал, не прислушивался к голосу логики, не задумывался о будущем, ему просто все опротивело и он ушел. Своим внезапным решени-

ем он сильно навредил и себе, и своим молодым друзьям. Развернувшаяся вокруг "дела Лавона" война за наследство, завершилась теперь полной победой старой гвардии. Главой правительства вместо Бен-Гуриона был избран Леви Эшкол. Он сделает все, чтобы сохранить прежнее соотношение сил внутри партии, он не пойдет дальше по пути Бен-Гуриона, не осуществит постепенной смены старых кадров молодыми, более энергичными руководителями. "Дело Лавона" и его отголоски положили конец правлению Бен-Гуриона, оттеснили его учеников в задние ряды, сдвинули партию с его пути.

Отставка Бен-Гуриона более любого другого события ознаменовала собой конец целого периода в истории государства Израиль.

Бен-Гурион решил обратиться к правительству с просьбой провести повторное расследование всего "дела Лавона". Тем самым он нарушил обещание, которое публично дал накануне выборов в пятый состав Кнесета — не заниматься этим более. Но деятельность Комиссии семи не давала ему покоя. Его душу жгло чувство личной обиды. Бен-Гуриона интересовал не вопрос о том, "кто отдал приказ", а ненависть к решению Комиссии семи. Он решил сломить сопротивление правительства и с помощью судебного разбирательства исправить ложный приговор.

Однако Леви Эшкол, бывший главным действующим лицом Комиссии семи, естественно, не желал повторного разбирательства.

Бен-Гурион пригласил Эшкола к себе, желая обсудить эту тему.

"У главы правительства есть возможность потребовать судебного разбирательства — тем самым он смывает с себя позор и повышает свой авторитет. Если же он этого не сделает, то это сделаю я, но мне бы не хотелось, чтобы правда открылась благодаря моему вмешательству".

Эшкол попросил дать ему некоторое время на размышление.

Через восемь дней Эшкол и Бен-Гурион снова встретились. Эшкол сказал Старику, что обдумал его предложение и пришел к отрицательному решению.

Этот ответ Эшкола означал, по сути, установление того факта, что рано или поздно им с Бен-Гурионом не миновать схватки.

И Бен-Гурион решил действовать без отлагательств. 27-го апреля он начал приводить в порядок находившиеся в его распоряжении материалы, связанные с "делом Лавона".

В середине февраля 1965 года в тель-авивском "Хейхал ха-тарбут" (Дворце культуры) открылся съезд Мапай, ставший ареной последней схватки между Бен-Гурионом и Эшколом. Обе стороны напряженно готовились к съезду. Один лагерь составляла старая гвардия, верхушка руководства, сплоченная вокруг Эшкола, и значительная часть партийного аппарата, другой — "молодежь", — сторонники Бен-Гуриона, большая часть представителей от новых поселений и районов развития. По подсчетам сторонников Бен-Гуриона, они опирались на 800 из 2200 делегатов съезда. И хотя "дело Лавона" не было включено в повестку дня съезда, именно вокруг него разгорелась основная борьба. Драма, сотрясавшая Мапай, происходила на увитой цветами, украшенной бело-голубыми и красными флагами сцене "Хейхал ха-тарбут". За длинным столом, покрытым голубой скатертью, сидели главные действующие лица этой мрачной истории, готовившиеся выйти в последний бой перед глазами 2200 делегатов, заполнивших партер и ярусы огромного зала.

За несколько часов до открытия съезда президент Залман Шазар предпринял последнюю попытку примирения сторон. Он пригласил к себе Эшкола, Бен-Гуриона и других руководителей ЦК.

"В последнее время наша партия сильно изменилась, — сказал Бен-Гурион в продолжение этой беседы. — Линию партии определяет уже не мнение ее членов, а ужас перед отставкой Эшкола. Если съезд покажет, что в нашей партии не существует более

свободы мнений, я не вижу смысла далее состоять ее членом. Это уже не та партия, в которой я проработал 58 лет”.

Бен-Гурион выступил на съезде с краткой энергичной речью: ”Хочу с предельной ясностью заявить, что если сегодня я окажусь перед выбором: выяснение правды или сохранение места в правительстве — то я выберу первое”. Бен-Гурион решительно потребовал судебного расследования и восстал против утверждения, что ”народ не желает снова ворошить ”дело Лавона”.

”Я не считаю, что народ у меня в кармане. Я не знаю, чего хочет и чего не хочет народ. Я, как мне кажется, знаю лишь то, что пойдет на благо народа. И за это я боролся, борюсь и буду бороться всю свою жизнь. Благо народа заключается в том, чтобы в нашей стране царили правда и справедливость”.

Против Бен-Гуриона выступили три главных оратора: ”Моше Шарет, Голда Меир и Леви Эшкол. Первым, сразу после Бен-Гуриона, взял слово Шарет. В самом его появлении было нечто трагическое. Шарета доставили на сцену в инвалидном кресле. Уже несколько месяцев товарищи знали, что он неизлечимо болен раком и его смертный час близок.

Шарет с беспрецедентной резкостью обрушился на Бен-Гуриона. ”По какому моральному праву Бен-Гурион пытается свалить на партию это дело? По какому моральному праву пытается он поставить этот вопрос в центре внимания съезда, отодвинув на задний план другие насущные вопросы, ждущие своего немедленного решения?”

Когда Шарет кончил говорить, к нему торжественно подошла Голда Меир и запечатлела на его лбу нежный поцелуй.

В тот же вечер она сама поднялась на трибуну, одетая в черное. Голда произнесла одну из самых резких речей, которые когда-либо были обращены против Бен-Гуриона.

Один за другим опровергала она все аргументы Бен-Гуриона. ”Что делает наш товарищ Давид

Бен-Гурион? Он еще до суда винит человека. Он говорит: "Полуправда", "ложный приговор", "поблажка".

Намекнув на то, что Бен-Гурион подал в отставку, так как решения Комиссии семи были ему не по нраву, Голда обрушила на него град беспощадных вопросов и обвинений.

Бен-Гурион сидел с пылающим лицом, в душе его бушевала буря. "Дорогая, любимая Голда", которая была ему так близка, теперь жестоко сводила с ним счеты. Эта картина — гневная Голда на трибуне и оглушенный Бен-Гурион у края стола — врезалась в память всех друзей Бен-Гуриона, которые окрестили тот вечер "ночью длинных ножей"*.

По окончании выступления Голды Бен-Гурион должен был выступить с ответной речью. Вместо этого он встал и вышел из зала. "Самой большой мерзостью было ядовитое выступление Голды, — записал он в дневнике, — Мне было страшно тяжело слышать ее слова, полные ненависти. Откуда эта злоба, в чем ее источник? Давно ли она появилась или только что возникла?" Долгие дни не мог он избавиться от тяжелого впечатления, вызванного словами Голды. "Если б я не слышал ее собственными ушами, я бы не поверил, что она может впитать столько яда и потом так безжалостно излить его... Видно, она долго находилась в ядовитой атмосфере, долго пила из отравленных источников..."

С той минуты, как он пошел по пути раскола, безгранично преданный ему Шимон Перес уже не мог оставить Бен-Гуриона; вопреки своим первоначальным замыслам, он стал центральной фигурой новой организации. Аналогично вел себя и Даян.

(Бен-Гурион, однако, не желал выступать в роли человека, вызвавшего раскол Мапай. Он назвал новую организацию "Рафи" — "Список израильских рабочих", и утверждал, что она является составной

*Так была названа ночь 30 июня 1934 года, когда по санкции Гитлера были уничтожены главы штурмовиков, подозреваемые ими в нелояльности. (Прим. перев.)

частью Мапай. Секретариат Мапай постановил, тем не менее, что организаторы Рафи поставили себя вне партии).

Вряд ли когда-либо в истории Израиля политические деятели и организации обрушивали друг на друга такие потоки обвинений и оскорблений, как недавние товарищи по партии. Бен-Гурион обливал грязью руководителей Мапай, а те щедро платили ему взаимностью. Все, кто питали неприязнь к Бен-Гуриону, все, кого он когда-нибудь обидел, не жалея сил участвовали в избирательной кампании, борясь за победу Эшкола.

Иссер Харэль, ставший яростным противником Бен-Гуриона, был назначен советником Эшкола по вопросам разведки и безопасности. Хаим Ласков возглавил новорожденную независимую организацию "Граждане, поддерживающие Эшкола", созданную специально для борьбы против Бен-Гуриона.

Но главный удар нанесли Рафи не мстительность и клевета врагов. Новая организация выступила с программой, отличавшейся государственным подходом к политике и призывом к переменам в израильском обществе. Но ни привлекательные молодые лидеры, ни энтузиазм молодых членов организации, ни передовая программа не могли изменить уже сложившегося у широкой общественности представления о Рафи — о той самой Рафи, главной фигурой которой был злопамятный и мстительный Старик, поднявшийся на борьбу против своего преемника и жаждущий снова захватить власть. На этом фоне народ Израиля мог легко поверить любым обвинениям и инсинуациям в адрес Бен-Гуриона, в том числе и самым невысказанным и вздорным.

Бен-Гурион справедливо отметил в дневнике, что это была "самая омерзительная избирательная кампания, когда-либо проводившаяся в Израиле". Правильной была и его оценка результатов выборов: Маарах (объединение Мапай и Ахдут ха-авода) одержал победу, а Рафи потерпела крупное поражение.

Новая партия получила лишь 10 мест в Кнесете, а Маарах — 45.

Рафи, в состав которой входило несколько наиболее одаренных политических деятелей Израиля, была вынуждена перейти в бесплодную оппозицию. Бен-Гурион более не имел никакого влияния на государственные дела — престарелый лев, бессильный рык которого уже не сотрясает окрестности.

Начавшись как праведная борьба смелого и прямого вождя, битва эта завершилась непоправимым поражением, означавшим окончательный закат Давида Бен-Гуриона.

Эшкол выступил в последний день съезда. Он обратился к Бен-Гуриону с взволнованным призывом: "Бен-Гурион, скажу то, что я чувствую, на своем каначейском жаргоне — я нуждаюсь в вашем кредите! Ведь я прошу лишь об одном сроке, лишь о четырех годах!"

В заключение работы съезда состоялось тайное голосование. Предложение Бен-Гуриона и его сторонников о проверке "Дела" 1954 года "в государственных и судебных инстанциях" собрало 841 голос. 1226 делегатов проголосовали против него, таким образом, за Бен-Гуриона выступило сильное меньшинство — 40%.

Теперь у Бен-Гуриона окончательно сложилось решение выступить на ближайших выборах во главе независимого списка. Он давно уже намекал на это, но в течение многих недель колебался и откладывал публичное выступление.

В последних числах июня стало ясно, что многие руководители бен-гурионовского лагеря, в первую очередь Даян и Перес, не поддерживают идею раздела. Эта группа решила даже собрать специальное совещание и постановить, что "меньшинство" остается в Мапай. Шимон Перес подготовил проект резолюции, ключевое положение которой гласило: "Большинство участников совещания считает, что лучше всего бороться за наши взгляды, оставаясь в рядах партии". Этот документ был уже напечатан и размно-

жен, чтобы его можно было передать журналистам сразу после того, как он будет принят на совещании.

Вечером 29 июня в доме Бен-Гуриона собралось человек 45 гостей. Они пришли обсудить вопрос о выходе из партии. Но Бен-Гурион неожиданным ходом спутал все карты и решил все самолично. Правда, сначала Шимон Перес изложил присутствующим имеющиеся в их распоряжении различные возможности и попросил их высказать свое мнение. Однако Бен-Гурион взял слово и заявил, что здесь собрались люди, намеревающиеся создать новую независимую организацию. Тем самым он поставил присутствующих перед совершившимся фактом — он выставляет независимый список.

Всем остальным не оставалось ничего иного, как решить — остаются они с ним или отходят от него.

Старик настаивал на том, чтобы в прессу было передано заявление об учреждении нового избирательного списка. Шимон Перес и несколько его товарищей попытались отсрочить публикацию такого документа, надеясь, что им все же удастся предотвратить раскол. Бен-Гурион, по той же самой причине, требовал немедленно передать газетчикам официальное заявление. Так и было сделано. Тем же вечером в последнем выпуске новостей радиостанция "Кол Израэль" сообщила о создании нового независимого списка под руководством Бен-Гуриона.

Раскол стал фактом.

28. ЗАКАТ

15 мая 1967 года, когда Израиль праздновал День Независимости, крупные подразделения египетской армии форсировали Суэцкий канал и углубились на территорию Синайского полуострова. Египетские вооруженные силы расположились в непосредственной близости от границы Израиля. Голосами своих радиостанций, заголовками на первых полосах газет арабский мир во всеулышание заявлял, что близится решающая схватка между арабами и Израилем за освобождение захваченной Палестины.

В результате событий на северной границе над Израилем внезапно, через десять лет необъявленного мира, нависла угроза войны с Египтом. 7 апреля, после многочисленных сирийских провокаций, израильские "Миражи" сбили 6 сирийских "МиГов"; на основании этого Советский Союз начал упорно распространять измышления о том, что Израиль собирается напасть на Сирию. СССР даже утверждал, что Израиль сконцентрировал на своей северной границе 11 бригад. Эти сообщения были совершенно безосновательны, однако Египет не прилагал чрезмерных усилий, чтобы проверить их истинность. Президент Насер немедленно отдал своим войскам приказ занять позиции в Синае, вблизи израильской границы, якобы для предотвращения израильского нападения на Сирию. Узнав о приближении египетских сил, начальник Армии Обороны Израиля Ицхак Рабин приказал танковой бригаде передислоцироваться на юг страны.

Вся история до удивления напоминала аналогичную ситуацию, имевшую место семь лет назад, в феврале 1960 года. И тогда, после ответной израильской операции против Сирии в Тауафике, Египет направил в Синай несколько сот танков. И тогда Израиль скон-

центрировал войска на противоположной стороне границы. Но в тот раз переброска войск производилась тайно и страсти не успели накалиться. Возглавлявший в ту пору правительство Бен-Гурион поспешил сообщить в Кнесете о своем скором визите в США, а затем отправился в двухнедельную заграничную поездку. Таким образом, было убедительно продемонстрировано отсутствие у Израиля агрессивных намерений. Напряженность разрядилась, и через некоторое время египетские войска вернулись на западный берег Суэцкого канала.

Когда в середине мая 1967 года стало известно о военных приготовлениях Египта, Бен-Гуриону припомнились подробности событий февраля 1960 года. Ему, естественно, казалось, что так надо действовать и теперь: снизить напряженность, не отвечать ни громкими декларациями, ни мощными контрмерами, ни широкой мобилизацией резервистов. Однако, в отличие от 1960 года, на этот раз Насер не ограничился переброской своих вооруженных сил в Синай. Он потребовал также, чтобы международные силы ООН по поддержанию мира на израильско-египетской границе в Шарм-аш-Шейхе немедленно покинули свои позиции на территории Египта. Это было чрезвычайное требование, изменившее положение на Ближнем Востоке. Контингенты войск ООН начали спешно готовиться к эвакуации, а Египет тем временем направил в пограничный район новые воинские подразделения и выступил с новыми воинственными заявлениями. В ответ на это 19-го мая Израиль объявил частичную мобилизацию.

Бен-Гурион встревожился. Он опасался, что дальнейшее обострение обстановки может привести к новой войне — и, как повелось у него в последнее время, возложил вину за усиление напряженности на Эшкола. Со времени выборов, на которых Маарах нанес Рафи сокрушительное поражение, истекло 18 месяцев, но Бен-Гурион не переставал беспощадно критиковать нового премьер-министра.

21 мая Бен-Гурион приехал в Тель-Авив и на со-

вещании руководства Рафи высказался за то, чтобы представители партии внесли в Кнесете "предложение об отставке Эшкола, подобно тому, как это было сделано в 1940 году в Англии по отношению к премьер-министру Чемберлену". Однако Моше Даян и Шимон Перес выступили против. Кроме того, Бен-Гурион выразил опасение по поводу имевшихся в распоряжении Египта ракет; его беспокоила также опасность, угрожающая крупным городам Израиля в случае ударов египетских военно-воздушных сил. Он считал, что вступление Израиля в войну в данный момент нежелательно с военной и политической точек зрения, а потому лучше распустить резервистов по домам и сделать все возможное для разрядки напряженности. Во время дебатов Бен-Гуриону передали записку, которая сильно его удивила: начальник генштаба Ицхак Рабин просил о встрече. Бен-Гурион тут же согласился.

Ицхак Рабин был в те дни взвинчен до предела. Неожиданные действия Египта вызвали в правительственных кругах растерянность и колебания. Леви Эшкол не был создан для такого рода испытаний, да и вообще не было в нем военной жилки. Он никак не мог выработать четкой и однозначной позиции в отношении египетской угрозы и долгое время пребывал в полнейшей нерешительности. С тех пор, как Насер предпринял свой опасный демарш, Эшкол проводил непрерывные заседания и совещания и взвалил на начальника генштаба не только роль главного военного советника правительства, но, по существу, и обязанности министра обороны. Эта колоссальная ответственность с одной стороны и колебания главы правительства — с другой тяжким грузом лежали на плечах Рабина. Поэтому он решил встретиться с Бен-Гурионом и узнать, как оценивает создавшуюся ситуацию Старик.

Однако встреча с Бен-Гурионом нанесла Ицхаку Рабину новый удар. "Наша беседа с Бен-Гурионом оказалась для меня большим потрясением", — рассказывал впоследствии Ицхак Рабин. Бен-Гурион, "не

стесняясь в выражениях”, трезво проанализировал положение и объяснил, почему ни в коем случае нельзя допустить, чтобы сейчас вспыхнула война”.

Бен-Гурион обвинил Рабина в том, что, объявив мобилизацию резервистов, он подверг народ Израиля излишней опасности, а также резко отозвался о действиях Цахала против Сирии. Разговор с Бен-Гурионом не принес Рабину ни совета, ни облегчения. Наоборот, эта встреча еще более усилила его подавленность. ”Ицхак был очень угнетен”, — записал Старик после этой беседы.

Увы, в 1967 году Бен-Гурион уже не был тем смелым и дальновидным политиком, каким знали его прежде почитатели. Старость, отдаление от центров действия, память об уроках прошлого — все это сделало свое дело. Еще живший в сердцах людей легендарный образ Бен-Гуриона не давал им разглядеть, что в возрасте 81 года Старик уже утратил былое политическое чутье. ”Он живет в мире прошлого, — с грустью заметил Даян накануне Шестидневной войны, — благоговееет перед де Голлем, преувеличивает силу Насера и не понимает, насколько выросла мощь Цахала”. Бен-Гурион полагал, что грядущая война уже не будет столь успешной для Израиля, как Синайская операция. Он думал, что война эта окажется затяжной, продлится несколько недель, а может, и месяцев; что Израилю придется воевать не только с Египтом, но также с Сирией и Иорданией; что на фронте жертвы могут исчисляться тысячами, а в тылу будет подорван моральный дух; что Израиль будет нуждаться в непрерывных и крупномасштабных поставках оружия от западных держав, а также в их дипломатической поддержке на международной арене. Исходя из всего этого, он и утверждал, что Израилю нельзя в данный момент ввязываться в войну. Ему следует неустанно разъяснять миру свои позиции, гарантировать себе прочную поддержку западных держав и ни в коем случае не нападать на арабские страны.

Даже после того, как 23 мая 1967 года стало из-

вестно, что Насер решил закрыть Тиранские проливы для израильских судов, Бен-Гурион не изменил своего мнения. Даже после того, как де Голль повернулся к Израилю спиной и обратился в сторону арабского мира, Бен-Гурион продолжал верить в его искреннюю дружбу.

Нынешние воззрения Старика совершенно не соответствовали его прошлой репутации решительного и смелого вождя. Чем более усложнялась обстановка, тем более усиливалось критическое отношение общества к Эшколу, не решавшемуся начать войну, тем громче раздавались голоса, требовавшие возвращения Бен-Гуриона к власти. Широкая общественность и некоторые влиятельные политические деятели носились с идеей, что Бен-Гурион, возглавив страну, твердо поведет ее на решительную битву. Лишь немногие знали, как далеко это мнение от истины, как яростно возражает Старик против военных действий. На следующий день после закрытия проливов, 24 мая, давний противник Бен-Гуриона, Менахем Бегин совершил невероятный поступок: встретившись с Леви Эшколом, он предложил ему, чтобы Бен-Гурион возглавил правительство национального единства. Эшкол наотрез отказался принять предложение Бегина. "Таких двух коней в эту упряжку не впряжешь", — бросил он.

Бен-гурионовская оценка положения дел, насколько можно судить на основании дальнейших событий, была совершенно ошибочной. Но его престиж, его прошлые победы, его не раз проявлявшаяся способность к четкому анализу ситуации придавали колоссальный вес мнению Старика в те дни всеобщей растерянности. И потому весьма вероятно, что почти паническое состояние, овладевшее Ицхаком Рабином 23 мая после того, как стало известно о закрытии Тиранских проливов, было вызвано, отчасти, и мрачными предсказаниями Бен-Гуриона.

В последних числах того знойного и памятного мая в настроении масс произошел поворот. Все больше людей, прослышав о нынешних воззрениях

Бен-Гуриона, отказывались от мысли о введении Старика в правительство. Одновременно с этим усиливались голоса, требовавшие передать пост министра обороны Моше Даяну. В субботний вечер 27 мая к Бен-Гуриону пришли Менахем Бегин и несколько его товарищей. Бен-Гурион изложил гостям свою точку зрения. Бегин, отвергнув доводы Бен-Гуриона, высказался в пользу немедленного начала военных действий.

После этой беседы Бегину стало ясно, что вопрос о введении Бен-Гуриона в правительство уже не имеет реальных оснований.

Движение за возвращение Бен-Гуриона к власти мало-помалу заглохло. Бен-Гурион и сам отказался от этой идеи. На совещании руководства Рафи он рекомендовал выставить на пост главы правительства и министра обороны кандидатуру Моше Даяна, вызвавшись, если Даян того пожелает, быть его советником.

А страна тем временем клокотала. В Мапай началось настоящее восстание против Эшкола и Голды Меир; бунтовщики требовали передать пост министра обороны Моше Даяну. Колебания Эшкола, неуверенная, запинаящаяся речь, с которой он выступил по "Кол Исраэль", слухи о растерянности начальника генштаба, ужас перед стягивающимся вокруг Израиля смертельным кольцом — все это породило небывалое возбуждение в народе, армии, внутри самой партии Мапай. Эшкол сдался и вечером 1 июня предложил Даяну стать министром обороны в правительстве национального единства. Бегин и Сапир также были приглашены участвовать в правительстве в качестве министров без портфеля.

На совещании парламентской фракции Рафи было решено одобрить участие Даяна в правительстве.

Поддержав Даяна, Бен-Гурион фактически одобрил политику, которой противился всем своим существом; правда, он еще надеялся, что ему удастся убедить Даяна в правильности своей концепции. Старик придавало уверенности то обстоятельство, что Даян обусловил согласие на пост министра обороны

тем, чтобы "к нему был прикреплен", то есть давал ему советы Бен-Гурион. На деле все оказалось иначе. Даян решил ни в чем не советоваться со Стариком. Признавая превосходство Бен-Гуриона в политических вопросах, Даян был убежден, что на сей раз Старик неверно представляет обстановку. "К лучшему это или к худшему, но так сложились обстоятельства, — записал он. — В этой войне я должен полагаться на собственные силы".

Назначение Даяна министром обороны и вынесенное 4 июня 1967 года израильским правительством решение о начале войны означали окончательный закат Бен-Гуриона как государственного деятеля.

Закат этот не был постепенным и незаметным, он произошел внезапно и круто. Весь процесс занял шесть дней — столько же, сколько Шестидневная война. Накануне войны Старик был еще одним из виднейших лидеров страны, претендентом на руководство государством или его обороной, чем-то вроде спасителя отечества, к которому обращались представители широких кругов общественности. К концу войны это был уже отставной политик, старый человек, время которого миновало; ожесточенную битву за существование Израиля вели другие — им и принадлежали лавры победы.

Поздно вечером 4 июня Бен-Гурион впервые ощутил горький вкус беспомощности. Весь день ожидал он прихода Даяна, который должен был сообщить ему о решениях, вынесенных на состоявшемся утром заседании правительства. "В 10 часов, когда я, как обычно, читал, лежа в постели, раздался стук в дверь. Я пошел открывать, думая, что это Моше. К моему удивлению, это был Хаим (Хаим Исраэли — начальник канцелярии министра обороны)". Хаим сказал Старику, что Даян не может прийти, так как в 11 часов у него совещание с Эшколом. "Решено завтра начать действовать, видимо, первой в дело вступить авиация. Моше все же сможет заскочить ко мне за пять минут. Я сказал Хаиму, что не стоит Даян утруждаться, поскольку за пять минут он не объясни-

мне ситуацию”. Для себя Старик записал: ”Я не сказал этого Хаиму Исраэли, но у меня не лежит душа к завтрашней операции. Я не знаю, что известно по этому вопросу правительствам Соединенных Штатов и Великобритании, а потому в поспешном разговоре ничего не смогу сказать, хотя их замыслы меня очень тревожат. Моше дважды сказал мне, что хочет, чтоб я считал себя ”прикрепленным к нему”. Какой толк в таком ”прикреплении”, если роковой шаг уже сделан!

Не понимаю, к чему такая спешка, — сердито прибавляет Старик. — Как я могу что-нибудь посоветовать, пока не знаю, о чем договорились с нашими западными друзьями”.

Хаим Исраэли утверждал, что Бен-Гурион закончил беседу с ним словами: ”Иди к Моше и скажи ему, что я его благословлю”. Если Старик действительно произнес эти слова, значит, ему удалось скрыть свою горечь от того, что историческое решение принято вопреки его мнению и без его участия.

5 июня разразилась Шестидневная война. Первые сообщения о ней Бен-Гурион воспринял гневно. ”Операция действительно началась утром с атаки наших ВВС на юге. Идет штурм Хан-Юниса и Рафияха. Полагаю, что это жестокая ошибка. Надо было довести до сведения Вашингтона и Лондона, что мы собираемся начать военные действия, если блокада проливов не будет прекращена. Даян прислал ко мне утром генерала — чтобы сообщить о начале операции. В этом не было нужды”.

Шимону Пересу, появившемуся у него в середине дня, Старик дал немного почувствовать свой гнев. ”Происходит серьезнейшее событие, — сказал ему Бен-Гурион. — Но мне кажется, что не следовало начинать войну, не поставив сначала в известность Америку и Англию, не объяснив им, почему мы вынуждены воевать. Шимон сказал, что это, как будто, было сделано”.

Настроение Старика немного улучшилось, когда начали поступать сообщения о блестящих успехах из-

раильской авиации, уничтожившей практически все самолеты врага на аэродромах. Бен-Гурион отправился в генштаб. "Разговаривал с Моше, Цуром и Игальем Ядином, а потом с Мота Гуром и Эзером Вейцманом. Победа наших ВВС, быть может, единственная в своем роде. Уничтожено 362 арабских, в основном, египетских, самолета. Разрушены почти все аэродромы Египта и Сирии. Захвачены Хан-Юнис и Рафиях. Только иорданцы еще воюют. Египет и Сирия разгромлены. Моше не позволяет публиковать известия обо всех наших достижениях".

На второй день войны Бен-Гурион спросил Хаима Исраэли про положение на северном фронте. "Сирийцы неистовствуют, — ответил Хаим, — и Моше им пока не мешает, чтобы попозже как следует ударить по ним". Бен-Гурион ответил: "Нельзя мешкать, ведь страдают наши поселения, их надо защищать". "Я сказал Хаиму, — записал Старик, — что хочу поговорить с Моше, когда он сумеет освободиться. Он обещал узнать".

Но Моше так и не сумел высвободить время. Ни в тот день, ни в последующие. Бен-Гуриону приходилось довольствоваться донесениями, которые доставляли ему Цви Цур, Шимон Перес и Хаим Исраэли.

Утром 9 июня Бен-Гурион услышал по радио, что Сирия согласна на прекращение огня, и, следовательно, война окончена. Но скоро Старик стало ясно, что бои с Сирией продолжаются. На этот раз Бен-Гурион позвонил прямо Даяну. "Почему вы не наносите сирийцам решительного удара?" — спросил он. Даян отвечал: "Сирийцы сражаются, и мы сконцентрировали против них крупные силы..."

"Каким образом было нарушено прекращение огня и кто это сделал?" — спросил Старик. Даян не ответил. "Довольно и такого ответа", — записал Старик.

На следующий день Бен-Гурион продолжал критиковать действия Цахала на Голанских высотах. В то время, как парашютисты и танкисты завершали захват сирийских позиций, Старик сидел дома в полном

одиночестве и изливал гнев в горьких дневниковых записях: "Бои с сирийцами продолжаются. Боюсь, что от этого в немалой степени пострадает симпатия и дружба, которые вызывала наша армия в мире, по крайней мере, в демократическом мире. Во имя чего?"

Вконец рассердившись, Бен-Гурион не стал больше звонить Даяну и предпочел набрать телефон Цви Цура, выполнявшего обязанности связного.

"Я позвонил Цуру и сказал ему, что, по-моему, наши действия за два последних дня — это огромная ошибка.

7-го, во второй половине дня "Кол Израэль" передал, что Россия разорвала дипломатические отношения с Израилем и потребовала, чтобы персонал нашего посольства как можно быстрее покинул Москву. Вот они, плоды бессмысленного продолжения боев с Сирией! Нельзя обмануть весь мир!"

В тот же вечер Голанские высоты были захвачены и Шестидневная война закончилась.

Кончились и попытки Бен-Гуриона повлиять на ход событий. Он не вспоминал более ни о своей резкой критике по поводу начала войны, ни о возражениях против нападения на Сирию. Но он не взял назад своих обвинений в адрес Эшкола и Рабина.

Впрочем, Старик все же сделал жест, который можно было истолковать как извинение. Через несколько дней после окончания войны Ицхака Рабина пригласили к начальнику канцелярии министра обороны Хаиму Израэли. В кабинете Рабин застал Бен-Гуриона. Взволнованный как ребенок, он кинулся обнимать Рабина. У обоих на глаза навернулись слезы. "Он был страшно взволнован, да и я тоже, — рассказывал потом Рабин. — Он бормотал что-то бессвязное. Мне показалось, что Старик чувствовал, как был он неправ во время нашего разговора перед началом войны и хотел как-то загладить это".

Не все прогнозы Старика оказались ошибочными, не все его оценки — ложными. Еще в течение войны

он начал раздумывать о будущем захваченных территорий. До взятия Голанских высот он утверждал, что "из Иерусалима уходить нельзя, нужно как можно быстрее увеличить еврейское население города. То же и с Хевроном. Западный берег нечего возвращать Хусейну, но присоединение его к Израилю означает включение в страну миллиона арабов. Это серьезная опасность. Существует еще проблема беженцев в секторе Газы. Что касается Синая — по моему, надо потребовать прямых переговоров с Египтом и, если Насер согласится на мир, а также на свободу судоходства в Эйлатских проливах и Суэцком канале, мы должны уйти с Синайского полуострова". Около двух месяцев заняло у Бен-Гуриона рассмотрение вопроса о Голанских высотах. "Я решил... осмотреть Голанские высоты, поглядеть, можно ли основать там еврейские поселения, которые служили бы защитой для поселений в долине". Тем самым он определил свой подход к проблеме завоеванных территорий, к которой возвращался при каждой возможности: в обмен на подлинный мир — вернуть все территории, кроме Иерусалима с его окрестностями (включая Хеврон) и Голанских высот. Сторонники более умеренных взглядов ставили главное ударение на "возвращении всех территорий", более решительно настроенные почитатели Бен-Гуриона подчеркивали выражение "подлинный мир", утверждая, что, по мнению Бен-Гуриона, нельзя отдавать завоеванные земли до заключения мира. А поскольку мира пока не предвидится, говорили они, смысл слов Бен-Гуриона заключается в том, что следует удерживать все территории.

Во время Шестидневной войны Бен-Гурион осознал, что его активное участие в политической жизни Израиля подошло к концу. Будучи человеком мужественным и реально мыслящим, он склонился перед фактами. После Шестидневной войны он сознательно отошел от текущих политических вопросов, излечился от "Дела" и похоронил свои требования о судебном расследовании и исправлении "ложного

приговора". Он не препятствовал переговорам о воссоединении двух партий, которые его товарищи по Рафи начали вести с Мапай. Однако как человек, до конца верный себе, он возражал против воссоединения с Мапай, и не вошел в "Мифлегет авода" ("Рабочую партию").

В 1969 году Бен-Гурион выставил перед выборами в Кнесет небольшой независимый список, но воздержался от резкой полемики со своими прежними друзьями. Через год Бен-Гурион ушел из Кнесета и окончательно отошел от политической жизни вообще.

Погрузившись в писание воспоминаний, он мало высказывался по вопросам внешней политики. В сущности, воспоминания Бен-Гуриона свидетельствуют о его желании сызнова перелистать страницы истории. Человек, в недавнем прошлом творивший историю, стал теперь ее описывать. Лишь изредка взгляд его задерживался на актуальных вопросах, устремляясь в далекое прошлое, к деяниям первых халуцим, к собственным делам и помыслам в ту пору, когда был он еще молодым рабочим на полях Седжеры, прилежным студентом Стамбульского университета, грубоватым и энергичным секретарем рабочего Гистадрута, строптивым главнокомандующим рабочих организаций, ведущим их на смелый штурм сионистского движения.

Незаметно, как будто таясь, сложил оружие "человек, созданный для распрей и вражды". Он стал сдержаннее в выражениях, умереннее в порывах. Было ли это сделано сознательно, или просто сказывалась умиротворяющая старость? Он протянул руку вчерашним врагам, стер застарелую ненависть, пытаясь залечить жгучие раны. Своего извечного врага Менахема Бегина он перестал уподоблять Гитлеру и называть "фашистом". Между ними установились нормальные отношения и Бен-Гурион даже писал Бегину: "Моя Поля всегда была в числе ваших почитателей". Якова Шимшона Шапиро, которого он, бывало, име-

новал "грусом", а его приверженцев – "неофашистами", Старик приблизил к себе и назначил своим душеприказчиком. После нескольких бурных вспышек помирился он, наконец, и с Голдой Меир, хотя раны, нанесенные ими друг другу в период разрыва, так окончательно и не зарубцевались. Он не питал неприязни к Иссеру Харэлю, который, вольно или невольно, повлиял на его отставку в 1963 году. Более того, вместе с Харэлем Бен-Гурион баллотировался в Кнесет (по "государственному" списку) и сидел с ним на одной скамье в последний год своего пребывания в Кнесете. Даже к Лавону он относился умеренно и по-деловому, без злобы критиковал его книгу "На путях раздумья и борьбы", которая вышла в свет в 1968 году.

С тех пор, как смолкли битвы, прекратились оскорбительные споры и беспощадные стычки, постепенно изменился весь образ Бен-Гуриона. В последние годы своей жизни в Сде-Бокер Бен-Гурион уже не воспринимался никем как пленный лев, гневный пророк и воин. Это был симпатичный старик, беззлобный и снисходительный, у которого, кажется, не было ни к кому вражды. Он превратился в патриарха, отца отечества, провидца грядущих подвигов своих последователей, который вдохновляет и ободряет их, избегая при этом упреков и критики.

Старость все более подчиняла его себе. Он всеми силами боролся с нею, но это был тяжелый и безнадежный поединок. Все чаще нападала на него забывчивость, удары ее становились все болезненнее. Из его памяти исчезали имена людей, названия местностей и книг, путались даты; выдавались дни, когда ум его блистал прежней силой, а память была до удивления четкой, но потом искра гасла, старость набрасывалась на его воспоминания, своевольно перетасовывая имена, даты, события.

Его физическое здоровье также пошатнулось. Он часто болел и нуждался в медицинской помощи и последующей физиотерапии. В семидесятые годы он страдал сильными болями в правой руке, которые не

давали ему писать; даже пожать руку гостю он был иногда не в состоянии.

Смерть занимала его своей неотвратимостью.

Он выбрал себе место для могилы неподалеку от училища, созданного в Сде-Бокер, на вершине скалистого утеса, глядевшего на долину реки Цин. Но Поля опередила его — она скончалась в январе 1968 года. "Я всегда думал, что умру раньше нее, — печально сказал он. — И вдруг Поля умерла. Нет Поля".

Его 85-летие праздновала вся страна; члены правительства во главе с Голдой Меир посетили его в Сде-Бокер, а Кнесет издал особое постановление, позволяющее Старiku (уже не являвшемуся его членом) выступить перед избранниками народа. Его речь о будущем народа Израиля на земле предков завершилась бурной овацией, и представители всех партий поднялись со своих мест, приветствуя Старика. Многие обратили внимание на то, как часто обращался он в своем выступлении к вопросам веры и религии; действительно, на склоне лет Бен-Гурион всем сердцем уверовал в Бога.

В тот же год Старик совершил свою последнюю дальнюю поездку — в Брюссель, на конференцию в поддержку евреев СССР. В этом году он перестал вести дневник. И в этом же году произошел незначительный случай, оставивший пронзительную боль в душе его друга, Иехошуа Кохена: в середине их ежедневной прогулки Бен-Гурион вдруг повернулся к нему и негромко сказал: "Иехошуа, давай вернемся назад".

Жизнь его угасла. Он еще держался, у него еще хватило сил пережить горькие дни Войны Судного дня. Одинок сидел он в своем тель-авивском доме, почти в полном физическом изнеможении, но сохраняя ясное сознание происходящего и горячую веру в победу.

Через несколько недель напряжение дало себя знать — у него случилось кровоизлияние в мозг. Он

не сдавался, всю свою жизнь он был воином, и теперь до последней минуты продолжал мужественно сопротивляться смерти. Около двух недель боролся Старик за жизнь, лежа в больнице. Большую часть времени он был в полном сознании. Белая кровать, одиночество отдельной палаты. Кровоизлияние вызвало частичный паралич, и Бен-Гурион не мог говорить. Он пожимал руки посетителям, всматривался в них своими умными глазами. Взгляд их не был ни беспомощным, ни отчаянным. Было в нем какое-то спокойствие, но без умиротворенности и покорности. В те горькие дни 1973 года весь народ ощущал символическую связь борьбы за жизнь, которую вел Бен-Гурион, с борьбой Израиля за выживание. В одной из газет появились такие строки: "Даже уйдя с головой в события Войны Судного дня, ее потери и достижения, всем сердцем скорбя о павших своих сыновьях, не может народ Израиля забыть о трагической борьбе Бен-Гуриона со смертью. Личной и национальной драме сообщается исторический смысл, и кажется, что сейчас бьется за жизнь не только Давид Бен-Гурион, но одновременно с ним сражается за свое будущее весь тот героический период, символом которого был Бен-Гурион, даже уйдя от государственных дел и затворившись в Сде-Бокер.

И при виде этой отчаянной борьбы невольно рождается историческая параллель между Бен-Гурионом — человеком и всей эпохой, связанной с его именем".

ГОЛОС БЕЗМОЛВИЯ.

Бен-Гурион умер 1 декабря 1973 года, или 6 кислева 5734 года по еврейскому календарю.

”Я, Давид Бен-Гурион из Сде-Бокер”, — так начинает он свое завещание, в котором просит похоронить его рядом с Полей на заранее подготовленном им участке. Бен-Гурион завещал, чтобы во время похорон у могилы не произносили надгробных речей и не устраивали оружейного салюта.

Похороны проходили в молчании, и молчание это потрясало сильнее поминальных речей и траурных маршей. И когда все участники похоронной церемонии разъехались по домам, на пустынной скале осталось две одиноких могилы, два холмика отесанных камней, глядящих на вечный простор над ущельем Цин.

Человек, приехавший поклониться могиле Бен-Гуриона, проходит сперва мимо здания библиотеки училища, утопающего в свежей зелени и, огибая его, выходит на площадку, в центре которой и находятся две могилы. Посетитель на миг отрывает взгляд от земли — и его вдруг захватывает дикая и мощная красота долины, раскинувшейся у подножья отвесной скалы, всего в нескольких шагах от двух могильных плит. Растрескавшиеся, изрезанные морщинами склоны каменистых гор образуют ущелье, которое убегает на восток, теряясь и пропадая в бесконечной дали. Неколебимое безмолвие этих мест покоряет пришельца. Лишь клекот одинокой степной птицы, лишь гул ветра в расселинах скал пронзают на миг тишину. Порой можно разглядеть юношу или девушку, которые, приставив ладонь к глазам, неподвижно сидят на краю глубокого ущелья, ошеломленные величием древности, какой-то осязае-

мостью вечности, безграничной силой природы, замершей в первозданном спокойствии.

Оглядываясь вокруг, посетитель задается вопросом, почему Давид Бен-Гурион избрал эту вершину местом своего последнего успокоения. Быть может, его мятежная душа, его исполинский размах находили отклик в грозной красоте этого пейзажа? Быть может, он хотел противопоставить могуществу пустыни силу человека, или передать будущим поколениям свой клич: "Победим природу!"? Или напомнить о своем предостережении "Если мы не завоюем пустыню, она осилит нас"?

Что виделось ему, когда одиноко стоял он на краю этого утеса, обнимая взглядом бесконечную ширь? Эрец-Исраэль, которую любил он такой сильной, такой полной любовью? Так когда-то стоял на другой вершине Моисей, впиваясь глазами в землю, которую обещал своему народу. "И взошел Моисей с равнин Моавитских на вершину, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Гилеад, до самого Дана". (Второзаконие, 34:1). Так смотрел Иисус Навин на землю, которую завоевал мечом своим. "И так взял Иисус всю землю эту нагорную, и всю южную, и всю землю Гошен с низменностью и равниной, и горы Израильские с низменностью при них". (Книга Иисуса Навина, 11:16). Так и он глядел на эту землю, когда юношей, опьяненный и взволнованный, подплывал к ее берегам, еще не зная, что пришел унаследовать ее.

Обратив взгляд налево, к западу, мы увидим узкую темную расселину, пробивающую себе путь среди скал и переходящую потом в ущелье, убегающее на восток и превращающееся в широкую долину. И в середине ее, среди густого кустарника, извивается, точно зеленая змейка, прорвавшийся на волю ручеек. Он струится вдаль, пока не скроется из глаз — тонкий стебелек, несущий жизнь в пустыню, уносящийся из темной расселины в бескрайние просторы.

И в эту минуту кажется, что все вокруг символ и
иносказание, что в этом месте, по дороге к Сде-Бокер,
и было начало всему.

Здесь все начинается.

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. Дневник
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 – 1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести,
главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА

36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник
И. Кауфман. Библейская эпоха.
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник

69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ

103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. Давид Шраер и др. В ОТКАЗЕ
114. Гершом Шодем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шодем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. А. Аппельфельд, А. Оз, А. Б. Иошуа,
И. Бен-Нер, Д. Шахар и др. ТЕНИ ОБРАЗА
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:**

**Р.О.В. 39298
61392 Tel-Aviv
ISRAEL**

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Василий Гроссман. ИЗБРАННОЕ. Послесловие и примечания С. Маркиша.

Жизнь и творчество советского писателя Василия Гроссмана (1905–64), имя которого в его стране почти забыто, а за пределами Советского Союза прежде не было известно вообще, – интересны и поучительны для самых разных людей. Среди аспектов творчества В. Гроссмана есть один, может быть, и не главный, но самый важный для издателей этого сборника – это еврейский аспект.

Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Пер. с английского. В двух томах.

Автор книги (1898–1978) – политический и государственный деятель, 4-ый премьер-министр Государства Израиль (1969–74). Голда Меир рассказывает о себе – девочке, родившейся в бедной семье в Киеве и бежавшей от безысходной нищеты в Америку, где она заканчивает учительскую семинарию, а затем, в 1921 г., уезжает в Эрец-Израэль. Вся ее последующая жизнь неразрывно связана с историей ишува и Государства Израиль. Это автобиография одной из самых выдающихся женщин 20-го века.